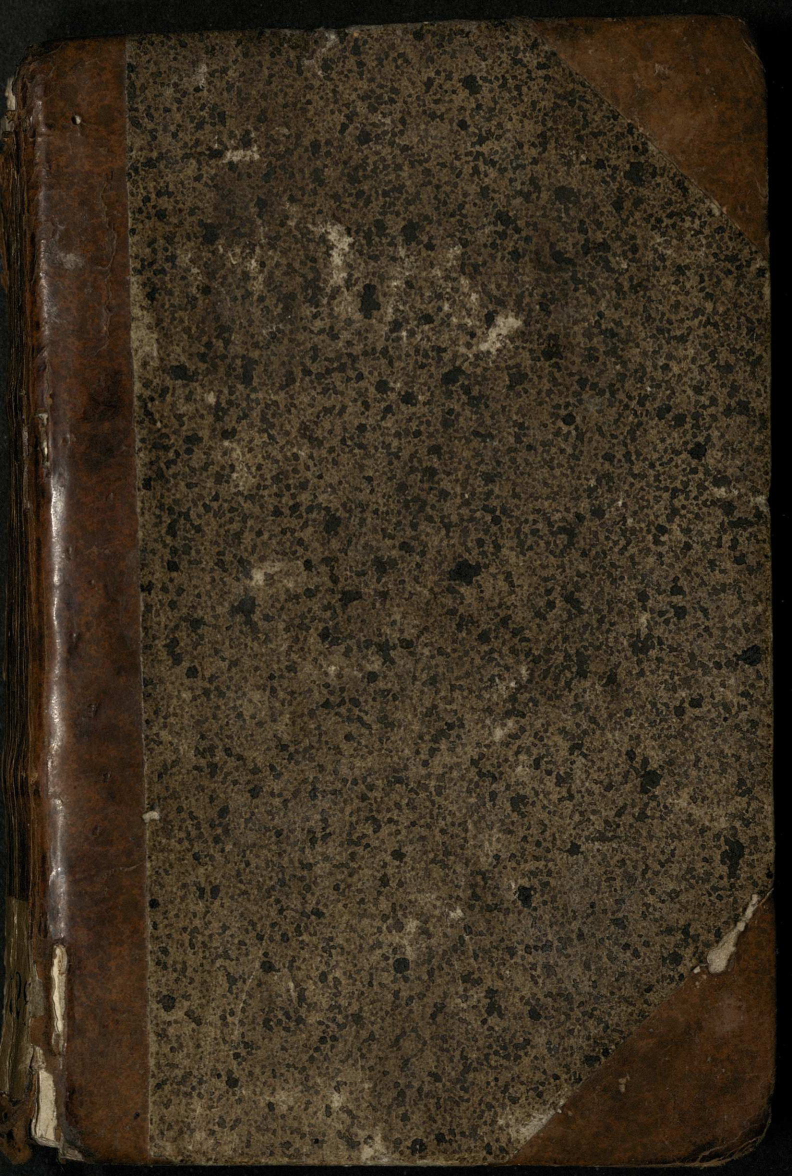
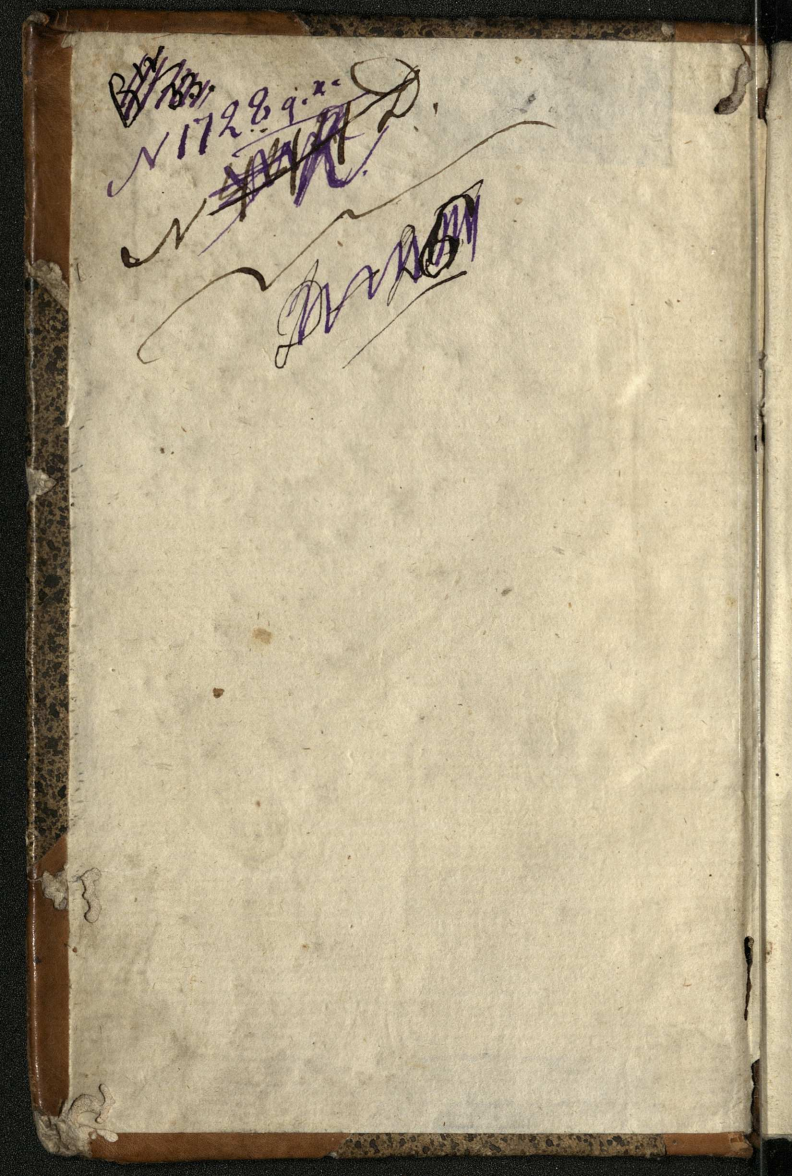
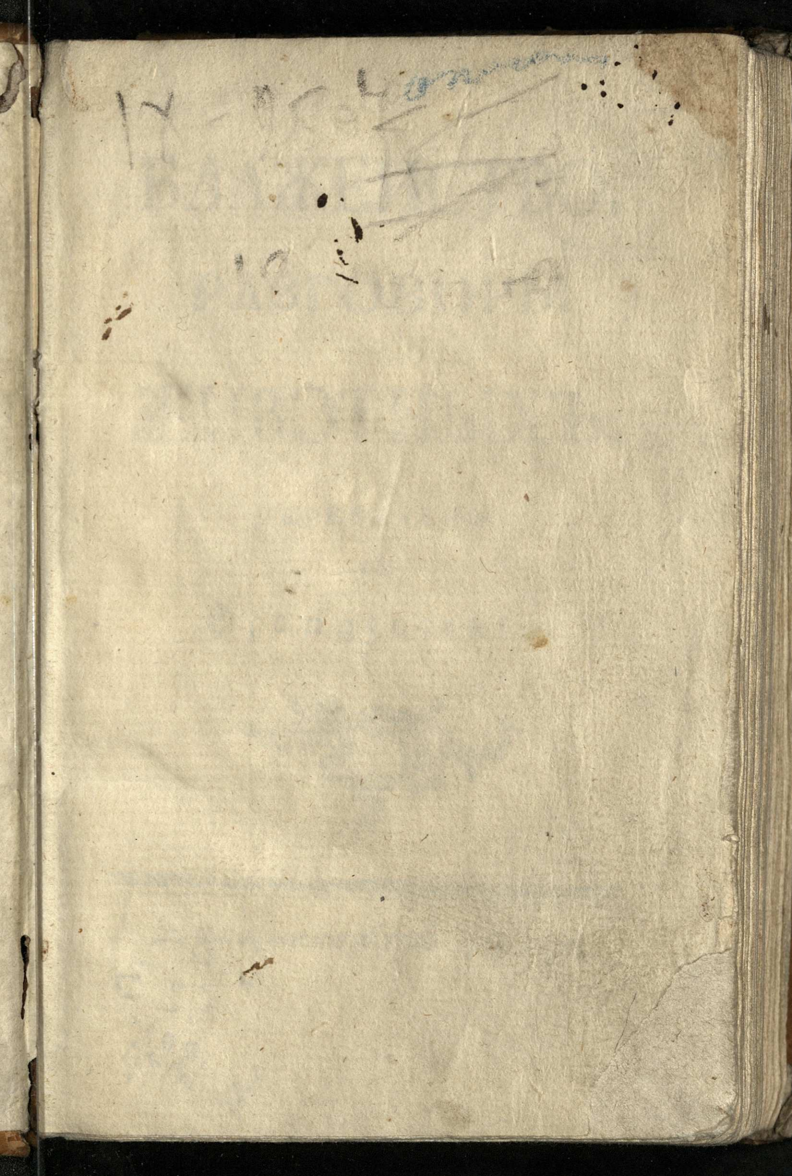
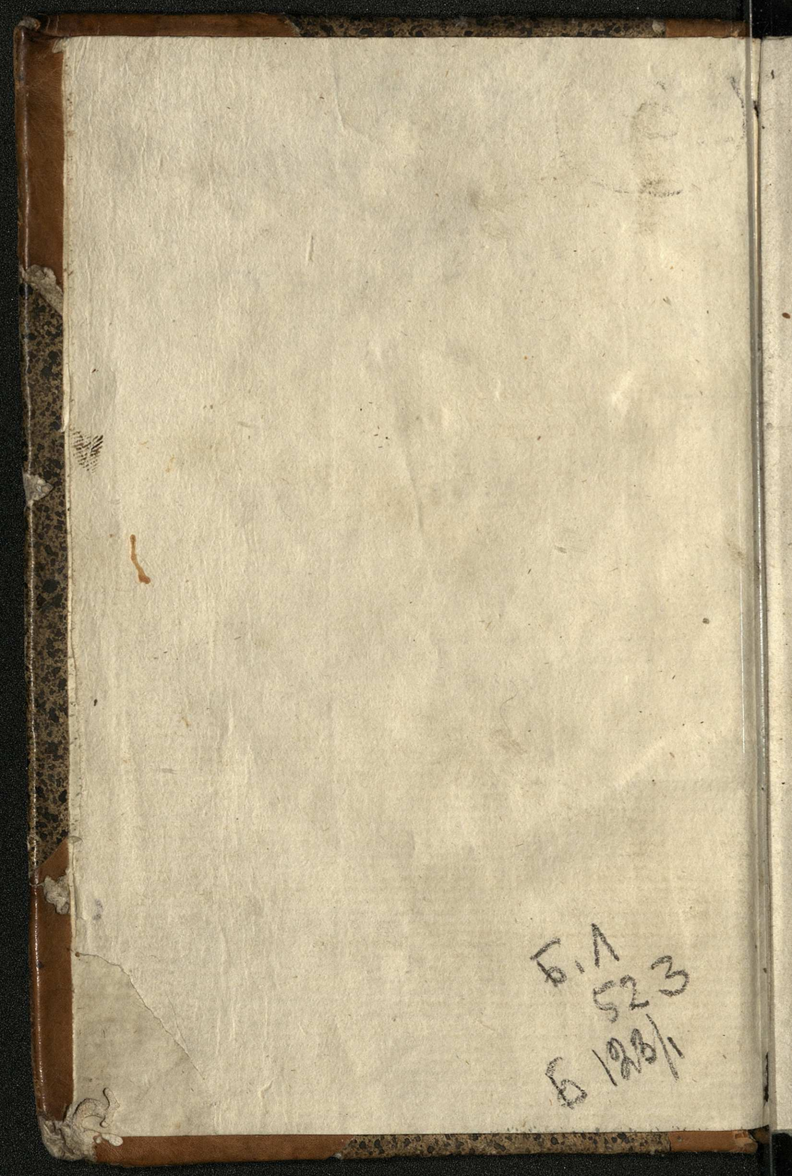

N 1728.9.

Б.1
523
Б 128/1

БЛАЖЕНСТВО.

РАЗГОВОРЫ ЖИВОТНЫХЪ.

ПЕРЕВЕДЕНЫ
съ
Французскаго.

Въ Санктпетербургѣ 1768 года.

ЛЮБЕЗНОМУ ПРІЯТЕЛЮ

ИВАНУ ИВАНОВИЧУ

ГОСПОДИНУ

ГО́ЛИКОВУ

дружеское приношеніе.

Любезный другъ!

Естьли по мнѣнїю любопытныхъ испытателей человѣческаго естества дружба почитается такимъ даромъ, который и благосостоянїе смертныхъ украшать и горестныя приключенїя услаждать можетъ; то я бы былъ весьма несправедливъ, естьли бы скрылъ то удовольствїе, какое я ощущаю отъ сего драгоцѣннаго въ человѣческомъ родѣ союза. Имѣть вѣрнаго собесѣдника, искренняго во всякихъ приключенїяхъ соучастника, надежнаго совѣтника, и

* * *

усерднаго помощника, словомъ, другаго себя, и слѣдовательно двойное бытїе, есть такое удовольствїе, которое легче чувствовать, нежели изъяснить можно, и которое тѣмъ только сердцамъ извѣстно, кои ощущаютъ дружбу въ полномъ ея напряженїи. Я въ обращенїи съ вами находя все то, что дружба драгоцѣннаго въ себѣ ни имѣетъ, не могу пропустить способнаго случая, чтобъ не засвидѣтельствовать, сколь существенна есть часть человѣческаго благоденствїя питанїе, храненїе и прїобрѣтенїе дружества. Взаимные наши разговоры составлявшїе самое прїятнѣйшее

нѣйшее наше упражненіе, заслужили отъ меня должное почтеніе къ вашему благоразумію, и предложенныя вами мнѣ разсужденія о человѣческомъ состояніи, были довольно основательны, и весьма достойны того, чтобъ для изъясненія и рѣшенія оныхъ перевелъ я сію книжку.

Не можно мнѣ ласкать себя надеждою, чтобъ мнѣніе, что животныя наслаждаются блаженнѣйшею жизнію, нежели люди, принято было отъ многихъ. Когда уже въ родѣ человѣческомъ бывали и такіе изверги, которые испровергая вѣчныя естества уставы, и пре-

* * *

возносясь безъ мѣры надъ своими единородными, и самое естество свое превысить и попрать старались; то возможно ли, чтобъ такіе, или по крайней мѣрѣ такимъ подражающіе, согласились дать предъ собою преимущество животнымъ безсловеснымъ? Но есть ли то правда, что люди больше управляемы бываютъ страстьми, нежели разумомъ; то едвали не надобно будетъ признаться, что животные больше имѣютъ способности дѣлать удовольствіе своимъ желаніямъ, и лучше умѣютъ полагать предѣлы своему побужденію, нежели люди; не упоминая уже того, что они отъ природы

ды

* * * *

ды здѣланы нечувствительными ко многимъ изъ тѣхъ предмѣтовъ, желанїемъ которыхъ человѣкъ непрестанно терзается.

Естьли разберемъ одни главнѣйшїе человѣческїе страсти; то безъ сомнѣнїя найдемъ нѣкоторые истинны, могущїе подтвердить сїе мнѣнїе. Честолюбивый увидитъ наконецъ, что число его почитателей ограничено будетъ числомъ жителей свѣта, и что предѣлы вселенныя положатъ предѣлъ и его властолюбїю; не считая того, что онъ, хотя и думаетъ имѣть право требовать, чтобъ все въ свѣтѣ текло по его хотѣнїю, часто будетъ имѣть нещастїе ви-

* * *

дѣть паденіе огромныхъ своихъ предпріятій, отъ собственной своей тяжести разрушающихся. Притомъ, сколь часто видали мы въ Исторіи безмѣрную, и за предѣлы свѣта возлѣтавшую, гордость принужденною наконецъ пресмыкаться по земли! Сребролюбивый всегда будетъ имѣть причину рваться, что увидитъ чтонибудь въ свѣтѣ внѣ своего сундука: и сія досада, естьли не сама низвергнетъ его во гробъ, то по крайней мѣрѣ неразлучною ему будетъ въ оной спутницею. Сластолюбивому, обремененное напослѣдокъ и въ безсиліе приведенное тѣло, къ несказанному его огорченію дастъ

знать

знать, что остаются еще неисчетные тысячи прїятностей, естьли не въ самомъ дѣлѣ находящихся, то по крайней мѣрѣ изъ выдумчивыхъ головъ родиться имѣющихъ, которыхъ онъ вкусить не можетъ.

Но животные не вкушаютъ толь горькихъ плодовъ неумѣренныхъ желанїй: въ нихъ нѣтъ такихъ склонностей, которымъ бы они слѣдовать не могли; и всѣ они, выключая только тѣхъ, которыхъ человѣческое жестокосердїе природной ихъ силы и вольности лишило, находятъ безпрепятственной способъ дѣлать удовольствїе всѣмъ своимъ желанїямъ.

* *** *

Заблужденіе же человѣческаго рода дошло еще до такого излишества, что онъ не стыдится полагать своей славы и въ томъ, что наибольше его безобразитъ Многіе не сомнѣваются превращать въ пепелъ цѣлые города, въ которыхъ милосердое Провидѣніе нѣсколькимъ тысячамъ народа во всякомъ благоденствіи жить благоволило; полагать въ запустѣніе земли, которые для того только и сотворены, чтобъ люди, обитая на нихъ, ощущали и прославляли милосердіе своего Содѣтеля; исторгать жизнь у многочисленнаго народа, которому превѣчная благость участникомъ

быть

* * *

быть своихъ даровъ судила: все же сїе единственно для того, чтобъ на трупїяхъ ближняго своего возвыситься, чтобъ на развалинахъ общества единоестественныхъ своихъ воздвигнуть свои трофеи, и чтобъ слава ихъ храбрости, или лучше сказать безчеловѣчїя, во всѣхъ концахъ вселенныя гремѣла. Тогоже должно было ожидать и отъ прочихъ всѣхъ страстоугодниковъ, естьли бы скудость ихъ силъ не возбраняла имъ приносить своимъ прихотямъ столь тучныя жертвы. Не укоснѣли бы также и они хотя всю тяготу земли тряхнуть, чтобъ только сопхнуть съ нее препятствїя

* * *

ствія стремительство ихъ желаній удерживающія.

Необходимость законовъ въ родѣ человѣческомъ, къ немалому его посрамленію, довольно ясно показываетъ поползновеніе его разума ко всякому злоупотребленію: и кажется, что Всесовершенная Премудрость, всѣ твари на свѣтъ произведшая, больше имѣла довѣренности ко всѣмъ прочимъ животнымъ, нежели къ людямъ, когда первыхъ поручила предводительству собственнаго ихъ произволенія, не могущаго никогда довести ихъ до великаго безпорядка: а другихъ за нужно почла не только обуздать законами, но и присоеди-

нить

нить къ нимъ строгость казней, какъ бы опасаясь, чтобъ люди, будучи оставлены произвольному правленїю разума, сами своей погибели и бѣдствїя не здѣлались виновниками.

Не можно однакоже, не наруша справедливости, отнять у человѣка нѣкоторыхъ преимуществъ, которыми его только одного безконечная Премудрость почтить благоволила. Всякъ понимающїй причину своего бытїя увидитъ, что онъ созданъ такъ, что безъ помощи другихъ подобныхъ себѣ людей прожить не можетъ, и что слѣдовательно и онъ обязанъ взаимнымъ образомъ дѣлать всевозможныя вспомоществованїя другимъ.

* * *

другимъ. Онъ, проникая во всеобщей человѣческаго рода союзъ, увидитъ безъ сомнѣнія, что всѣ люди въ разсужденіи своего происхожденія, жизни и конца между собою подобны, соединены и связаны: усмотритъ также, что они всѣ, какъ братья, происходятъ изъ нѣдръ одной и тойже матери, то есть натуры, отъ ея сосцевъ питаются, и лишившись своего бытія, возвращаются въ прежнія и всѣмъ общія тойже своей матери нѣдра, и разсыпаются въ тотже прахъ, изъ котораго они были составлены. Такой прозорливой испытатель союза вещей непремѣнно будетъ жалѣть потерять

на

на свои прихоти ту минуту, которую могъ бы онъ употребить въ пользу общества. Не будетъ ходить въ слѣдъ своихъ желанiй; ибо онъ знаетъ, что человѣкъ, сверьхъ прочихъ своихъ слабостей, можетъ подвергнуть себя и тому нещастiю, что тамъ, гдѣ онъ думалъ найти изобильный , источникъ удовольствiй, обрѣтаетъ неизмѣримую пучину бѣдствiй и печалей. Онъ будучи преисполненъ глубочайшаго благоговѣнiя и безпредѣльныя благодарности къ своему Создателю, котораго благоутробiе онъ видитъ въ полномъ его изобилiи, прiемлетъ безъ роптанiя все

то,

* * *

то, что всесильная его десница на него навесть ни за благоразсудитъ. Не сердится онъ, естьли его намѣренія будутъ не совмѣстны съ планомъ премудраго онаго Архитектора соорудившаго безмѣрную сію громаду, въ одномъ разсматриваніи которыя вся человѣческая премудрость утопаетъ, и всегда имѣющаго довольно силъ предусмотрѣть и предустроить все то, что къ пользѣ каждаго ни потребно. Ничто его спокойствія нарушить не можетъ; и естьли онъ ощущаетъ когда нибудь какое неудовольствіе, то развѣ только отъ того, что онъ не обрѣтаетъ случая дѣлать добро

* * *

бро другимъ: но и сїе для него неприятное приключенїе стократно награждается удовольствїемъ, какимъ онъ наслаждается, когда найдетъ оной. Онъ не только охотно жертвуетъ всѣми своими выгодами пользѣ общества, но съ спокойнымъ духомъ преклоняетъ свою выю и подъ смертоносный ударъ, есть ли благосостоянїе общества того требуетъ, и любуется тѣмъ, что его бытїе въ какомъ нибудь случаѣ полезно было для его ближнихъ: изъ всегоже сего родится въ немъ такое удовольствїе, которое никому изъ другихъ животныхъ неизвѣстное, но для однюго только человѣка предоставлено.

влено. Такой духъ есть тотъ драгоцѣнной адамантъ, котораго блистанія никакая тьма помрачить, и твердости никакое орудіе сокрушить не можетъ.

Въ прочемъ я ласкаю себя надеждою, что всякъ подтвердитъ мое разсужденіе; ибо естьли кто имѣлъ время разсмотрѣть свои склонности и дѣла, тотъ не отмѣнно долженъ будетъ причислить себя къ первому или къ послѣднему роду описанныхъ здѣсь людей.

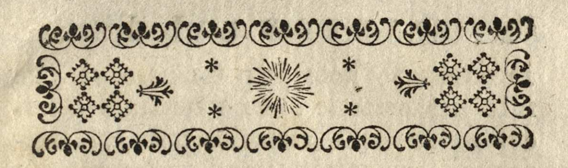
На конецъ я довольно награжденнымъ себя за сей трудъ сочту, естьли предложенныя въ сей книжкѣ разсужденія подадутъ желаемое изъясненіе на

* * *

ваши мнѣнія, и естьли увѣрятъ васъ о безпредѣльной искренности той дружбы, съ какою я есмь и буду

вашимъ вѣрнымъ и усерднѣйшимъ слугою.

С: б:

БЛАЖЕНСТВО.

РАЗГОВОРЫ ЖИВОТНЫХЪ.

РАЗГОВОРЪ I.

УЛИССЪ, ЦИРЦЕЯ, УСТРИЦА и КРОТЪ.

УЛИССЪ.

ХОтя вы, прекрасная Цирцея, сіе жилище, въ которомъ я обитаю, и здѣлали пріятнымъ, и хотя я наслаждаюсь всѣми плодами спокойной жизни; но не смотря на всѣ ваши нѣжности, не смотря на горячность и

ласковость, которую вы издавна уже мнѣ оказываете, воспоминаніе о моемъ отечествѣ затмѣваетъ всѣ прелести, которыя меня удерживаютъ на семъ островѣ. Гласъ дружества непрестанно ко мнѣ вопіетъ, и мое сердце скучивши отъ весьма долговременной разлуки, заставляетъ меня всегда желать видѣться съ моими друзьями и моимъ отечествомъ. Я думаю, но не смѣю вамъ въ томъ признаться, я думаю васъ оставить; я думаю уже уѣхать.

ЦИРЦЕЯ.

Уѣхать! что вы говорите, Улиссъ?

УЛИССЪ.

Такъ, конечно я васъ оставляю; но прежде нежели отселѣ удалюся, позвольте мнѣ спросить себя, прекрасная Цирцея, между толикимъ числомъ людей, которыхъ вамъ въ звѣрей превратить изволилось, между сими оленями, между сими львами, между сими волками, нѣтъ ли кого нибудь изъ моихъ земляковъ?

Цирцея.

ЦИРЦЕЯ.

Да, безъ сомнѣнія есть, любезный Улиссъ; но къ чему служитъ сей вопросъ?

УЛИССЪ.

Я прошу васъ сѣсть здѣсь на самое малое время, а потомъ я вамъ оное скажу. Остановитесь: сїе мѣсто весьма прелестно: море, которое видно издали, воздухъ, и благовонный запахъ отвсюду происходящїй умножаютъ то удовольствїе, которое я ощущаю разговаривая съ вами.

ЦИРЦЕЯ.

Изрядно, пойдемъ и сядемъ, естьли то вамъ угодно; я всегда съ удовольствїемъ дѣлаю все то, чего вы ни потребуете отъ моей горячности. Ну извольте говорить!

УЛИССЪ.

Вы безъ сомнѣнія не опорочите моего намѣренія, по крайней мѣрѣ я того надѣюсь отъ вашей благосклонности. Одна только дружба, прекрасная Цирцея, и одно только сїе нѣжное

чувствованіе побудило меня освѣдомиться о Грекахъ, которые можетъ быть находятся между тѣми, кои твоею силою превращены: и могу ли я, узнавъ о ихъ нещастіи, и пользуясь моимъ разумомъ, преминуть, чтобъ не постараться возвратить имъ ихъ разумъ? Разумѣете ли мои слова Цирцея?

ЦИРЦЕЯ.

Какъ! вы хочете, чтобъ сіи Греки здѣлались моею силою опять людьми, и слѣдовали бы за вами?

УЛИССЪ.

Но то право, которое вы мнѣ дали надъ своимъ сердцемъ, могу ли я лучше на что нибудь другое употребить, какъ на испрошеніе у васъ сей милости? Сіи нещастные безъ сомнѣнія будутъ мною безконечно обязаны; притомъ я по возвращеніи моемъ въ Итаку не совсѣмъ избѣгу выговоровъ отъ моихъ согражданъ, есть ли они узнаютъ, что я пренебрегъ возвратить моему отечеству нѣкотораго

тораго числа людей, которыхъ вы содержите въ найпрезрѣннѣйшемъ и въ найпечальнѣйшемъ состоянїи, бывши въ силахъ васъ о томъ упросить.

ЦИРЦЕЯ.

Очень хорошо, мнѣ весьма прїятно видѣть въ васъ чувствованїе сострадания: оно есть дѣйствїе доброй склонности, и однимъ только великодушнымъ сердцамъ свойственно есть быть чувствительными. Но что, естьли сїи нещастные не суть въ самомъ дѣлѣ столько нещастны, сколько вы думаете: и естьли имъ сїе по вашему мнѣнїю презрительное и бѣдственное состоянїе больше нравится, нежели то, въ которое вы ихъ возвратить хочете?

УЛИССЪ.

О! но ето невозможное дѣло.

ЦИРЦЕЯ.

Напротивъ весьма возможно, и я объзакладъ бьюсь, что всѣ ваши Греки захотятъ лучше остаться таки-

ми, каковы они теперь, нежели паки здѣлаться людьми, и за вами слѣдовать. Вы етому, я вижу, невѣрите; но подите для испытанія, и спросите ихъ самихъ, то вы сами сїе увидите. Впрочемъ естьли они согласятся поѣхать съ вами, то и я на то согласна; но знайте же притомъ, что я ихъ не буду принуждать принимать опять человѣческій видъ и разумъ противъ ихъ воли.

УЛИССЪ.

Увижу . . . Но какъ вы хочете, чтобъ я сїе узналъ отъ звѣрей, которые не могутъ ни разумѣть моего разговора, ни мнѣ отвѣтствовать?

ЦИРЦЕЯ.

О! что до сего касается, то вы не безпокойтесь, любезный Улиссъ, я съ охотою дамъ имъ способность съ вами разговаривать.

УЛИССЪ.

Какъ! будто бы они были и теперь еще люди? Вы шутите.

ЦИРЦЕЯ.

Точно такЪ; но я не понимаю, откуда вамЪ такое удивленіе: когда я могла у твоихЪ земляковЪ отнять разумЪ и способность разговаривать, то я стольже легко могу и возвратить оную; и чтобЪ васЪ больше не задерживать, то остановитесь: видите ли вы на етомЪ камнѢ сію раковину, которая открывается и закрывается; и еще подалѢ при корнѢ сего дерева сію малинкую глыбку земли орошаемую водами?

УЛИССЪ.

Очень ясно вижу.

ЦИРЦЕЯ.

ТакЪ ето суть жилища Устрицы и Крота, сЪ которыми вы можете говорить. Оба они нѢкогда были людьми: подите и разговаривайте сЪ ними, я всего тебя оставляю стараніямЪ убѢдить ихЪ; и естьли вы вЪ томЪ получите какой успѢхЪ, то я неотпираюсь отЪ моего слова, и вамЪ отдаю сихЪ людей, и вы можете меня увѢдомить о

вашей удачѣ здѣсь при семъ источникѣ, гдѣ я прохаживаясь буду ожидать окончанія вашего разговора.

УЛИССЪ.

Нѣтъ, я не могу, какъ развѣ съ трудомъ тому повѣрить? съ звѣрями . . . , и я буду съ ними говорить! Они будутъ меня разумѣть, со мною говорить, и мнѣ отвѣтствовать! . . Нѣтъ я не могу осмѣлиться и опыта здѣлать . . . . Цирцея развѣ меня . . . Но нѣтъ, Цирцея меня необманываетъ; и какъ она одна только сему свидѣтельница, такъ пустьже отвѣдаю, пойду: но какъ мнѣ съ ними говорить, какое имъ дать имя . . . . я дамъ имъ то, которое сіи бѣдные люди носятъ будучи животными. Эй Устрица!

УСТРИЦА.

Чево ты хочешь Улиссъ?

УЛИССЪ.

Прежде всего знать твое имя, и Грекъ ли ты?

УСТРИЦА.

Да я прежде моего превращенія былЪ ГрекЪ: ибо я родился вЪ близълежащемЪ отЪ АѳинЪ мѣстечкѣ. Имя мое было ИѳакЪ, и мое художество, было художество убогое, а именно, я былЪ рыбакЪ.

УЛИССЪ.

Ето правда, твое состояніе безЪ сомнѣнія не было прелестно, почему я довольно увѣренЪ, что мое за тебя у Цирцеи ходатайство не будетЪ тебѣ противно. Знай, ИѳакЪ, что я твоимЪ нещастіемЪ тронутЪ, и я весьма сожалѣю о твоей судбинѣ. А какЪ ты мой землякЪ, то отЪ тебя единственно зависитЪ быть тебѣ отведену вЪ твою землю: при чемЪ знай, что ты, оставивши сей Устрицы видЪ, пріимешь на себя свой прежній.

УСТРИЦА.

НѣтЪ УлиссЪ, все твое хитрое красноречіе, которымЪ ты столь много прославился, будетЪ вЪ томЪ безполезно, чтобЪ меня кЪ тому склонить.

Я благополучна, я живу щасливо. Нѣтъ, нѣтъ, ни за что въ свѣтѣ я не соглашусь здѣлаться паки человѣкомъ. Я непрестанно терзался тысячею печальныхъ мыслей, когда я былъ человѣкомъ; и по крайней мѣрѣ въ семъ состоянiи, въ которомъ теперь пребываю, я не нахожу ничего прискорбнаго. Я оставилъ жизнь наполненную всегдашними безпокойствами и печальми, и я не столь безразсуденъ, чтобъ захотѣлъ опять въ нее вступить.

УЛИССЪ.

Ахъ Иэакъ, любезный другъ, смотря на твои разсужденiя, можно вѣрить, что ты съ человѣческимъ видомъ потерялъ и разумъ!

УСТРИЦА

Но не лучше ли можно сказать, что ты его потерялъ: ибо ты не подаешь причины думать, что ты имѣешь разумъ. Но не длячего намъ взаимно себя укорять, оставимъ лучше сiи язвительности, и станемъ говорить

рить подружески. Я уже́ испыталъ и то и другое состоянїе, то есть, человѣческое и устрицыно, слѣдовательно съ лучшею, нежели ты, точностїю могу сравнивать выгоды и неудобства обоихъ. Такъ послушай же, справедливо ли я дѣлаю, когда свой вкусъ предпочитаю твоимъ совѣтамъ, и довольно ли истинно то, что тебѣ столь страннымъ кажется, то есть, что лучше остаться Устрицею, нежели быть опять человѣкомъ.

УЛИССЪ.

Хорошо, говори, я весьма желаю знать твои доказательства.

УСТРИЦА.

Изрядно! но надобно, чтобъ ты нѣчто мнѣ обѣщалъ; а именно, чтобъ ты, покамѣстъ я съ тобою разговариваю, смотрѣлъ, чтобъ несхватилъ меня какой нибудь хищной ракъ, что онъ безъ сомнѣнїя здѣлаетъ, естьли онъ успѣетъ вложить въ меня маленькой камушекъ, дабы чрезъ то воспрепятствовать мнѣ затворить мою раковину.

УЛИССЪ.

Да для чегожъ ему ето дѣлать?

УСТРИЦА.

Для чего? для того, чтобъ меня удобнѣе вытащить, а потомъ съѣсть. О! сіи злодѣи сего не упустятъ, они за нами подсматриваютъ, и естьли они застаютъ насъ открытыхъ, то всѣхъ поглощаютъ.

УЛИССЪ.

Твоя предосторожность весьма разумна: но кто васъ оной научилъ, и кто вамъ внушилъ средства къ предохраненію себя отъ сихъ непріятелей?

УСТРИЦА.

Никто, кромѣ натуры. Развѣ у ней мало есть средствъ къ сохраненію своего созданія?

УЛИССЪ.

Изрядно! ты можешь со мною говорить. Я смотрю, и ты находишся уже́ въ безопасности.

УСТРИЦА.

И такъ я начну. Скажи мнѣ Улиссъ, вы люди, которые столько

хвастаете своимъ разумомъ, и которыхъ сей же разумъ доводитъ до толь многихъ несправедливостей; изъ тѣхъ вещей, которые отдаются вашему произволенїю на выборъ, не всегда ли вы предпочитаете всѣмъ прочимъ ту, которая по вашему мнѣнїю кажется вамъ лучшею?

УЛИССЪ.

Безъ сомнѣнїя такъ. И сїя самая способность избирать для себя лучшее, есть изъ числа тѣхъ выгодъ, которые наилучше доказываютъ совершенство нашего разума, и наибольше приносятъ чести нашему разсужденїю. А содержать все безъ разбору въ одинакомъ степени почтенїя, это будетъ не иное что, какъ оказывать недостатокъ своего познанїя въ свойствахъ вещей.

УСТРИЦА.

Не гораздо ли больше также вы любите то, что вы больше почитаете, и что вы за лучшее признаете?

УЛИССЪ.

Всегда. Въ томъ, что разумъ позна-

е́тъ, тотъ часъ беретъ участїе и сердце, и непосредственно начинаетъ оное или любить или ненавидѣть, смотря потому, какъ оно прїятное или скучное чувствованїе въ немъ производитъ.

УСТРИЦА.

Не больше ли вы вниманїе свое обращаете на то, что вы любите?

УЛИССЪ.

Кто о томъ будетъ сомнѣваться?

УСТРИЦА.

Хорошо! такъ думаешь ли ты, что натура дѣлаетъ безразсуднѣе, и что она въ томъ иначе поступаетъ? Напротивъ того, она сїе наблюдаетъ гораздо съ большимъ постоянствомъ. Она никогда не ошибается, и что она однажды здѣлала, то она дѣлаетъ и всегда. По крайней мѣрѣ я о семъ многократно слыхала отъ вашихъ ученыхъ Аѳинейцовъ, которыхъ мнѣ случалось видѣть собирающихся на переходахъ, куда я часто хаживалъ продавать изловленную мною рыбу.

УЛИССЪ.

Что касается до сего, то и я тоже думаю.

УСТРИЦА.

Ты то же думаешь? такъ ты согласишся также и въ томъ, что мы прочїе животные лучше, нежели люди, и что нашъ родъ есть благороднѣе твоего.

УЛИССЪ.

Какъ такъ, другъ мой?

УСТРИЦА.

Ето весьма ясно: ибо когда натура больше свое вниманїе обращаетъ на насъ, нежели на васъ потому, что она большее имѣетъ попеченїе о насъ, нежели о васъ; то она больше насъ любитъ: а когда она больше любитъ, то слѣдуетъ, что она насъ считаетъ за лучшихъ, и что она насъ больше почитаетъ нежели васъ.

УЛИССЪ.

А, а! ето нѣчто Логическое.

УСТРИЦА.

Я не знаю, что ты чрезъ сїе разумѣешь: я не вѣдаю, по правиламъ ли

Логики

Логики я говорю, или нѣтъ; но въ томъ увѣрена, что говорю послѣдуя вдохновенiямъ натуры; а она мнѣ внушаетъ, что она насъ больше почитаетъ.

УЛИССЪ.

Напротивъ въ самомъ дѣлѣ находится гораздо иное, нежели что ты говоришь.

УСТРИЦА.

Повѣрь мнѣ, что такъ. Впрочемъ ты только разсмотри, что натура здѣлала для васъ. Сiе разсматриванiе начни ты съ такой дальности, съ какой самъ хочешь. Доберись до самаго рожденiя; что ты въ немъ найдешь, которое бы доказывало толь великое о васъ попеченiе сей самой натуры, о которой утверждаешь, что она такъ много почитаетъ человѣка? Вы раждаетесь наги, не имѣя ни малѣйшей вещи могущей васъ защитить отъ воздушныхъ перемѣнъ. Чтожъ касается до насъ, то мы выходимъ на свѣтъ, будучи ужé въ состоянiи выдержать насильство погоды, хотя она

будетъ

будетЪ весьма тепла, хотя излишно холодна; и естьли не перьями и не шерстью, то по послѣдней мѣрѣ мы покрыты бываемЪ чешуею или кожею, которою насЪ натура одарила для сохраненія нашей жизни вЪ то самое мгновеніе, мгновеніе по причинѣ толикаго ея благодѣянія весьма достопамятное, вЪ которое мы, такЪ сказать, изЪ ея рукЪ выходимЪ, предпочетши насЪ чрезЪ то всѣмЪ вамЪ. ТакЪ какЪ ты думаешь *УлиссЪ*, должно ли сіе почитать знакомЪ ея кЪ намЪ холодности, или доказательствомЪ того, что сохраненіе насЪ есть непослѣднимЪ предмѣтомЪ ея попеченій.

УЛИССЪ.

Сказать правду, другЪ мой, сіе доказательство очень слабо. Ты, какЪ видно, еще и самЪ всего сего основательно не разумѣешь. Естьли мы раждаемся наги, и при нашемЪ рожденіи ничего не выносимЪ сЪ собою, какЪ только нѣжные члены покрытые нѣжнѣйшею еще кожею; то не думай, чтобЪ тому было причиною презрѣ-

ніе,

нїе, какое къ намъ, по твоему мнѣнїю, натура имѣетъ. Нѣтъ, но напротивъ того она сїе дѣлаетъ отъ большей къ намъ горячности. Ибо, какъ она намъ дала внутреннее чувствованїе, которое со временемъ должно просвѣщать, и разумъ, котораго дѣйствїя надобно показывать и на внѣшности; и какъ все сїе дѣлается помощїю чувствъ: то необходимо потребно, чтобъ и тѣ орудїя, посредствомъ которыхъ производятся въ нашемъ мозгѣ воображенїя, отъ внѣшнихъ предмѣтовъ въ насъ влагаемыя, имѣли соотвѣтствующее къ сему намѣренїю расположенїе; безъ чего никакихъ бы воображенїй, или по крайней мѣрѣ столь живыхъ, никакихъ понятїй, никакого смысла и никакого бы разума мы не имѣли. Мы не были бы люди, а были бы препоручены, такъ какъ и вы, одному побужденїю, которое вами управляетъ, естьли бы мы, также какъ вы, ничего больше отъ натуры не получили, какъ только покрытое напримѣръ чешуею тѣло, котораго всѣ

концы

концы утверждены въ кохтяхъ ; и наконецъ чувства не чувствительные къ безчисленному множеству разнаго рода воображенiй, которые мы однако же чувствуемъ. Нашъ разумъ подобенъ цвѣтку, который не съ самаго начала, но современемъ оказывается въ полномъ своемъ сiянiи. Употребленiе, и упражненiе чувствъ, которое, въ разсужденiи воображенiй разуму отъ него сообщаемыхъ, по справедливости назваться можетъ Зефиромъ, отъ котораго сей цвѣтокъ раскидывается. Имѣете и вы всѣ сей цвѣтокъ, но въ почкѣ, а не достаетъ вамъ только Зефира, который бы его разбилъ. Натура его вамъ дать неблаговолила ; сей драгоцѣнный подарокъ оставила она для насъ : и какъ она за благоразсудила однихъ только насъ здѣлать существами разумными, то и надобно было, чтобъ она онымъ насъ одарила.

УСТРИЦА.

Великаго труда тебѣ будетъ стоить, чтобъ увѣрить меня, что она,

когда

когда хотѣла здѣлать васъ разумными, не могла въ семъ случаѣ поступить иначе, какъ чтобъ не снабдить васъ орудїями свободными отъ тѣхъ препятствїй, которыми наши чувства связаны. Ибо, какъ она сотворила все, то я думаю, что она весьма легко могла бы здѣлать и то, чтобъ вы, дабы были въ состоянїи разсуждать, снабдѣны были такими или другими орудїями, напримѣръ: вы бы могли быть сотворены такими, какъ и мы, и чтобъ вмѣсто пальцовъ вы имѣли по концамъ вашихъ рукъ и ногъ толстыя копыта, чешуйчетую кожу, кости, или чтонибудь другое. Развѣ натура не могла здѣлать того, чтобъ не огонь, но ледъ ожигалъ?Ето только вы думаете, что сїя натура, сїя основательница всѣхъ столь порядочныхъ и сильныхъ дѣйствїй, есть ограничена, опредѣлена, и столь мало сильна.

УЛИССЪ.

Но въ такомъ случаѣ сей удивительный и прекрасный порядокъ, по кото-

рому все здѣсь происходитъ, и въ которомъ состоитъ вся красота сего свѣта, куда бы дѣвался?

УСТРИЦА.

Вотъ еще въ чемъ нашелъ затрудненїе! Вмѣсто сего былъ бы другой, который бы составлялъ другой родъ красоты, и свѣтъ всегдабы столько же былъ прекрасенъ, хотя бы онъ былъ сотворенъ и другимъ образомъ.

УЛИССЪ

Хорошо, пусть будетъ такъ. Но смотри, мы далеко отшиблись отъ нашего предложенїя. Мы говорили о томъ, что мы раждаемся наги: но какая важность въ сей наготѣ? будто бы мы не имѣли столько разума, чтобъ себя одѣть тѣмъ же самымъ, чемъ вы предъ нами столь много хвастаете, почитая оное за особенное благодѣянїе натуры? Вы хотя и имѣете шерсть, перья и тому подобное; но часто бываетъ, что вы ихъ носите только для насъ. Мы умѣемъ съ васъ ихъ снимать.

Устрица

УСТРИЦА.

Такъ! но коликихъ опасностей и коль великому множеству изъ васъ стоитъ то, чтобъ отнимать у насъ наше имѣніе, которое не для васъ намъ подарено? Притомъ, я хочу нѣсколько умягчить бѣдствія сихъ вашихъ предпріятій, за какую цѣну достаете вы сіи одежды, которыя мы, какъ ты говоришь, носимъ для васъ? Сколько дѣлаете пріуготовленій, сколько проливаете поту, сколько находите въ томъ затрудненій? Вы не прежде, какъ уже поутомленіи ста художническихъ рукъ, достигаете до того, чтобъ одѣться шерстью, или нарядиться въ шелковые матеріи; что все нѣкоторымъ изъ насъ есть совсѣмъ природное одѣяніе.

УЛИССЪ.

Я удивляюсь сему твоему важному виду, съ которымъ ты сіе утверждаешъ. Это можно лучше почесть препровожденіемъ времени, нежели трудомъ, чтобъ спрясть себѣ платье.

УСТРИЦА.

Да! для тебя и тебѣ подобныхъ сїе подлинно есть одно препровожденїе времени и забава. Ето будетъ средствомъ содержать всегда въ упражненїи вашу всѣмъ изобилующую лѣность, которая столь много васъ отягощаетъ. Ето есть забава; но хорошо, что ты столь щастливъ, что твоя Пенелопа можетъ дѣлать сїе вмѣсто забавы, и тѣмъ увеселять своихъ глупыхъ любовниковъ. *Но что касается до* тѣхъ бѣдныхъ людей, которыхъ все пропитанїе отъ того зависитъ; до несщастныхъ отцовъ, которыхъ трудолюбивые руки едва могутъ приносить своей фамилїи кусокъ хлѣба, доставая его чрезъ толикїя труды, которыми ты одѣваешся: то можешъ ли ты думать, Улиссъ, что сїи упражненїя, которыя суть забавою твоей празности, приносятъ имъ великое увеселенїе? Что принадлежитъ до меня, то, когда я былъ человѣкомъ, ничто не было столь для меня несносно, какъ сїя необходимость трудиться. Я бы все здѣлалъ,

чтобъ

чтобъ только отъ нее избавиться; но надобно было жить, а безъ денегъ какъ можно жить? Я здѣлался рыбакомъ; ибо мнѣ казалось, что сей промыселъ не столь былъ труденъ, какъ другїе.

УЛИССЪ.

И я такъ же, какъ и ты, скажу, что онъ не столь труденъ, естьли въономъ упражняться только для забавы: въ такомъ случаѣ рыбная ловля есть нѣкоторой родъ увеселенїя. Но для тебя, повѣрь мнѣ, другъ мой, сей промыселъ не могъ быть столь увеселителенъ. Тутъ должно было претерпѣвать стужу, жаръ, дождь, бурю, но что я говорю, тысячу другихъ трудностей; а для лѣниваго. . . .

УСТРИЦА.

И такъ я не имѣю причины опять приниматься за сїе ремесло. Я нахожу себя гораздо въ лучшемъ состоянїи, когда не имѣю нужды ничего дѣлать. Сверьхъ того натура къ намъ гораздо благосклоннѣе: она поступаетъ съ нами, какъ съ своими

любез-

любезными дѣтьми, а съ вами какъ съ извергами. Она еще и тѣмъ не удовольствовалась, что насъ одѣла, но ея горячесть еще далѣе простирается. Она благоволила насъ здѣлать безопасными противъ самыхъ несноснѣйшихъ воздушныхъ перемѣнъ. Она намъ опредѣляетъ домы, и наши жилища суть намъ прохлажденіемъ.

УЛИССЪ.

Подлинно, твое жилище прелестно!

УСТРИЦА.

Что ты называешъ прелестнымъ? не смѣйся пожалуй, погляди на мое, и разсмотри, съ колик имъ искусствомъ здѣлана сія раковина, въ которой я обитаю, какъ я ее открываю и закрываю по моему произволенію, какъ пріятно я въ ней покоюсь. Сколь удачно я избавляюсь отъ гоненій моихъ непріятелей. Посмотри также на жилище Черепахи и Улитки, находишь ли ты столь спокойные домы между подобными тебѣ людьми?

УЛИССЪ.

Правда! но вить не всѣ животныя

суть Черепахи, не всѣ Улитки, и не всѣ имѣютъ такія жилища, а особливо напримѣръ, птицы, волки, и столь многіе другіе.

УСТРИЦА.

Какъ, развѣ птицы, волки не имѣютъ для себя деревъ, норъ, пещеръ, и лѣсовъ?

УЛИССЪ.

О куда какъ сіи жилища для нихъ выгодны!

УСТРИЦА.

Безъ сомнѣнія весьма выгодны; потому что въ оныхъ обитая они суть свободны отъ всѣхъ заботъ и попеченій, которые васъ окружаютъ въ вашихъ спокойнѣйшихъ домахъ. И естьли строеніе ихъ не почитать трудомъ, то по крайнѣй мѣрѣ много вы имѣете заботы въ ихъ охраненіи, и много опасности, чтобъ не быть отъ нихъ задавленымъ. Развѣ я сего не видалъ во время землетрясенія? Безпристрастно, сказать, весьма было смѣшно смотрѣть, какъ вы бѣгали толпами какъ скворцы и какъ безумные

умные; какъ приносили своимъ богамъ ладонъ, будто бы симъ куренїемъ могли вы избавиться отъ предлежащаго бѣдствїя. Но мы совсѣмъ свободны отъ всѣхъ таковыхъ приключенїй. Мы никого не утруждаемъ своими прозбами о сохраненїи нашихъ домовъ. Такъ думаешь ли ты, что мы больше сожалѣнїя достойны?

УЛИССЪ.

Но землетрясенїе не есть весьма частое приключенїе.

УСТРИЦА.

А мы сверьхъ того не имѣемъ причины и бояться, чтобъ мы когда нибудь не имѣли домовъ. Естьли то мѣсто, на которомъ мы поселяемся, начинаетъ намъ не нравиться; то мы не принуждаемъ себя тутъ долго быть; мы ищемъ другаго, и оное всегда находимъ: но можете ли сїе здѣлать вы? Часто неспокойной сосѣдъ приводитъ васъ въ бѣшенство, или трудолюбивый художникъ стукомъ своего молота разбиваетъ вашу

голову, или злая женщина крикомЪ васЪ заглушаетЪ, или какой полуумной, котораго опасныя сумозбродства, столько васЪ устрашаютЪ, что вы принужденными находитесь держать себя вЪ заперти: что тогда вамЪ дѣлать? Надобно терпѣть. ВЪ состоянїи ли вы ваше жилище перемѣнить? НѣтЪ! вы когда сїе дѣлаете, то подвергаете себя опасности найти еще хуже. Поди, поди УлиссЪ, я нимало не отступлю отЪ того мнѣнїя, что натура сЪ вами гораздо хуже поступаетЪ, нежели сЪ нами. Она больше насЪ почитаетЪ, и больше о насЪ имѣетЪ попеченїя. И такЪ надобно, чтобЪ мы лучше васЪ были, и что люди суть самой послѣднїй родЪ ея дѣтей; и еще тоже повторяю, мы гораздо благороднѣе васЪ.

УЛИССЪ.

Правда, вЪ твоихЪ словахЪ есть много вѣроятнаго; но все сїе потеряетЪ свою вѣроятность, естьли только принять вЪ разсужденїе то, что я сказать намѣренЪ: то есть, что не-

необходимо надобно было, чтобъ натура снабдила васъ всѣми сими выгодами, которыхъ мы не имѣемъ; потому, что она лишила васъ пщательности, которая бы все сïе для васъ прïобрѣсть могла. Ты говоришь еще и о благородствѣ: но имѣешъ ли ты столько объ немъ и понятïя, чтобъ тебѣ сïю честь присвоивать? Отвѣтствуй, и скажи лишь мнѣ, кто по твоему мнѣнïю долженъ быть честнѣе и благороднѣе, господинъ ли или тотъ, кто ему служитъ?

УСТРИЦА.

Мнѣ кажется, что господинъ.

УЛИССЪ.

Господинъ, не правда ли? а слуга будучи непремѣнно обязанъ ему повиноваться, почитается худшимъ и подлѣйшимъ. Такъ вы слуги, а мы господа, и вы свое бытïе имѣете единственно для того, чтобъ онымъ жертвовать намъ; мы ваши господа и самодержавные надъ вами обладатели. Каждое мгновенïе вашей жизни посвящено быть должно

пользѣ человѣческой. Онъ имѣетъ неоспоримое право надъ вашею жизнїю и смертїю. Когда вы живете, то ему служите, а когда вы умираете, то онъ васъ употребляетъ себѣ въ пищу. И такъ ты видишь ясно, что натура, благосклонностїю которыя ты столь много превозносишся, васъ всѣхъ произвела единственно для насъ.

УСТРИЦА.

А васъ для кого. . . для земли? Ибо на конецъ всѣхъ, сколько васъ ни есть, она пожираетъ. И такъ въ разсужденїи сего вы еще подлѣе и земли. Что ты на ето скажешь?

УЛИССЪ.

Я скажу, что твое заключенїе несправедливо, и что тутъ двѣ вещи различить надобно. . .

УСТРИЦА.

Ахъ пожалуй не различай ничего Улиссъ! я не охотница до споровъ, они больше прибавляютъ темноты, нежели ясности. Я многократно видала

дала споровавшихся философовъ, изъ которыхъ однако ни одинъ чрезъ то умнѣе другаго не здѣлался: притомъ же ты видишь, что роса уже садится; я ею питаюсь, неимѣя притомъ никакихъ попеченій и заботъ. Я никогда, а особливо въ своемъ пропитаніи, не нахожу такого труда, какой я сносилъ, будучи еще человѣкомъ, для сысканія бѣднаго куска хлѣба. Я хочу *остановиться на семъ пунктѣ*: ибо, по *моему мнѣнію*, къ тому хлѣбу, которымъ люди питаются, есть весьма худая прикуска, тотъ потъ, съ которымъ его достаютъ; а ты еще хочешь, чтобъ я опять вступилъ въ сію бѣдственную жизнь! Ты лучше здѣлаешь, естьли меня оставишь въ покоѣ: я иду теперь ѣсть, послѣ чего запершись въ своей раковинѣ буду спать съ такимъ спокойствіемъ, съ какимъ тебѣ спать никогда не удавалось. Я не знаю тѣхъ заботъ, которыя часто и самой сладкой твой сонъ прерываютъ. Печали никогда сюда не входятъ. Я довольна своимъ

состоянїемъ, и все то, что ты мнѣ ни обѣщаешь, не будетъ ничего стоить въ сравненїи съ нынѣшнимъ моимъ житїемъ: и такъ добрый вечеръ!

УЛИССЪ.

Не довольно ли я имѣлъ дѣла разговаривая съ сею бѣдною тварью? но можноли было ему когда нибудь знать, что то есть жить благородно. Бывши всегда въ трудахъ, всегда въ бѣдности, имѣетъ онъ довольную причину бояться, чтобъ опять не подвергнуть себя такомуже жребїю. Онъ ничего не испыталъ кромѣ бѣдственной и нещастной жизни. И такъ не удивительно, что онъ мало думаетъ о принятїи прежняго своего вида; но сего я и долженъ былъ ожидать: ибо чего лучшаго надѣяться можно отъ рыбака? Какимъ способомъ можно вступить съ такими людьми въ подробное разсматриванїе? но не найду ли можетъ быть чего нибудь лучшаго въ семъ кротѣ, о которомъ мнѣ Цирцея сказала, что онъ живетъ въ етой кочкѣ? Посмотримъ: можетъ быть

сей

сей человѣкъ разсудительнѣе перваго. Ей Кротъ!

КРОТЪ.

Кто тамъ? кто ето? А! ето Улиссъ, который тревожитъ мое спокойствіе.

УЛИССЪ.

Естьли бы ты зналъ, что я для тебя испросилъ у Цирцеи, естьли бы ты зналъ и то, что я теперь здѣлать *могу*, то бы ты не почелъ мой приходъ нарушеніемъ твоего покоя.

КРОТЪ.

Я довольно ясно видѣлъ, что ты разговаривая съ онымъ Грекомъ, котораго сія волшебница перемѣнила въ Устрицу, здѣлалъ то, что онъ, дабы быть въ состояніи съ тобою разговаривать, получилъ употребленіе языка и разумъ, чего всего къ великому своему удовольствію опять лишился, какъ скоро ты его оставилъ.

УЛИССЪ.

Я могу здѣлать еще и больше, не-

жели чтобЪ возвратить тебѢ такЪ, какЪ и ему, способность говорить; ты можешь свободиться отЪ сего подлаго невольничества, ты можешь наконецЪ опять видѢть свою землю, своихЪ сродниковЪ, и своихЪ друзей, только скажи, ГрекЪ ли ты; а то я тебя поведу сЪ собою?

КРОТЪ.

АхЪ нѢтЪ! сего я не хочу, и я не столько глупЪ.

УЛИССЪ.

КакЪ глупЪ! нѢтЪ никакой глупости вЪ перемѢнѢ своего состоянія, когда вЪ оной усматриваются многіе выгоды.

КРОТЪ.

Ты говоришь правду, когда усматриваются большіе выгоды: но какЪ я вЪ сей перемѢнѢ, которую ты мнѢ обѢщаешь, никакихЪ выгодЪ не обрѢтаю, то ты и самЪ на то согласишся, чтобЪ я оной не дѢлалЪ. Я доволенЪ своимЪ состояніемЪ, я щастливЪ; такЪ для чегожЪ ты требуешь,

чтобъ я захотѣлъ оставить сїе щастливое состоянїе, для самой бѣдственнѣйшей жизни, въ которой то, что называется спокойствїемъ, тишиною и удовольствїемъ, есть только нѣкоторый родъ отдыха прерываемаго опять печальми, болѣзньми или скуками. Нѣтъ, нѣтъ Улиссъ, я не буду столь безразсуденъ.

УЛИССЪ.

О! но кто тебя научилъ такъ хорошо разсуждать? Конечно тотъ несмысленной рыбакъ, котораго рѣчи ты слышалъ.

КРОТЪ.

Къ познанїю сего ничего больше не надобно, кромѣ опыта.

УЛИССЪ.

А что то за опытъ, который удостовѣрилъ тебя, что будто худое дѣло есть быть человѣкомъ?

КРОТЪ.

Ничто больше, какъ та жизнь, которую я препровождалъ, когда былъ человѣкомъ. Я довольно по собствен-

ному моему опыту знаю, коликаго труда и пота мнѣ стоило пахать землю, да и то еще для другихъ, которые нимало не заботились о томъ, что я тружуся. А нынѣ уже, по крайнѣй мѣрѣ, я тружусь для одного только самаго себя.

УЛИССЪ.

Какъ! ты былъ земледѣлецъ? Вотъ еще и того хуже: я оставилъ рыбака, а нашелъ подлаго земледѣльца.

КРОТЪ.

Слушай Улиссъ, человѣкъ человѣка стоитъ, и сколько я въ моей жизни ни занятъ былъ сохою; однако я могу тебѣ представить нѣчто, что, можетъ быть, заставитъ тебя сожалѣть, чтобъ Цирцея и тебя, такъ какъ и насъ, не превратила въ какое нибудь другое животное.

УЛИССЪ.

Хорошо, мой другъ, говори.

КРОТЪ.

Это очень странно, и для человѣка весьма не выгодно, что натура, кото-

которая изобиліемъ своихъ произведеній даровала довольное пропитаніе всѣмъ намъ, подъ какимъ бы климатомъ и въ какой бы стихіи мы ни жили, не благоволила приложить большаго попеченія о человѣческомъ содержаніи: и не правда ли то, что вы съ великимъ трудомъ, съ бесчисленными заботами, и, какъ говорятъ, въ потѣ своего лица, награждаете сіе ея забвеніе? Мнѣ кажется, что она съ принужденія и противъ воли подаетъ вамъ то, что она съ неописанною щедростію представляетъ нашимъ желаніямъ сама; и сколько разъ она въ томъ, чего вы уже несомнѣнно ожидаете отъ ея податливости, обманываетъ вашу надежду? Но найдешъ ли ты, Улиссъ, чтобъ она когда нибудь съ нами такъ поступила?

УЛИССЪ.

Ахъ, другъ мой, развѣ ты не видишъ, что отъ насъ самихъ зависитъ, чтобъ натура въ семъ случаѣ не поступила съ нами хуже, нежели съ вами. Ей ли то приписывать

должно, когда человѣкъ отдавшись своимъ безпредѣльнымъ желаніямъ научается презирать простоту той пищи, которую она ему, такъ какъ и вамъ, приноситъ. И естьли бы захотѣли положить себѣ . . . . .

КРОТЪ.

Я крѣпко спорю, что вы тѣмъ не долго бы могли довольствоваться. Земля, естьли вы надъ дѣланіемъ ея трудиться не будете, ничего вамъ не принесетъ, какъ только пищу весьма для вашего сложенія грубую. И такъ надобно, чтобъ вы все имѣли отъ искусства, а почти ничего отъ натуры.

УЛИССЪ.

Не всегда, не всегда. Люди въ первыхъ своихъ вѣкахъ, когда еще безразсудная нѣжность была не извѣстна умѣли весьма хорошо себя питать одними только плодами, которые имъ вездѣ въ руки попадались.

КРОТЪ.

Тогда вы намъ подобны были, и

тогда то былЪ вашЪ золотой вѢкЪ. Но какЪ ты знаешЪ УлиссЪ, что золотой вѢкЪ не имѢлЪ никогда своего бытїя, какЪ только вЪ воображенїяхЪ стихотворцовЪ, то я весьма удивляюсь, что ты будучи человѢкомЪ разумнымЪ ссылаешься на такїе примѢры, которыхЪ нынѢ совсѢмЪ нѢтЪ.

УЛИССЪ.

Хорошо, пускай такЪ; но не согласишься ли ты самЪ вЪ томЪ, что когда то для человѢка необходимо, чтобЪ онЪ чрезЪ свои труды доставалЪ себѢ пропитанїе, то сїя самая необходимость есть изобильнымЪ для него источникомЪ веселостей? РазвѢ ты за ничто почитаешь оное его удовольствїе, когда онЪ, потрудившись надЪ разсаживанїемЪ, обрѢзыванїемЪ и прививанїемЪ деревЪ, увидитЪ ихЪ нѢсколько лѢтЪ спустя покрытыхЪ плодами, производящими вЪ немЪ неописанную радость? РазвѢ ты за ничто вмѢняешЪ его восхищенїе, вЪ которое онЪ приходитЪ, видя свою ниву возрастающую, возвышающуюся

шающуюся, созрѣвающую и наконецъ обѣщающую ему великое множество плода, которымъ онъ никому иному какъ только себѣ и своимъ попеченiямъ не одолженъ. Такимъ то образомъ, другъ мой, землѣдѣлiе, о которомъ ты говоришь, что оно много человѣку причиняетъ трудовъ и заботъ, бываетъ чаще источникомъ его увеселенiй и забавъ. И такъ, что натура, присмотръ и хожденiе за растущими оставила нашему попеченiю, то здѣлала она безъ сомнѣнiя для того, чтобъ намъ чрезъ то подать тысячу увеселенiй, которые вамъ совсѣмъ не извѣстны.

КРОТЪ.

Лучше скажи, что сiе здѣлано для большаго вашего мученiя. Ибо сверхъ трудовъ, которые ты называешъ увеселенiемъ, сколько безпокойствъ, сколько боязни и сколько бѣдности претерпѣваете вы тогда, когда жатва не соотвѣтствуетъ вашимъ желанiямъ? Бѣдный часто отъ того погибаетъ и съ своею фамилiею, отъ

вспомо-

вспоможенія которыя ожидалъ онъ во время его старости пріятнаго отдохновенія, которое онъ въ такомъ случаѣ видитъ навсегда отъ себя убѣгающее. Да и богатый не съ меншимъ трепетомъ засыпается весь хлѣбомъ, опасаясь, дабы чрезъ нѣсколько минутъ не терпѣть ему въ ономъ недостатка. Между вами всѣ бѣдствія ощущаются тогда, когда земля откажетъ вамъ *въ томъ*, чего вы отъ нее ожидаете. Напротивъ же того для насъ она всегда изобильна: и естьли по какому необходимому случаю въ одномъ мѣстѣ не принесетъ она плодовъ для нашего пропитанія, то не преминетъ она насъ оными съ избыткомъ удовольствовать въ другомъ, которое мы и находить умѣемъ.

УЛИССЪ.

А мы развѣ не можемъ пользоваться симъ же средствомъ?

КРОТЪ.

Безъ сомнѣнія не очень. Хотя иногда вы и награждаете сей недостатокъ,

но

но подвергаете себя чрезъ то неисчетнымъ другимъ не меньше скучнымъ попеченiямъ: столько то есть истинно то, что жизнь человѣческая есть нѣкоторый родъ непрестаннаго сраженiя! И вы должны защищать себя не только отъ перемѣнъ погодъ, отъ неумѣренности воздуха, которымъ вы дышете; но надобно вамъ вооружаться и противъ голода, и противъ жестокости земли нехотящей вамъ приносить своихъ произрастѣнiй. И такъ нечему удивляться, что человѣкъ при самомъ своемъ рожденiи плачетъ, и нѣтъ другаго плача, которой бы основательнѣйшую имѣлъ причину, какъ тотъ, которой проливается въ самое то мгновенiе, въ которое человѣкъ жить начинаетъ; потому что тогда предлагается ему весьма плачевное путешествiе.

УЛИССЪ.

А! естьли ты сего младенческаго плача полагаешь причиною будущiя его нещастiя, то по крайнѣй мѣрѣ надобно,

надобно, чтобъ онъ узналъ ихъ прежде, нежели о томъ плакать будетъ. И такъ ты полагаешь, что онъ прежде начала своей жизни находитъ уже́ причину сожалѣть о своей жизни. Нѣтъ, ето было бы излишно далекое дѣла изслѣдованïе.

КРОТЪ.

Я заподлинно не утверждаю, чтобъ онъ и въ нѣдрахъ своей матери имѣлъ *понятïе* о томъ, чего онъ долженъ *ожидать* въ *свѣтѣ*. Ето бы было весьма рано познавать свои нещастïя. Къ оправданïю его слезъ довольно и того, что онъ выходя на свѣтъ ощущаетъ много неудобствъ, и отъ воздуха, въ которомъ онъ жить начинаетъ. Въ прочемъ естьли ето не правда, то я больше ничего незнаю; но ты по крайнѣй мѣрѣ не можешь опровергнуть того, что чувствованïе болѣзни доводящее васъ даже до слезъ оставлено только для человѣческаго рода. А мы не знаемъ слезъ, мы....

УЛИССЪ.

Какъ вы не знаете слезъ! А олень

развѣ не слезы проливаетъ, когда онъ видитъ себя пойманнаго и терзаемаго собаками? такъ же лошадь и собака?

КРОТЪ.

Говори, что хочешь, я не могу о семъ много спорить съ такимъ Философомъ, каковъ ты. Довольно для меня и того, что никто изъ насъ при своемъ рожденіи не плачетъ, и что никто не имѣетъ такъ, какъ вы, никакой къ тому причины. Будь увѣренъ, Улиссъ, что весь твой трудъ будетъ безполезенъ, хотя ты къ сему и долѣе меня убѣждать будешь. Я лучше хочу умѣреть, нежели быть опять человѣкомъ.

УЛИССЪ.

Ахъ сколь ты сожалѣнія достоинъ! Ты таковъ же, какъ и та бѣдная Устрица. Видно по всему, что ты совсѣмъ потерялъ разумъ: естьли бы ты хотя самую малую часть онаго имѣлъ, то ты бы тотъ часъ увидѣлъ, сколь великаго сожалѣнія достойно твое состояніе. Разсуди пожалуй

жалуй

жалуй, мой другъ, что такое ты и она? Но пусть бы такъ, естьли бы только вы были хотя не много совершеннѣйшаго между животными рода.

КРОТЪ.

Совершеннѣйшаго! Вотъ еще что! Но скажи, пожалуй, чего намъ недостаетъ?

УЛИССЪ.

О! чего вамъ не достаетъ; весьма многаго, чтобъ быть совершенными животными. Сія Устрица, на примѣръ, можетъ ли двинуться съ того мѣста, на которомъ я теперь съ нею разговаривалъ? Имѣетъ ли она чувство осязанія, которымъ мы столь много пользуемся?

КРОТЪ.

Вотъ еще, что всево хуже для разумнаго человѣка: и ты весьма несправедливо дѣлаешь, естьли ты себя почитаешь всесовершеннымъ, потому, что ты имѣешь нѣсколько такихъ чувствъ, какихъ у нѣкоторыхъ изъ насъ недостаетъ. И естьли ты такимъ

кимъ себя щитаешь, то скажи, какимъ именемъ назовешь ты тѣ существа, которые вмѣсто пяти чувствъ, кои человѣкъ имѣетъ, осмью, десятью, пятнатцатью, дватцатью, но что я говорю, можетъ быть еще и множайшими чувствами одарены? Можетъ статься, что есть и такїя существа, которыя совершенствомъ расположенїя своихъ орудїй, столько же превосходятъ человѣка, сколько человѣкъ дерево. *Естьли же ты спросишь, гдѣ суть такїя существа, которыя совершеннѣе тебя, въ которомъ мирѣ они живутъ? то я скажу, что я сего совсѣмъ не знаю.* Можетъ быть, въ Юпитерѣ, въ *Сатурнѣ*, или въ иномъ мѣстѣ, и на какой нибудь другой планетѣ и подъ другимъ солнцемъ: я о томъ ничего заподлинно сказать не могу. Но что въ томъ нужды; гдѣ бы они ни были, довольно того, что они могутъ быть: и естьли ты хочешь, чтобъ я тебѣ сказалъ правду; то я весьма много нахожу вѣроятности, что такїя

существа

существа дѣйствительно находятся. А естьли это истинно, то надобно, чтобъ сіи животныя неисчетное множество нуждъ имѣли потому; что нужды суть мѣра, по которой натура раздавала и устрояла чувственныя орудія, коими она всѣ одушевленныя вещи одарила. Чѣмъ больше она вложила желаній въ которое нибудь изъ своихъ созданій, тѣмъ съ большею точностію она снабдила его и средствами потребными къ исполненію оныхъ. Ты довольно знаешь, что такое есть дерево, напримѣръ, дубъ?

УЛИССЪ.

Безъ сомнѣнія.

КРОТЪ.

Изрядно! а дубъ не имѣетъ никакихъ орудій, которые бы могли впрять въ него изображенія вещей внѣ его находящихся. Онъ не имѣетъ чувствъ; а сіе для того, что онъ къ продолженію своего бытія не имѣетъ никакой нужды въ томъ, чтобъ знать, что дѣлается около его. Онъ

получаетъ

получаетъ отъ земли, на которой ростетъ, все то, что къ растѣнїю его надобно. Точно такъ же и Устрица; ей почти ничего больше и не надобно: ибо она также, какъ и дубъ привязана къ одному мѣсту, и не въ состоянїи сойти съ онаго. Она не имѣетъ никакихъ движенїй поступающихъ, ниже орудїй къ тому способныхъ. Для усмотрѣнїя своей пищи, она имѣетъ глаза, а для принимания оныя, *дана ей способность отворять* свою раковину; Вотъ и все. Посредствомъ сего она живетъ, питается, и растетъ; однимъ словомъ, отправляетъ всѣ тѣ должности, какихъ ея составъ требовать можетъ. И на что ей способность къ хожденїю? Ей нѣчего искать. Какая ей надобность въ обонянїи? Ей нѣчего выбирать Все, что ей надобно, само къ ней приходитъ. Такимъ же образомъ и осязанїе, хотя оно есть и самое обширнѣйшее и самое употребительнѣйшее чувство, для нее было бы бесполезно, для того она его и не имѣетъ.

И естьли ты хочешь подробно разобрать различїе между тѣлами одушевленными находящееся, то найдешь, что число чувствъ раздавано отъ натуры по мѣрѣ ихъ нуждъ. На примѣръ, вы имѣете пять чувствъ; ето правда: но для того, что вы имѣете нуждъ, которые вамъ исправлять надобно, вдвое или втрое больше, нежели нѣкоторые изъ насъ, которые имѣютъ только два или три чувства. И такъ ты самъ видишь не справедливость своихъ словъ, что будто намъ многаго не достаетъ. Мы всѣ хотя не такъ совершенны, какъ ты; то по крайнѣй мѣрѣ, столько имѣемъ совершенствъ, сколько для насъ надобно. Всякой родъ животныхъ находится въ такой степени совершенства, въ какой ему быть надлежитъ.

УЛИССЪ.

Такъ по етому ты не будешь стараться искать себѣ совершенствъ другаго роду?

КРОТЪ.

На что мнѣ ето? Для чего мнѣ желать вытти изъ своихъ предѣловъ, въ какихъ всѣ такїе же, какъ и я, кроты заключены, естьли я нахожу себя въ нихъ благополучнымъ? И подлинно; я живу весьма щастливо, и я ни о чемъ больше не забочусь, какъ только ѣмъ, забавляюсь любовными дѣлами, и сплю. Такъ какъ тебѣ кажется, Улиссъ, сїя моя жизнь не лучше ли той, которую ты провождаешь? И такъ не ласкай себя надеждою, чтобъ я склонился ее оставить. Прощай: я имѣю нужду итти, ты ужé и такъ меня весьма долго задержалъ.

УЛИССЪ.

Какъ! я, котораго краснорѣчїе столь много прославляется, не могъ достигнуть моего намѣренїя, и уговорить сихъ животныхъ? Я не могъ, имъ довольно внушить тѣхъ выгодъ, которыми могли бы они пользоваться, естьли бы они, оставя странное свое

превращеніе, слѣдовали за мною? Я сего совсѣмъ не понимаю, но не моя въ томъ вина: ето ихъ упорству приписать надобно; да и можно ли чего нибудь лучшаго ожидать отъ рыбака и земледѣльца? Можно ли надѣяться, чтобъ столь грубыя существа принудить повиноваться повелѣніямъ разума. Однако не всегда мнѣ *будутъ такіе попадаться*; я пойду искать Цирцеи, и буду ее просить, чтобъ она позволила мнѣ говорить съ другими Греками. Ибо не справедливо бы было, чтобъ для двухъ глупцовъ и другіе разумнѣйшіе лишены были удовольствія получить опять прежній свой видъ.

РАЗГОВОРЪ II.

ЦИРЦЕЯ, УЛИССЪ, и ЗМѢЯ.

ЦИРЦЕЯ.

Какъ! Улиссъ одинъ?

УЛИССЪ.

Увы! одинъ. Я не могъ ни одного

изъ сихъ животныхъ привести къ тому, чтобъ они захотѣли пользоваться опять тѣмиже совершенствами, какихъ они лишились. И подлинно; когда они оба жили весьма нещастливо, то и неудивительно, что они сомнѣваются достигнуть лучшаго щастія здѣлавшись людьми.

ЦИРЦЕЯ.

Однако не думай, что то здѣлалось по случаю, что я ихъ прежде всѣхъ тебѣ представила: нѣтъ, я ето здѣлала нарочно. Я хотѣла тебѣ показать, сколь много обманываются ваши философы, которые утверждаютъ, что люди тѣмъ щастливѣе, чѣмъ состояніе ихъ ниже Вотъ вы сами теперь видите такихъ людей, которые не желаютъ сей по вашему мнѣнію щастливой нискости, и которые предпочитаютъ ей жизнь подлыхъ животныхъ: но они безъ сомнѣнія вамъ расказали, какіе причины побудили ихъ къ толь странному выбору.

Улиссъ

УЛИССЪ.

Причина не иная какая, какъ малое ихъ знанïе, и недостатокъ разума. Ибо вы сами признаетесь, Цирцея, что надобно быть весьма малоумному, чтобъ не хотѣть перемѣнить своего состоянïя на другое, когда то, въ которомъ кто находится, уже наскучитъ. Естьли рыбакъ не былъ доволенъ своимъ ремесломъ, для чего бы ему его не перемѣнить: такъже, естьли и крестьянину земледѣлïе стало тягостно, то для чего бы ему не принять другихъ легчайшихъ средствъ къ своему содержанïю?

ЦИРЦЕЯ.

Они бы, можетъ быть, худо здѣлали, естьли бы такъ поступили; ибо перемѣна состоянïй не есть знакомъ глубокаго разума, но онъ больше усматривается тогда, когда человѣкъ привыкаетъ къ тому роду житïя, въ которомъ онъ находится. Притомъже не правдали то, что естьли человѣкъ не въ состоянïи прïучить своего разума, или

принаровлять его, такъ сказать, къ тону вещей, которые его окружаютъ; то еще меньше онъ будетъ силенъ, расположить по своему произволенїю отдаленнѣйшїя свои обстоятельства. Разумной человѣкъ, находя себя не въ состоянїи перемѣнить порядокъ текущихъ приключенїй, которой ему не нравится, старается увѣрить свой разумъ, что такой порядокъ весьма надобенъ, дабы только себя успокоить.

УЛИССЪ.

Я въ томъ согласенъ, Цирцея; ибо онъ самъ принаровляетъ себя къ свойству и порядку тѣхъ произшествїй, которыхъ онъ не можетъ устроить по своему произволенїю. Но вы знаете, что это есть почти самой верховнѣйшїй степень премудрости: мало кто до онаго доходитъ. Столько то велико различїе между нами! Человѣкъ иногда и самъ на себя не походитъ. Такъ не уже ли думаете, что сїи нещастные, съ которыми я говорилъ, были изъ числа тѣхъ, которые имѣютъ довольно разума къ познанїю всѣхъ неудобствъ

ихъ ремесла, также и всего того, что имъ пріятнаго въ ономъ случается.

ЦИРЦЕЯ.

Развѣ много разума къ познанію сего надобно? Довольно для сего и однихъ чувствъ. Но не змѣя ли это, которую я вижу ползущую въ травѣ? Такъ она: я ее къ себѣ призову. Это былъ одинъ Грекъ, котораго я претворила. Подите поговорите съ нею, можетъ быть вамъ тутъ лучше удастся.

УЛИССЪ.

Можно бы сказать, что она разумѣетъ, что вы объ ней говорите. Изволите видѣть, какъ она пристально на васъ смотритъ?

ЦИРЦЕЯ.

Можетъ быть: подите говорите съ нею, я пойду искать моихъ подругъ, и васъ оставляю.

УЛИССЪ.

Посмотримъ. Эй Змѣя!

ЗМѢЯ.

Чего ты хочешь, Улиссъ? Но боже

мой! что ето такое: я разумѣю, я говорю такъ, какъбы я былъ человѣкомъ! Не уже ли я къ крайнему моему нещастію опять человѣкомъ здѣлался?

УЛИССЪ.

Да чтожъ значатъ твои восклицанія? Кажется, что ты бы весьма былъ недоволенъ, естьли бы сталъ паки человѣкомъ. Кто вліялъ въ тебя толикое отвращеніе отъ человѣчества, не жизнь ли, которую ты провождалъ?

ЗМѢЯ.

Никакъ. Самое естество человѣческое, и вкушеніе тѣхъ бѣдствій, которые ни на одно мгновеніе во всю его жизнь отъ него не разлучаются, и изъ которыхъ, дабы содержать его въ непрерывномъ утѣсненіи, и здѣлать нещастнѣйшимъ изъ всѣхъ существъ, одно за другимъ безпосредственно слѣдуетъ.

УЛИССЪ.

Видно, что и здѣсь меня не лучше встрѣчаютъ! Змѣя, послушай пожалуй

луй, я хочу тебѣ здѣлать весьма выгодное предложенїе. Цирцея обѣщала тѣмъ изъ моихъ земляковъ, о которыхъ я просить ее буду, возвратить тотъ видъ, которой она отняла. Ты только о томъ подумай поприлѣжнѣе.

ЗМѢЯ.

Я уже довольно думалъ, я непринимаю твоего предложенїя, не хочу ничего. *Изволь величаться* онымъ предъ другими. Я лучше хочу жить змѣею: а чтобъ я промѣнялся своимъ состоянїемъ на твое! нѣтъ, я бы подлинно весьма много чрезъ то потерялъ.

УЛИССЪ.

Что! ты бы много потерялъ: да какимъ же бы образомъ?

ЗМѢЯ.

Ты самъ недавно видѣлся съ такими людьми, которые все то тебѣ ужé сказали.

УЛИССЪ.

Но что добраго могли сказать такїе люди, съ какими я разговаривалъ,

 родив-

родившись въ подлости, жили въ такой бѣдности, что . . . .

ЗМѢЯ.

Я разумѣю: то есть, они не имѣли довольно разсудка, чтобъ согласиться на твои доказательства. Но по крайней мѣрѣ они тебѣ объявили тѣ побужденія, которыя дѣлали ихъ столь упрямыми, что захотѣли лучше остаться въ томъ состояніи, въ которомъ теперь находятся.

УЛИССЪ.

Объявили, но весьма неосновательныя. Одинъ изъ нихъ, который былъ рыбакомъ, сказалъ, что онъ будучи теперь Устрицею, по крайней мѣрѣ о томъ твердо увѣренъ, что онъ будетъ всегда имѣть для себя домъ, не имѣя нужды подвергать себя, такъ какъ люди, для защищенія своего отъ воздушныхъ перемѣнъ неисчетнымъ заботамъ, попеченіямъ и трудамъ. А другой, который изъ земледѣльца здѣланъ Кротомъ, говорилъ мнѣ о провидѣніи натуры, которая во всѣхъ

живот-

животныхъ вложила способность находить на земли въ готовности все то, что для пропитанія своего имъ надобно, не допуская ихъ ни до наималѣйшаго труда: а человѣка не прежде, какъ уже́ будучи принуждена неусыпными его надъ нею трудами, дѣлаетъ участникомъ своихъ благодѣяній.

ЗМѢЯ.

Они говорятъ правду: и я бывши въ моей жизни лѣкаремъ, которому довольно весь составъ человѣческаго тѣла, или лучше сказать, вся его слабость была извѣстна, прибавилъ бы имъ еще нѣсколько и другихъ доказательствъ къ твоему опроверженію. Вы никогда не наслаждаетесь совершеннымъ здоровьемъ: печали, припадки и болѣзни имѣютъ къ вамъ совсѣмъ безпрепятственный входъ, и вы всегда имѣете довольную причину жаловаться на натуру, что она дала вамъ столь нѣжныя орудія, что и самое ничто можетъ произвесть замѣшательство въ ихъ дѣйствіяхъ.

УЛИССЪ.

Какъ! развѣ ты не знаешь, что самая ихъ тонкость есть весьма драгоцѣнной для насъ даръ; потому что она есть началомъ нашего разума? Съ такимъ грубымъ сложенїемъ, и столь нескладными орудїями, какъ ваши, какимъ бы образомъ мы могли приводить въ совершенство тотъ разумъ, который насъ просвѣщаетъ?

ЗМѢЯ.

Но по крайней мѣрѣ вы бы отъ того были здоровѣе. Повѣрьте, что человѣкъ чрезъ то ничего бы не потерялъ: и малинькой недостатокъ въ просвѣщающемъ васъ разумѣ, будучи награжденъ большею твердостїю здоровья, здѣлалъ бы вашу жизнь несравненно прїятнѣйшею. Мы живемъ больше для продолженїя нашей жизни, нежели для умноженїя нашего познанїя, до чего мы и доходимъ: а это есть такое благодѣянїе натуры, за которое я ей весьма обязанъ. Вы имѣете много знанїй, но вы имѣете много и болѣзней.

УЛИССЪ.

Отъ которыхъ мы вылѣчиваемся? Да и кто сіе можетъ знать лучше, нежели ты? Притомъ мы имѣемъ способность себя отъ нихъ защищать такъ, что намъ легко можно отвращать или предупреждать разстройку нашего тѣла, которую ты въ толь великой порокъ намъ вмѣняешь, естьли только мы будемъ жить по предписанїемъ натуры, и послѣдовать тѣмъ склонностямъ, которыя она въ насъ влагаетъ.

ЗМѢЯ.

Но вы бы и чрезъ то лучшими не здѣлались: ибо кажется, что натура, какъ будто бы нарочно желая васъ погубить, поставила васъ на весьма трудномъ пути; потому что сїя самая натура, которая васъ управляетъ, совсѣмъ отлична отъ той, которая предводительствуетъ намъ. Она для насъ есть факелъ, показывающїй намъ истинный путь; а для васъ она не иное что есть, какъ

только слабое блистанїе, которое заводитъ васъ въ безчисленныя заблужденїя. Она насъ любитъ, а васъ ненавидитъ: мы ее дѣти, а вы ее изверги: ея законы суть наши законы, а вамъ законъ есть ваше легкомыслїе, отъ котораго вы часто за сїе же самое и наказываемы бываете. Она вамъ не даетъ свободнаго пропитанїя, и вы принуждены бываете преодолѣвать ея упрямство. Вы имѣете отъ нее хлѣбъ, это правда; но она и за сїе васъ безъ отмщенїя не оставляетъ, вливая въ васъ странныя и для васъ же самихъ пагубныя желанїя. Вы почитаете ея благодѣянїемъ и то, что само по себѣ есть для васъ смертоносно. Вы малымъ можете быть довольны; но она вселяетъ въ васъ жадность искать многаго, что весьма часто бываетъ причиною вашей смерти. И такъ по самому вашему естеству вы нещастливы, и ваше естество въ томъ и состоитъ, чтобъ быть нещастными. И вся польза, какой вы можете ожидать отъ вашего ра-

зума, есть только та, чтобъ ему надъ вами тиранствовать. И такъ, чтобъ быть щастливымъ, то не надобно быть человѣкомъ.

УЛИССЪ.

А вы?

ЗМѢЯ.

Мы никогда инаго ничего не желаемъ, кромѣ того, что намъ приличествуетъ. Наша пища проста, а желанiе оной есть то правило, которое намъ и предѣлы въ оной полагаетъ. Какъ скоро желанiе оканчивается, то и мы ѣсть перестаемъ, и насъ натура не научила тому пагубному искусству, чтобъ приправлять оной кушанья, и прiуготовлять ихъ подъ различными видами, прибавлять имъ вкусу, чтобъ тѣмъ болѣе раздражать свою жадность, и обременять себя пищею больше, нежели настоящая нужда требуетъ. Я совершенно знаю, что вы по нашему правилу поступать не можете; часто и желудокъ вашъ много претерпѣваетъ

отъ

отъ разбирчивости изнѣженнаго вашего вкуса, и распространяетъ по всему тѣлу такіе *болѣзни*, отъ которыхъ оно совсѣмъ погибаетъ.

УЛИССЪ.

Я дивлюсь, что ты, что ни говоришь, окончиваешь всегда на болѣзняхъ. Ты былъ лѣкаремъ, слѣдовательно тебѣ лучше всѣхъ знать надобно, что мы помощію лѣкарствъ можемъ отъ нихъ *свобождаться*.

ЗМѢЯ.

Помощію лѣкарствъ? вотъ еще какая смѣшная помощь! Но лучше сказать, что и то для васъ нещастіе, что вы и лѣкарей имѣете.

УЛИССЪ.

А, а! мой другъ, развѣ ты позабылъ, какое твое было прежнее ремесло?

ЗМѢЯ.

Ни какъ, я его очень помню. Я и еще повторяю, что врачебная наука несравненно больше пагубна, нежели полезна. И сіе весьма ясно можно

было

было видѣть, когда, какъ ты знаешь, выгнали изъ городовъ лѣкарей, и пагубное ихъ знанїе.

УЛИССЪ.

Обыкновенно худо говорятъ о той вещи, которой имѣть не можно: и мнѣ кажется, что ты для того только худо говоришь о сей наукѣ, что ее мало знаешь; а кто самъ невѣжа, тотъ и всѣхъ за невѣжъ считаетъ. *По видимому ты не знаешь* основательно врачебной науки, и всѣхъ лѣкарей почитаешь столь же неискусными, какъ ты самъ.

ЗМѢЯ.

Въ другомъ случаѣ по крайней мѣрѣ учтивство принудило бы меня подтвердить сїе твое обо мнѣ мнѣнїе; но теперь, когда я не могу больше краснѣть отъ стыда, то я тебѣ прямо говорю, что вмѣсто того, чтобъ я былъ мало искусенъ въ медицинѣ, я прїобрѣлъ такое въ ней знанїе, что я почитался за самаго искуснѣйшаго лѣкаря во всей Грецїи.

Ты

Ты можешь о семъ заключить по одной только славѣ о моемъ имени, которое тебѣ безъ сомнѣнія извѣстно; и я думаю, что ты еще помнишь Агезима.

УЛИССЪ.

Какъ! ты тотъ Агезимъ, который такъ сильно любилъ странствованіе, что все для него оставлялъ.

ЗМѢЯ.

Да! тотъ самый; и я о томъ не сожалѣю, что я теперь уже не Агезимъ. Я проѣжжалъ мимо сего острова, и мнѣ захотѣлось его видѣть, и нашелъ въ немъ то щастіе, котораго не ожидалъ.

УЛИССЪ.

Ахъ! сколь я щастливъ, что тебя здѣсь нашелъ, твоя слава и нынѣ еще имѣетъ въ нашей землѣ полное свое сіяніе, и ничто мнѣ столько чести принести не можетъ, какъ то чтобъ тебя возвратить Греціи.

ЗМѢЯ.

Ты еще то же говоришь! Оставимъ

это

сто: знай, что весь твой трудъ будетъ безполезенъ: намѣренїе мое непоколѣбимо, и я хочу навсегда остаться Змѣею; а чтобъ тебѣ доказать, что я не безъ разума, то я продолжаю прежнїй мой разговоръ. Врачебная наука раздѣляется на двѣ части, изъ которыхъ первая состоитъ въ однихъ только разсужденїяхъ: и сїю часть обыкновенно тверже выучиваютъ, но она совсѣмъ безполезна, хотя и не столь вредительна, какъ другая; и въ ней только одной заключается вся врачебная наука. Что же касается до лѣчебнаго художества, то есть до второй части врачебной науки, которая состоитъ въ познаванїи и пользованїи болѣзней; то она основанїе свое имѣетъ единственно только на догадкахъ, и утверждается на однихъ опытахъ, которые никогда не бываютъ постоянны; и сїя то часть составляетъ, собственно такъ называемую, врачебную науку, и ее то меньше всѣхъ и понимаютъ.

Улиссъ

УЛИССЪ.

По етому ни отъ какого лѣкаря ничего знатнаго ожидать не можно?

ЗМѢЯ.

О! ето не оспоримая правда.

УЛИССЪ.

Однако ты заслужилъ у всѣхъ высокое о себѣ мнѣнїе, ты почитался у насъ великимъ человѣкомъ: такъ скажи же пожалуй: сїе высокое о тебѣ мнѣнїе, на чѣмъ основанїе свое имѣло?

ЗМѢЯ.

На вашей глупости. *Ибо* издревле люди людей обманываютъ, а больше всѣхъ лѣкари; и какъ всякому *своя* жизнь любезна, то лѣкарь обѣщающей продолжить оную, тотъ часъ почитается за великаго человѣка. Ему платятъ и за самыя его ошибки, и о сихъ то наипаче людяхъ можно сказать, что кто изъ нихъ умѣетъ лучше обманывать, тотъ и искуснѣйшимъ лѣкаремъ почитается.

Улиссъ

УЛИССЪ.

Такъ по твоему мнѣнїю лѣкари одинъ другаго нимало непревосходнѣе?

ЗМѢЯ.

Нимало. Другое доказательство ихъ незнанїя есть множество лѣкарствъ, которыми они пользуютъ одну и туже болѣзнь. Естьли бы они основательно знали свойство болѣзни и способъ излѣченїя, то бы и одного лѣкарства къ тому довольно было. А такое изобилїе въ лѣкарствахъ, есть доказательство недостатка въ оныхъ. Въ прочемъ можно смѣло обнадежить, что ту болѣзнь излѣчить можно, противъ которой защищаются однимъ только лѣкарствомъ: напротивъ того, нѣтъ никакой надежды вылѣчить такую болѣзнь, противъ которой употребляютъ до двадцати различныхъ лѣкарствъ.

УЛИССЪ.

Такъ вы впредь не намѣрены совершенно полагаться на хвастовство лѣ-

карей? И слѣдовательно всегда случаю, а не твоему знанїю и искусству приписывать надобно излѣченїе тѣхъ больныхъ, которые тебѣ себя повѣряли?

ЗМѢЯ.

А ты еще и о томъ сомнѣваешься? Знай, мой другъ, что полезнѣе выбирать лѣкаря щастливаго, нежели ученаго. Они почти всѣ равно незнающи, но не всѣ равно нещастны. Въ прочемъ не они тому причиною, но винить въ семъ случаѣ надобно недостаточество самой науки и человѣческой природы, которая при толь многихъ опасностяхъ непрестанно васъ окружающихъ, дала вамъ столь слабое тѣло, и столь мало знанїя къ ихъ преодолѣнїю. Вашъ разумъ, причиняющїй вамъ чрезъ свои заблужденїя всѣ ваши болѣзни, долженствовалъ бы прежде всего склонять васъ къ тому, чтобъ вы на него не полагались. Но естество человѣческое столь есть не совершенно, что и самый разумъ, который по видимому для того ему

и данъ

и данъ, чтобъ здѣлать его благополучнымъ, бываетъ по большей части источникомъ найбольшихъ его нещастій.

УЛИССЪ.

Но и вы также бываете подвержены болѣзнямъ.

ЗМѢЯ

Какимъ? То, что бываетъ у васъ причиною неисчетныхъ болѣзней, не *производитъ* въ нашихъ тѣлахъ никакой перемѣны. Притомъ знай Улиссъ, что всѣ ваши болѣзни и немощи ничего бы не стоили, естьли бы вы не имѣли другихъ заботъ и безпокойствъ, естьли бы не было у васъ излишнихъ уставовъ и предувѣреній, естьлибъ не тиранствовала между вами гордость, которой вы раболѣбствовать обязаны, естьли бы вы не имѣли опасныхъ непріятелей, естьли бы не были угрожаемы нещастіями, и естьли бы наконецъ вы не были отягощены и обрядами, которыя вамъ наблюдать должно. Чтоже до насъ касается, то я благодарю натурѣ за благодѣ-

благодѣтельныя ея о насъ попеченія: мы не имѣемъ разума, но незнаемъ и тѣхъ печальныхъ слѣдствій, которые съ употребленіемъ онаго соединены. И естьли мы ощущаемъ какую либо болѣзнь, то лѣкарство есть для насъ всегда готово: побужденіе, или лучше сама натура намъ оное показываетъ, такъ что все зло въ одно мгновеніе прогоняется.

УЛИССЪ.

Это правда: мы не столько въ томъ щасливы.

ЗМѢЯ.

Вамъ не можно и быть щасливыми не здѣлавъ превратности въ естественномъ порядкѣ: а ты самъ довольно знаешь, что такая превратность не легко здѣлаться можетъ. Самая пища, которою вы жизнь свою сохраняете, и тотъ способъ, который вы при кушаніи употребляете, непрестанно всѣваетъ въ ваше тѣло сѣмена неисчетныхъ смертныхъ болѣзней; и напримѣръ, вино.

УЛИССЪ.

Какъ! ты не позволяешь употреблять и сего напитка, которой, какъ кажется, отъ натуры данъ человѣку единственно для отвращенія болѣзней приключиться ему имѣющихъ?

ЗМѢЯ.

Ето бы была правда, естьлибы натура вмѣстѣ съ виномъ дала вамъ и знаніе употреблять его съ пользою. Но оно равно какъ и вашъ разумъ, хотя сами чрезъ себя суть и весьма полезные дары, однако злоупотребленіе оныхъ, которое у васъ почти необходимо, привлекаетъ на васъ безчисленное множество бѣдствій: а другой родъ пьянства, а именно то свирѣпое пламя, которое васъ совсѣмъ снѣдаетъ, тотъ жаръ, и то мучительное чувствованіе, отъ котораго вы приходите внѣ себя, то есть любовь, для васъ еще больше опасенъ. И подлинно: развѣ меньше для васъ пагубно то, что вы отдавшись прелестнымъ заразамъ отъ любви всѣваемымъ, раздра-

жаете отъ часу болѣе сами свои похоти, и при самомъ почти началѣ вашей жизни вы полагаете уже начало вашему и плѣнію; Но наши сердца, наслаждаяся непрерывнымъ спокойствіемъ, не знаютъ сего пожирающаго пламени. Мы отъ любви имѣемъ все то, что она имѣетъ въ себѣ пріятнаго, мы вкушаемъ ея прелести, не ощущая ея тиранства. Амуръ у васъ не всегда можно щитать за забавнаго мальчика: онъ часто дѣлается для васъ Фуріею, которая мучитъ васъ попеременно то ревнивостію, то отчаяніемъ, то раскаяніемъ, то страхомъ, то ненавистію; а у насъ вся его свирѣпость состоитъ только въ нѣкоторомъ краткомъ и пріятномъ волненіи, ведущемъ за собою совершенное удовольствіе.

УЛИССЪ.

Но щастливая любовь и намъ не меньше удовольствія приноситъ.

ЗМѢЯ.

Щастливая любовь! Но бываетъ ли она у васъ когда нибудь такова? Симъ

нѣжнымъ

нѣжнымъ чувствованїемъ , существа одушевленныя оживляющимъ, вы никогда не наслаждаетесь. Вашъ разумъ вамъ въ томъ весьма препятствуетъ. Но теперь упомянемъ что нибудь и о воздухѣ, которымъ вы дышете: какїе вы чувствуете болѣзни, при самой малѣйшей онаго перемѣнѣ? И сонъ вашъ всегда ли бываетъ таковъ, чтобъ можно было его назвать временемъ отдохновенїя и спокойствїя? Не часто ли случается, что ваши заботы и печали и тогда съ вами не разлучаются? О сколь велико различїе Улиссъ между нами и вами, и сколь отмѣнно натура съ нами поступаетъ! Сверхъ того, что она одарила насъ тѣломъ несравненно твердѣйшимъ нежели ваше, не пропустила она и той для насъ предосторожности, что, хотя и случится намъ какой нибудь припадокъ, предъуготовила для насъ и лѣкарство, которое мы тотчасъ достаемъ посредствомъ того побужденїя, какимъ она насъ снабдить благоволила.

УЛИССЪ.

Что же ты изъ сего заключаешь?

ЗМѢЯ.

То, что сіе внутреннее чувствованіе, сей столь надежный предводитель, котораго вы побужденіемъ называете, и которое гораздо превосходнѣе есть вашего разума, намъ отъ натуры данъ для того, чтобъ мы изъ толь безчисленнаго множества растѣній могли выбирать то, что для насъ полезно; и мы безъ подробныхъ разбирательствъ, безъ умствованія и безъ всякихъ изслѣдованій, избираемъ всегда и безошибочно то растѣніе, которое намъ надобно. Мы Змѣи на примѣръ, когда препроводивъ для прикрытія себя отъ жестокости зимы нѣсколько времени въ землѣ, при наступленіи весны ощущаемъ, что кожа на насъ истрѣскалась, то знаешь ли, что мы для сложенія съ себя оныя дѣлаемъ? Мы ѣдимъ труху, и отъ того сія наша старая покрышка, имѣя уже подъ собою, какъ бы подкладку, молодую и твердую ко-

жу, мало по малу съ насъ сходитъ. Сїюже самую траву употребляемъ мы и тогда, когда острота нашихъ глазъ притупляется, и ея помощїю приводимъ ихъ въ прежнее свое состоянїе. Но не думай Улиссъ, чтобъ только мы одни были такїя животныя, которыя имѣемъ щастїе пользоваться отъ сего столь полезнаго побужденїя толь многими выгодами. Всякое животное есть созданїе натуры, и она ни одного изъ насъ безъ призрѣнїя не оставляетъ. Ящерица исцѣляется отъ нашихъ угрызенїй помощїю козьей руты: олень уязвленный имѣетъ прибѣжище къ дикшамну: ласточка къ ластовичной травѣ: черепаха къ болиголовѣ: бусель къ душицѣ: кабанъ къ блющу травѣ: скворецъ и куропатка избавляются отъ того помощїю лавроваго листу для курицы лѣкарствомъ есть стѣнная трава, а для собаки пырей; точно такимже образомъ и другїя животныя всегда умѣютъ находить нужное лѣкарство для всякой приключающейся имъ болѣзни, не имѣя такъ,

какъ вы, нужды прибѣгать для своего облегченія къ врачебной наукѣ, которая чаще васъ умерщвляетъ, нежели пользуетъ.

УЛИССЪ.

Какъ! не уже ли нѣтъ ни одного животнаго, которое бы было безразсуднѣе человѣка, и которое бы не имѣло нужды въ посторонней помощи?

ЗМѢЯ.

Нѣтъ! Въ каждомъ изъ насъ собственное побужденіе всегда имѣетъ столько силы, сколько нужды, какимъ удовлетворять надобно, требуютъ. А какъ есть нѣкоторые между нами, которые почти никакихъ нуждъ не имѣютъ, то въ такихъ нѣтъ почти никакого и побужденія; однако они всегда имѣютъ то, что имѣть имъ должно. Сей нашъ предводитель несравненно превосходнѣе коловратнаго вашего разума. Онъ весьма надеженъ, онъ есть нашъ вѣрный и разумный наставникъ, отъ котораго мы никогда не отстаемъ. Чтоже до вашего разума касается,

касается, то многіе между вами находятся, которые отъ него весьма на великое разстояніе удаляются.

УЛИССЪ.

Безъ сомнѣнія многіе, и число глупыхъ очень не мало: но надобно заключить, что сіе дурачество не столь есть бѣдственно. Нѣкогда одному сумасшедшему человѣку удалось исцѣлиться отъ своего безумія: вскорѣ послѣ того другой нѣкоторой молодой человѣкъ также сошелъ съ ума. Отецъ сего послѣдняго многократно совѣтовался съ исцѣлившимся, и просилъ его, чтобъ онъ ему открылъ то средство, помощію котораго онъ получилъ паки свой разумъ, дабы и онъ могъ употребить оное въ пользу своего сына, которой весьма бы былъ ему обязанъ, естьли бы избавился отъ своего безумія. Я бы весьма поступилъ не осторожно, отвѣтствовалъ онъ, естьли бы открылъ вамъ сіе пагубное таинство: вашъ сынъ мнѣ никогда не бывалъ непріятелемъ, онъ безъ ума; но онъ тѣмъ весьма щастливъ:

ливъ: разумъ его, которой бы я ему возвратилъ, былъ бы для него пагубнѣе его безумія.

ЗМѢЯ.

Ты весьма хорошо говоришь Улиссъ, и тотъ человѣкъ имѣлъ довольную причину такъ отвѣтствовать; потому что сей пагубный разумъ чрезъ свои изобрѣтенія, изслѣдыванія и знанія все портитъ, и все дѣлаетъ вреднымъ. И такъ полезнѣе будетъ его лишиться, и пользоваться такъ, какъ и мы, однимъ только побужденіемъ: жизнь тогда будетъ щастлива и свободна отъ *размышленій* и предъувѣреній, однимъ словомъ, отъ всего того, чѣмъ человѣкъ до тѣхъ поръ, пока имѣетъ разумъ, себя связываетъ. Слушай Улиссъ, намъ надобно нѣсколько на семъ остановиться. Я и самъ любилъ ученіе, и довольно упражнялся въ наукахъ, потому что я былъ лѣкарь: чрезъ долгое время питалъ я себя надеждою, что они могутъ довести человѣка до того щастливаго состоянія, до того слад-

кaго

каго спокойствія, до того пріятнаго мыслей теченія, которое они обѣщаютъ; однако совсѣмъ тѣмъ я весьма обманулся. Препроводивши въ ученіи самую лучшую часть жизни, и употребивши всѣ средства къ украшенію моего разума, узналъ наконецъ, что, какъ о томъ ни буду стараться, однако все мое стараніе будетъ тщетно. Узналъ я, что невѣжество, безпримѣсное и совершенное невѣжество гораздо полезнѣе разума; и сіе я говорю не для того, аки бы я одного мнѣнія былъ съ тѣми, которые говорятъ, что ученіе здѣлало людей злѣйшими, нѣтъ, я сего не думаю, я напротивъ того увѣренъ, что оно умягчаетъ нравы, научаетъ человѣка быть обходительнѣйшимъ, и показывая ему основательнѣе собственную его пользу, дѣлаетъ его лучшимъ отцемъ, лучшимъ другомъ, и лучшимъ гражданиномъ. Я еще знаю и то, что оно иногда и въ печальное время услаждаетъ человѣка пріятнымъ спокойствіемъ: но несмотря на все сіе, оно не можетъ сравниться съ тѣмъ

сладкимъ невѣжествомъ, которое управляемо бываетъ однимъ только побужденїемъ, которое насъ столь блаженными дѣлаетъ. Ученїе хотя и очищаетъ ваши разсужденїя, изощряетъ вашу чувствительность, и просвѣщаетъ вашъ разумъ; но сїе единственно для того, чтобъ успокоить васъ на нѣсколько токмо времени.

УЛИССЪ.

Между тѣмъ оно приводитъ насъ въ познанїе, которое . . . .

ЗМѢЯ.

Я это довольно знаю, и въ томъ нѣтъ спору: оно довольно ясно показываетъ бѣдствїя; но что касается до ихъ избѣжанїя, то будетъ другое дѣло. Оно весьма подобно больному лѣкарю, для котораго еще большимъ мученїемъ есть то, что онъ знаетъ свойство терзающей его болѣзни, а не находитъ себя въ состоянїи избавиться отъ оной. Онъ притомъ видитъ и всю ея опасность: но сїе для него еще большая досада, что онъ не знаетъ для нее лѣкарства. Точно таковъ же

и человѣческой разумъ: хотя онъ будетъ и довольно просвѣщенъ, однако всегда столько же безсиленъ. Въ прочемъ я смѣло надѣюсь Улиссъ, что естьли бы люди были безпристрастны, и естьли бы они нѣсколько прилѣжнее разсмотрѣли свое состоянїе и малые оные выгоды, получаемые ими отъ самаго полнаго и совершеннаго употребленїя разума; то они бы откровенно признались въ той истиннѣ, что они кромѣ сна, въ которомъ они забываютъ всѣ свои бѣдствїя, и щастливаго безумїя, и пьянства, которое ихъ разумъ затмѣваетъ, ничего не находятъ, что бы ихъ жизнь дѣлало имъ прїятною.

УЛИССЪ.

Какой вздоръ! Весь бы миръ было бы нѣчто смѣшное, естьли бы въ немъ жили по твоему вкусу; и тамъ бы ничего больше видѣть не можно было, кромѣ людей пьяныхъ, безумныхъ и спящихъ.

ЗМѢЯ.

Пусть такъ! Разсмотримъ же теперь и то, что ты за лучшее почитаешь.

УЛИССЪ.

Твое мнѣнїе весьма мнѣ смѣшно: а мнѣ кажется, что лучше бы упражняться вЪ размышленїяхЪ, и быть заняту частыми дѣлами, нежели такимЪ образомЪ помрачать свой разумЪ.

ЗМѢЯ.

Ты говоришь о размышленїи? Видно, что ты и самЪ не знаешь, что то есть размышлять.

УЛИССЪ.

А по чему такЪ?

ЗМѢЯ.

Потому, что естьли ты станешь размышлять, или естьли ты размышлялЪ когда нибудь вЪ твоей жизни, то ты легко признáешся, что цѣлой годЪ твоихЪ размышленїй не будетЪ стоить тѣхЪ двухЪ часовЪ, которые ты во снѣ препровождаешь. Размышлять, есть разсматривать разные предмѣты, которые насЪ трогаютЪ, и наше вниманїе на себя обращаютЪ:

щаютъ: а изъ ста сихъ предмѣтовъ неотмѣнно всегда найдется съ восемдесятъ такихъ, кои не весьма веселыя производятъ въ насъ воображенія, и почти, такъ сказать, насъ оскорбляютъ. О естьли бы размышленіе было нѣчто произвольное, и зависѣло единственно отъ воли того, кто въ оное углубляется; то бы одни только веселости, одни сладкія воображенія, и пріятныя напоминанія непрестанно его мозгъ наполняли, и тѣмъ увеселяли бы его праздность! Въ такомъ случаѣ я согласенъ, что тогда самое бы пріятнѣйшее упражненіе было, чтобъ углубляться въ размышленіяхъ; и такая бы мысленная и никакого вещества не имѣющая жизнь была бы не иное что, какъ не прерывное теченіе самыхъ прелестныхъ, и одно за другимъ представляющихся зрѣлищъ. Но какъ ты самъ сказываешь, что ты нѣкогда упражнялся въ размышленіяхъ, то можешь сказать, такъ ли оно дѣлается: ты можешь сказать, въ состояніи ли человѣкъ здѣлать

изъ своей головы все то, что онъ хочетъ; силенъ ли онъ истреблять по своему произволенїю изъ своихъ мыслей всѣ непрїятныя, печальныя, а не рѣдко и терзающїя его воображенїя, которыя, не смотря на все его, и бодраго его разума сопротивленїе, стократно въ день приходятъ изображаться въ его памяти. Я слышалъ, что нѣкоторой изъ вашихъ философовъ предписалъ въ одной книгѣ науку какъ размышлять; но мнѣ кажется, что лучше бы было, естьли бы люди обучались, чтобъ никакъ не размышлять.

УЛИССЪ.

Но сїя наука давно ужé извѣстна: ибо люди упражняясь въ трудахъ и рукодѣлїяхъ находятъ натуральный способъ избавлять себя отъ размышленїй.

ЗМѢЯ.

Ето правда. Ето есть самое лучшее средство къ истребленїю, такъ сказать, разума: но только то худо, что

что сїе лѣкарство для большей части людей почти несноснѣе и самой болѣзни. Естьли бы между людьми было нѣсколько по больше равенства, то безъ сомнѣнїя сїе средство имѣло бы всю свою пользу. Трудъ, естьли только не будетъ чрезвычайно обременять душу и утомлять тѣло, отводитъ нѣкоторымъ образомъ размышленїе отъ всякихъ предмѣтовъ, печаль или скуку причиняющихъ: но естьли онъ излишенъ, то тотчасъ онъ заставляетъ обращать вниманїе на то неудовольствїе, или можетъ быть и мученїе, какое онъ въ человѣкѣ производитъ, и дѣлается несноснымъ; а въ такомъ случаѣ лучше бы человѣку вдаваться въ размышленїя. Сїе то и нещастїе для рода человѣческаго, что неизбѣжимая скука быть въ размышленїи, проганяется обыкновенно однимъ только почти столь же скучнымъ трудомъ. Въ самомъ же дѣлѣ надлежало бы, чтобъ всякъ трудился только для самаго себя, и чтобъ люди по одному только тому праву,

что они богаты, не присвояли себѣ власти обременять другихъ не столь достаточныхъ, и налагать на нихъ оный несносный трудъ, чтобъ довольствовать ихъ лѣность: напримѣръ, у насъ никто не берется за дѣла другаго. Ахъ Улиссъ, сколь глупой родъ животныхъ суть люди, и какъ худое они имѣютъ понятїе о истинной своей пользѣ! Для чего бы имъ не дѣлать такъ, какъ и мы, и для чего бы имъ не довольствоваться первоначальнымъ способомъ житїя и симъ побужденїемъ, которое, къ не малому вашего разума посрамленїю, столь изрядно управляетъ нами? Куда какъ много прїобрѣли они чрезъ свои знанїя!

УЛИССЪ.

Однако имѣютъ люди нѣкоторое и другое предъ вами преимущество, то есть, что человѣкъ получилъ отъ натуры долговременнѣйшую жизнь, нежели другїе животные. Вы меньше претерпѣваете бѣдствїй, но и число дней вашихъ весьма мало, и одинъ только человѣкъ имѣетъ удовольствїе

вїе

вїе видѣть протяженнѣйшее теченїе своихъ лѣтъ: а сїе есть такое благодѣянїе натуры, которымъ мы предъ вами похвалиться можемъ.

ЗМѢЯ.

Лучше скажи, что сїе есть великое ея немилосердїе, котораго тягость вамъ сносить надобно. Естьли бы жизнь человѣческая была жизнь щастливая, то бы люди много одолжены были натурѣ, что она дни ихъ умножила. Но естьли она умножитъ такїе дни, которые считаются по однимъ только ежеминутнымъ нещастїямъ: и естьли продолжитъ такое время, которое препровождается или въ бѣдности, или въ безпокойныхъ заботахъ, или въ печалѣхъ, или еще и въ отчаянїи; то скажи пожалуй, Улиссъ, можно ли такую щедрость почесть великимъ благодѣянїемъ? Напротивъ того, не чувствительная ли бы была ея къ вамъ милость, естьли бы она сократитъ вашу жизнь, прекратила бы и сїе время горести и бѣдствїй вашихъ; а

чрезъ

чрезъ то облегчила бы и бремя оныхъ? Человѣческая жизнь не иное что есть, какъ всегдашнее терпѣнie. Чрезъ все ея теченie онъ боится смерти, при малѣйшемъ его припадкѣ, кажется ему, что она уже приближается; а чрезъ сie воображенie и болѣзнь свою умножаетъ. Ему бы не надлежало ничего другаго отъ смерти ожидать, какъ только вѣчнаго успокоенiя и конца своимъ бѣдствiямъ; но немилосердая натура и сего послѣдняго утѣшенiя его лишила. Ему данъ разумъ: и сей злобный его правитель не позабылъ изображать ему ужаснымъ и плачевнымъ то спокойное состоянie, въ которомъ части тѣла, потерявши нечувствительно свой союзъ, соединяются паки съ тѣми существами, изъ которыхъ они прежде были составлены. Худая совѣсть, помощiю выдумчиваго его разума такою здѣлавшаяся, препровождая его до гроба, представляетъ ему мстителемъ Плутона, алчныхъ Гарпiй, жестокихъ Фурiй и другiя неисчетныя роды мученiя. Безъ

сей бы столь ужасной опасности человѣкъ могъ бы ожидать нетрепетно и съ спокойнымъ духомъ своего послѣдняго часа. О пагубныя страсти, сколь ваша надъ разумомъ власть не ограничена! Вы преклоняя его къ удовольствованїю своихъ требованїй, даете послѣ чувствовать всю вашу гнусность, и видѣть самыя далечайшїя свои слѣдствїя, и наполняете его столь ужасными воображенїями! Какой же ето разумъ, Улиссъ, который имѣетъ слабость доводить человѣка, въ которомъ онъ самъ обитаетъ, до того, чего онъ самъ, или безъ крайняго омерзѣнїя или безъ ужаса представить себѣ не можетъ?

УЛИССЪ.

Вотъ, сколько добра отъ злочестиваго лѣкаря! Но оставимъ все сїе: ты только, другъ мой, мнѣ скажи, хочешь ли ты итти за мною въ свою землю?

ЗМѢЯ.

Никакъ, а особливо для тѣхъ выгодъ, какїя ты мнѣ представляешь, и кои только тебѣ выгодны кажутся.

Улиссъ.

УЛИССЪ.

Я бы сïе простилъ всякому; но что до тебя касается, ты весьма заслуживаешь, что бы отъ тебя убѣгали, и гнушалися бы тобою всѣ; и чтобъ никогда ты не чувствовалъ отъ человѣка никакой благосклонности, какой отъ него прочïя животныя удостоиваются. Я больше не хочу говорить.

ЗМѢЯ.

Тѣмъ лучше, чтобъ человѣкъ отъ меня бѣгалъ; ибо мнѣ отъ сего ничего больше не здѣлается, какъ только то, что я еще буду свободнѣе. Намъ весьма легко обойтись можно и безъ сихъ благосклонностей. Куда какая для насъ утрата, что человѣкъ не будетъ нами забавляться, и заставлять насъ себѣ раболѣпствовать!

УЛИССЪ.

По крайнѣй мѣрѣ, можете ли вы жить щастливѣе; и что вы дѣлаете будучи почти во всю вашу жизнь подъ землею?

ЗМѢЯ.

Мы тамъ спимъ съ такою сладостію и спокойствіемъ, какое вамъ совсѣмъ не извѣстно.

УЛИССЪ.

Куда какое изрядное удовольствіе, а потомъ ѣсть! но что? не чистоту и траву, а пить воду?

ЗМѢЯ.

Но что намъ въ другомъ чемъ нибудь нужды, естьли мы ничего другаго не хочемъ?

УЛИССЪ.

А притомъ и ничего не знать!

ЗМѢЯ.

Мы только меньше онымъ хвастаемъ. Въ прочемъ я бы и въ самомъ дѣлѣ былъ мало знающъ, естьли бы я принялъ то, что ты мнѣ предлагаешь, то есть, что бы я взялъ опять на себя человѣческій видъ. Нѣтъ, нѣтъ, Улиссъ, я не хочу быть въ такомъ состояніи, въ которомъ не можно того дѣлать, что хочу. Я не люблю болѣзньми

лѣзньми печальми преисполненной и принужденной жизни, и наконецъ всего сего, бояться еще и смерти! И такъ изволь меня оставить въ покоѣ, прощай. Я иду теперь тереться объ сїе дерево, и увѣряю тебя, что я чешучись объ оное, наслаждаюся такимъ удовольствїемъ, какого мнѣ никогда вкушать не случалось, доколѣ я былъ человѣкомъ: меня тамъ ничто не тревожитъ, и никакое подобострастїе, никакое раболѣпство и никакая опасность сего сладкаго удовольствїя прервать не можетъ.

УЛИССЪ.

На кого мнѣ жаловаться?.. но вить я съ звѣрьми говорю! и мнѣ кажется, что Цирцея, возвративши имъ способность разговаривать, не возвратила имъ совершеннаго разума: однако не надобно отчаяваться. Я возвращусь къ Цирцеѣ, и буду ее просить, чтобъ она показала мнѣ Грековъ, которые бы были хотя нѣсколько позговорчивѣе.

РАЗГОВОРЪ III.

ЦИРЦЕЯ, УЛИССЪ и ЗАЯЦЪ.

УЛИССЪ.

Естьли бы я не довольно былъ увѣренъ о горячности вашей ко мнѣ любви, прекрасная Цирцея, то бы я подумалъ, что вы мнѣ обѣщаете то, чего исполнить не хочете. Ибо вы сїе дѣлаете *съ такими договорами*, о которыхъ вы *знаете*, что никто на оные не согласится. Вы позволили мнѣ говорить съ тѣми изъ моихъ земляковъ, о которыхъ вы твердо увѣрены, что они никогда не захотятъ оставить того страннаго состоянїя, въ которомъ вы ихъ содержите. Однако мнѣ кажется, что ваше сердце наполненно ко мнѣ большею искренностїю, нежели чтобъ захотѣло меня обманывать.

ЦИРЦЕЯ.

Ахъ Улиссъ! можешь ли ты меня *подозрѣвать въ такой злости? Я за* что *тебя иначе не буду* наказывать,

какъ только оставлю тебя терзаться твоими подозрѣнїями : тебѣ надобно стыдиться, имѣя такое обо мнѣ мнѣнїе.

УЛИССЪ.

Но для чегожъ вы меня заставили говорить съ толь глупыми и упрямыми людьми? Наипаче послѣднїй изъ нихъ столь упоренъ, что я бы ему сего никогда не простилъ. Есть ли бы я ему и вредное какое предложенїе здѣлалъ, то бы онъ уже не могъ хуже его принять, какъ онъ приялъ то, когда я ему обѣщалъ здѣлать его опять человѣкомъ. О! онъ меня весьма раздражилъ.

ЦИРЦЕЯ.

Ето можетъ статься. . . Но чего же вы хочете? Сїи люди думаютъ посвоему : и можетъ быть, что есть ли бы и вы отвѣдали побывать въ семъ состоянїи, то бы оно не показалось вамъ столь гнуснымъ.

УЛИССЪ.

Однако позвольте мнѣ выговорить, что

что я нѣсколько о томъ сомнѣваюсь. Но Змѣя! Змѣя!

ЦИРЦЕЯ.

Мнѣ до того нѣтъ нужды.

УЛИССЪ.

По крайнѣй мѣрѣ я бы не хотѣлъ превращенъ быть въ другое животное по однимъ сумозброднымъ представленіямъ сего послѣдняго. Правда, что когда онъ былъ лѣкаремъ, то всегда окружали его одни больные и болѣзни, и онъ не могъ насладиться полнымъ удовольствіемъ, какое жизнь человѣку приноситъ; для сего и неудивительно, что онъ мало о томъ думаетъ, чтобъ здѣлаться паки человѣкомъ. Онъ жизнь видѣлъ въ весьма непріятномъ лицѣ.

ЦИРЦЕЯ.

Сколь пріятною вы жизнь ни поставляйте, однако вить не одни только лѣкари оною гнушаются. Правда лѣкарь иначе ее видѣть не можетъ, какъ съ самой печальнѣйшей стороны; но и другіе роды житія невыгоднѣе

лѣкарскаго, и мнѣ кажется весьма не основательнымъ то слово одного изъ вашихъ мудрецовъ, которой изъ всѣхъ божескихъ благодѣянїй одно только то наибольшаго благодаренїя достойнымъ находилъ, что онъ имѣетъ щастїе быть человѣкомъ, а не другимъ какимъ животнымъ.

УЛИССЪ.

Однако я слыхалъ, что сїе слово гораздо инымъ *образомъ принимаютъ*.

ЦИРЦЕЯ.

О! я знаю, что сїе изреченїе великую честь ему приноситъ. Однако я бы никогда не позавидовала сему его щастїю, и въ разсужденїи сего пункта, соблюдая то почтенїе, которымъ я должна Философїи, сїи слова, по моему мнѣнїю, приличнѣе бы могли произнесены быть о другомъ какомъ нибудь животномъ, нежели о мнимомъ семъ мудрецѣ. Въ прочемъ одни только сїи превращенныя животныя подробно могутъ оное знать, и о томъ разсуждать: они уже испытали и то *и* другое

гое состоянїе, и они конечно не прежде, какъ уже здѣлавши сравненїе одного состоянїя съ другимъ, вознамѣрились остаться въ нынѣшнемъ. И слѣдовательно не отъ инаго чего произошло и то упорство, на которое вы жалуетесь, и съ которымъ они продолжаютъ свое отвращенїе отъ человѣчества.

УЛИССЪ.

Что вы говорите о сравненїи? Какое сходство вы думаете найти тамъ, гдѣ никакому быть не можно? Ибо естьли въ чемъ нибудь другомъ столь великое различїе, какъ между человѣкомъ и скотомъ? Человѣкъ имѣетъ природу, которая сама въ себѣ совершенна, а въ скотской природѣ весьма мало совершенствъ усматривается. И я совсѣмъ не нахожу, что бы можно было противъ сего сказать.

ЦИРЦЕЯ.

По етому я въ томъ больше знающа, нежели ты, Улиссъ; ибо я нахожу еще много, что можно тебѣ на сїе

сказать. И мнѣ кажется, что ты, дабы дать больше вѣроятности своимъ словамъ, опровергнешь безъ дальняго размышленія все то, что толикому множеству животныхъ приписать можно, то есть, что они имѣютъ нѣкоторыя чувства гораздо совершеннѣйшія, нежели человѣческія, и что они не одну, но безчисленное множество выгодъ имѣютъ, которыми васъ далеко превосходятъ.

УЛИССЪ.

То есть, что у нѣкоторыхъ животныхъ одно какое нибудь чувство имѣетъ большую степень остроты, нежели тоже чувство у человѣка. Такъ, напримѣръ, собака имѣетъ лучшее обоняніе, гусь слышаніе, паукъ зрѣніе и прочая. Но къ чему могутъ служить такимъ животнымъ сіи превосходнѣйшія чувства, естьли другія орудія ни мало не соотвѣтствуютъ ихъ совершенствамъ? Человѣкъ не имѣетъ ни одного такого чувства, которое бы превосходило всѣ прочія; но всѣ его чувственныя орудія суть въ равномъ

совершенствѣ: а сїе равенство есть нѣчто несравненно превосходнѣйшее, нежели чтобъ имѣть или зрѣнїе острѣйшее, или слышанїе самое нѣжное. Оно есть основанїе того преимущества, какое человѣкъ имѣетъ предъ всѣми прочими животными; потому что оно есть началомъ тѣхъ понятїй, которыя отдаютъ человѣку верьхъ надъ всѣми прочими жизнь имѣющими существами. *Но я прошу васъ*, прекрасная Цирцея, показать мнѣ какихъ нибудь Грековъ другихъ, которыхъбы зговорчивость могла наградить упрямство троихъ прежнихъ.

ЦИРЦЕЯ.

Очень охотно. Видите ли вы подъ тѣнїю сего дуба Зайца? Подите поговорите съ нимъ: я ему даю способность разумѣть ваши слова.

УЛИССЪ.

Слушай Заяцъ! для чего ты отъ меня бѣжишь? Остановись, остановись, и послушай меня. Я тебѣ хочу здѣлать весьма выгодное предложенїе.

ЗАЯЦЪ.

О боги! что ето такое, не уже ли вы меня возвратили въ прежнее мое состоянїе? Какъ! я понимаю, и разумѣю человѣческїя слова; не уже ли вы меня опять осудили на толь безчисленныя нещастїя, здѣлавъ меня паки человѣкомъ?

УЛИССЪ.

Какъ другъ мой! развѣ по твоему мнѣнїю то великое нещастїе, чтобъ разумѣть человѣческой голосъ?

ЗАЯЦЪ.

Конечно такъ, естьли люди послѣ моего превращенїя не перемѣнились: ибо что другое можно между ими слышать, какъ непрестанные жалобы и воздыханїя о своихъ нещастїяхъ или о своей бѣдности?

УЛИССЪ.

Ласкавъ себя надеждою найти что нибудь лучшее, теперь вижу, что надобно ожидать чего нибудь еще хуждшаго. Змѣя, которая была лѣкаремъ,

кромѣ

кромѣ больныхъ ничего не видала; а что до сего касается, то надобно, чтобъ онъ жилъ между одними отчаянными.

ЗАЯЦЪ.

Точно также и мнѣ весьма было скучно и несносно слышать непрестанные ихъ жалобы даже до того, что я хотѣлъ было добровольно уйти въ самые отдаленные лѣса, чтобъ жить тамъ въ спокойномъ уединенiи. Я бы сiе и самымъ дѣломъ исполнилъ, и оставилъ бы все; но какъ жить одному и безъ всякой помощи другаго? Человѣкъ не столь совершеннымъ сотворенъ, чтобъ могъ жить въ такомъ уединенiи. Онъ рожденъ для общества, онъ не въ состоянiи самъ себя во всемъ удовольствовать. Нужды его не иное что суть, какъ крѣпкiе цѣпи, которыми люди взаимно связаны, чтобъ они были собраны, соединены, и взаимно себѣ помогали, что для нихъ необходимо надобно. Но въ тоже самое время они не могутъ безъ того вмѣстѣ ужиться , чтобъ не произошли

между ими жалобы, несогласія, ссоры, обманы, ненависти, мучительства, кражи и убійства. Они бы могли, да и должны были, почитать себя членами одного и того же тѣла, или братьями: но я не знаю, какой завистливой рокъ заставляетъ ихъ поступать между собою по непріятельски, и по тому оскорбленія и печали суть, какъ бы матерія, изъ которой составлены всѣ ихъ *общества: дни свои* наполняютъ они горестьми, и изъ всей человѣческой жизни дѣлаютъ непрерывной трауръ.

УЛИССЪ.

Пожалуй другъ мой скажи, что ты дѣлалъ, когда ты былъ человѣкомъ, и какое ты имѣлъ ремесло?

ЗАЯЦЪ.

Правду сказать, я столько разъ свое состояніе перемѣнялъ, что нахожу не малое затрудненіе, чтобъ тебѣ всѣ оныя изчислить. Но что тебѣ нужды о томъ меня спрашивать?

УЛИССЪ.

Весьма много. Любовь къ отечеству во всякомъ сердцѣ весьма глубоко вкореняется, и она то меня убѣдила просить Цирцею, чтобъ она благоволила возвратить моимъ землякамъ прежней ихъ видъ; и какъ она мнѣ сказала, что ты Грекъ, то я тебѣ сïе удовольствïе и здѣлать намѣренъ.

ЗАЯЦЪ.

А я нехочу его принять.

УЛИССЪ.

Но тому статься не возможно, чтобъ ты не желалъ быть лучше человѣкомъ, нежели несмысленнымъ животнымъ, каковъ ты теперь.

ЗАЯЦЪ.

Сему статься не можно! но скажи, пожалуй, для чего?

УЛИССЪ.

Какъ! ты хочешь лучше въ семъ состоянïи препроводить остатокъ твоей жизни, нежели возвратиться со мною въ твое отечество?

ЗАЯЦЪ.

Такъ конечно. Мнѣ лучше нравится быть Зайцемъ, или, какъ ты говоришь, несмысленнымъ. Сїе состоянїе приноситъ мнѣ всякое удовольствїе, и я нахожу себя весьма довольнымъ, я больше ничего не желаю. Никогда я во все то время, въ которое я былъ человѣкомъ, не могъ о себѣ сихъ словъ выговорить, хотя и довольно прошелъ всякаго рода состоянїй.

УЛИССЪ.

Видно, что ты имѣлъ вкусъ гораздо разборчивой, на которой весьма трудно было угодить.

ЗАЯЦЪ.

Такъ, какъ и всѣ люди. Ибо, естьли хотя одинъ человѣкъ, который бы своимъ состоянїемъ былъ совершенно доволенъ? Я объ закладъ бьюсь, что ты, естьли только признаешься чистосердечно, не найдешь ни одного. Да и что такое можетъ имѣть человѣкъ, что бы его во всемъ удовольствовать могло?

могло? Ибо разсмотрѣвъ, съ какимъ изволишь, вниманіемъ всѣ человѣческія состоянія и обстоятельства, напослѣдокъ надобно будетъ ему что нибудь выбрать изъ сихъ двухъ, то есть: или повелѣвать другими, и быть правителемъ другихъ; или, чтобъ самому отъ другихъ быть управляему.

УЛИССЪ.

Пусть ето правда! такъ развѣ онъ ни въ томъ ни въ другомъ состояніи не найдетъ ничего для себя, что бы ему было пріятно?

ЗАЯЦЪ.

Совсѣмъ ничего. Напротивъ того и то и другое есть для него неисчерпаемымъ источникомъ неудовольствія. Естьли онъ достигнетъ до такого достоинства, которое ему дастъ опасное оное право повелѣвать другими, то онъ ужé самъ сталъ не свой. Онъ долженъ всего себя посвятить благоденствію другихъ: а сіе не весьма легко здѣлать можно. Да и подлинно, развѣ легко содержать въ порядкѣ такія

кїя существа, которыя по своему естеству стремятся ко всякому безпорядку? И такъ надобно, чтобъ онъ ихъ, яко ни совѣстїю, ни общею пользою, ни собственнымъ благоденствїемъ не управляемыхъ, устрашалъ строгостїю наказанїя. Но увы! для чувствительнаго и человѣколюбиваго сердца почти все равно, приказывать ли наказывать кого нибудь, или самому сносить сїе наказанїе. И естьли не почитать сїе за нещастїе, чтобъ имѣть рамена обремененные тяжестїю правленїя, то коликїя попеченїя каждой день нарушаютъ его спокойствїе. Тщетно они стараются забавлять себя увеселенїями, которыя, повидимому, ихъ окружаютъ: ибо они чрезъ сїе ничто иное, какъ различные скуки себѣ дѣлаютъ. Сладкое и прїятное удовольствїе далеко отъ нихъ убѣгаетъ, для того, что оно съ великолѣпїемъ и величествомъ несовмѣстно. Нѣтъ! не въ царскихъ сердцахъ обитаетъ та тишина, и то спокойствїе духа, которое составляетъ все человѣческое щастїе и блаженство.

женство. Они гораздо большую часть своего времени препровождаютъ терзаяся подозрѣніями, мщеніемъ и страхомъ.

УЛИССЪ.

Ты, какъ видно, за ничто почитаешь то удовольствіе, какимъ можетъ наслаждаться Государь, видя своихъ подданныхъ веселящихся въ нѣдрахъ изобилія и почитающихъ себя благополучными, что имѣли щастіе родиться при его владѣніи.

ЗАЯЦЪ.

Но по нещастію человѣческому, сколь рѣдки такіе Государи которые могутъ ощущать всю пріятность истиннаго сего удовольствія, также и то, сколь благополученъ народъ управляемый премудрымъ такимъ Государемъ, который довольно ясно усматриваетъ, что естьли онъ по своей природѣ или по выбору, столь много возвышенъ предъ другими совсѣмъ ему подобными, и естьли онъ царствуетъ, то сіе единственно только для того, чтобъ не играть людьми, но чтобъ устроять благополучіе тѣхъ, которыми онъ повелѣваетъ.

УЛИССЪ.

Ты говоришь правду, мой другъ, я въ томъ согласенъ, что нелегко быть Государемъ. Подлино, немалое нещастїе есть принуждать людей быть щастливыми, но оно притомъ и рѣдко: ибо такихъ не много людей, которые родятся для короны. И такъ лучше станемъ говорить о простомъ человѣкѣ: онъ, не простирая своихъ попеченїй далѣе своего дому, наслаждается такимъ покоемъ и удовольствїемъ, которое Государямъ совсѣмъ не извѣстно. Онъ благополученъ, или по крайнѣй мѣрѣ такимъ быть можетъ.

ЗАЯЦЪ.

Не больше, какъ и другой кто. Сей человѣкъ, естьли будетъ богатъ, то онъ долженъ воздыхать подъ бременемъ всѣхъ тѣхъ заботъ, которые родятся отъ богатства. Богачь боится войны, боится мира, боится воровъ, боится пожаровъ, боится всего. Онъ недовѣрчивъ, жестокосердъ, гордъ даже до излишества, высокоуменъ, скупъ и спесивъ. Будучи непрестанно терзаемъ

терзаемъ подозрѣніями, и снѣдаемъ толь многими заботами, можетъ ли онъ ощущать, сколь сладки плоды тѣхъ добродѣтелей, которыхъ отъ него общество ожидаетъ? Можетъ ли онъ быть добрымъ супругомъ, добрымъ отцемъ, добрымъ другомъ и добрымъ гражданиномъ? И естьли не можетъ, то гдѣ его щастіе, и гдѣ то удовольствіе, которымъ онъ наслаждается? Естьли же человѣкъ будетъ убогъ, рожденъ въ нискомъ и рабскомъ состояніи, то голодъ и презрѣніе, и самаго глада несноснѣйшее, заставитъ его чувствовать всю тяжесть и гнусность убожества. Можешь ли ты сказать, чтобъ онъ хотя на одно мгновеніе былъ веселъ? Ахъ не говори пожалуй! Ето будетъ великое безчестіе для рода человѣческаго, и не малое посрамленіе для его природы, что онъ терпитъ недостатокъ въ нужномъ, въ чемъ ни одинъ изъ насъ онаго никогда не имѣетъ.

УЛИССЪ.

По твоимъ словамъ видно, что ты не очень любилъ убожество. Слѣдовательно

тельно тебѣ весьма смѣшна покажется поступка тѣхъ нашихъ мудрецовъ, которые поставляли все свое удовольствіе въ немъ, и которые, чтобъ тѣмъ удобнѣе могли по своему произволенію философствовать, оставили все свое имѣніе добровольно, и привели себя почти въ такое состояніе, которое ты столь прелестнымъ описываешь.

ЗАЯЦЪ.

Такіе мудрецы были великіе глупцы. Объ нихъ-то можно сказать, что они отъ дожжа прятались въ воду. Они избавляясь отъ узъ богатства, связывали себя узами рабства: ибо можетъ ли кто нибудь быть подверженъ столь долговременному невольничеству, какъ тотъ человѣкъ, которой при самой малѣйшей своей нуждѣ бываетъ обязанъ щедрости другаго; потому что маленькой кусокъ хлѣба, которой онъ получаетъ отъ руки другаго, налагаетъ на него узы благодарности и невольничества, или яснѣе сказать, заставляетъ его служить своему благодѣтелю,

лю, иногда и противъ своей воли. Притомъ я не понимаю, какимъ образомъ разумъ, занятой непрестанными размышленіями о средствахъ къ удовольствію тѣлесныхъ его требованій служащихъ, можетъ чрезъ сіе самое здѣлаться способнѣйшимъ къ любомудрію и ученію.

УЛИССЪ.

Однако то, что я говорю, есть самая правда, и сіи Философы служатъ къ тому неоспоримымъ доказательствомъ.

ЗАЯЦЪ.

Такъ: надобно, чтобъ одно самолюбіе и тщеславіе укрѣпляло ихъ противъ бѣдствій убожества. Такимъ образомъ я понимаю, что они могли добровольно избрать такое состояніе, отъ котораго всѣ прочіе съ неусыпнымъ стараніемъ обыкновенно убѣгаютъ. Слѣдовательно надобно, чтобъ они упоены были самолюбіемъ по философски, чтобъ имъ склониться къ принятію твердаго намѣренія жить чужимъ иждивеніемъ; ибо въ прочемъ

чемъ больше кто имѣетъ разума и знанія, тѣмъ безобразнѣйшимъ показывается ему убожество; потому что онъ помощію своей превосходнѣйшей прозорливости живѣе чувствуетъ не благоволеніе къ нему натуры. А сіе чувствованіе умножаетъ его бѣдность, и зависть снѣдающая сердце бѣднаго человѣка дѣлается ему еще мучительнѣйшею для того только одного, что онъ бѣденъ. Ибо для такого человѣка, которой ни чего не имѣетъ, всякая вещь есть предмѣтомъ его желанія: но какое мученіе быть непрестанно терзаему желаніями, не имѣя ни малѣйшаго способа опыя удовольствовать? Это почти мучительнѣе, нежели быть богатымъ, и не чувствовать въ томъ сытости. Въ прочемъ хвали ты, сколько тебѣ угодно, убожество и добровольныхъ своихъ нищихъ, только я никогда не склонюсь приписать ему нималѣйшей похвалы, а еще меньше его любить Оно мнѣ представляется самымъ ужаснѣйшимъ ударомъ изъ всѣхъ тѣхъ, которымъ вы подвержены.

Улиссъ

УЛИССЪ.

Но не всякъ такимъ образомъ разсуждаетъ.

ЗАЯЦЪ.

Есть много людей и моего мнѣнія; ибо много между вами найдется и такихъ, которые для избѣжанія убожества осуждаютъ себя сами препровождать всю свою жизнь въ наемномъ невольничествѣ и рабствѣ. А ето есть безчестіе свойственное единственно только вашему роду, что между людьми находятся столь подлые и столь нечувствительные, что за ничто почитаютъ быть рабами, и служить подобнымъ себѣ и въ самыхъ нискихъ должностяхъ. Слѣдовательно мы гораздо совершеннѣе васъ, которые никакой не находимъ нужды, чтобъ наши равные находились въ нашихъ услугахъ.

УЛИССЪ.

По етому тебѣ весьма странно покажется, естьли ты услышишь, что не всегда нужда заставляетъ людей прибѣгать къ другимъ людямъ. И естьли

я тебѣ скажу, что и богатые тоже дѣлаютъ; то что ты противъ сего отвѣтствовать будешь?

ЗАЯЦЪ.

То, что сїи суть больше несчастны, и больше бѣдны. Больше бѣдны, потому, что недостаетъ въ нихъ благоразумїя и благороднаго духа: а больше нещастны для того, что они принужденными себя находятъ угождать всѣмъ страстямъ своего господина, и бываютъ игрушкою его легкомыслїя единственно только для того, чтобъ удовольствовать свою жадность къ деньгамъ или къ чести, которая ничемъ удовольствована быть не можетъ.

УЛИССЪ.

Но мы обратимся къ простому человѣку, о которомъ мы говорить уже начали. Ты не думаешь, чтобъ человѣкъ могъ быть щастливымъ ни въ изобилїи ни въ крайнемъ убожествѣ; но по крайнѣй мѣрѣ ты согласишься, что въ предѣлахъ умѣренности, онъ можетъ быть своимъ состоянїемъ доволенъ!

ЗАЯЦЪ.

А въ чемъ состоитъ сїе умѣренное состоянїе? Безъ сумнѣнїя оно бы лучше способствовало къ человѣческому удовольствїю. Но гдѣ ты сыщешь такого человѣка, который бы столько доволенъ былъ своею судбиною, чтобъ не мучился желанїемъ чего нибудь лучшаго? Я нигдѣ такого не находилъ, а довольно усмотрѣлъ, что только печаль и *надежда* раздѣляютъ между собою всѣ дни человѣческой жизни. Я видѣлъ, что человѣкъ препровождаетъ всю свою жизнь, то сожалѣя о томъ времени, которое уже прошло, то терзаясь желанїемъ того, чего онъ еще ожидаетъ. Будучи не доволенъ имѣнїемъ, которое у него въ рукахъ, не насытностїю порывается къ другому, котораго онъ имѣть не можетъ. Каждое мгновенїе, которое бы онъ могъ препроводить въ веселїи, употребляетъ онъ на вымышленїе смѣшныхъ для будущаго своего состоянїя предпрїятїй, въ которыхъ онъ чрезъ всю свою жизнь заблуждаетъ; и будучи осужденъ на

вѣчное

вѣчное мученіе безпрестаннымъ своимъ желаніемъ, усматриваетъ онъ для себя щастіе только тамъ, куда всѣ его усиливанія довести его не въ состояніи. И такимъ образомъ переходя изъ безпокойства въ печаль, изъ печали къ тщетной надеждѣ, достигаетъ онъ наконецъ до того мгновенія, которое его уничтожаетъ, не вкусивши въ своей жизни ничего, кромѣ всегдашнихъ смущеній и скукъ. И такъ ты ясно видишь, что человѣкъ, въ какомъ бы состояніи онъ ни былъ, не можетъ нигдѣ найти истиннаго своего блаженства.

УЛИССЪ.

А! но кто тому виноватъ, когда онъ самъ не наблюдаетъ умѣренности, когда онъ не полагаетъ предѣла своимъ желаніямъ въ томъ имѣніи, которымъ онъ владѣетъ? Этому не иной кто, какъ только онъ самъ причиною.

ЗАЯЦЪ.

Сама его природа, которая въ него вліяла сей духъ беспокойства и неудоволь-

вольствія. Естьли бы онъ не имѣлъ той бѣдственной склонности, чтобъ все обьять своими прихотями; естьли бы его разумъ такъ, какъ наше побужденіе, не клонилъ его предпріятій, какъ только къ тѣмъ вещамъ, которые онъ получить можетъ: тогда бы человѣкъ безъ излишнихъ желаній, безъ высокомысленныхъ затѣевъ наслаждался всѣми благими, какими насъ природа снабдила. Въ одномъ только возрастѣ, то есть въ вашемъ младенчествѣ, когда вы еще не подвержены игу сего гордаго и пагубнаго разума, могли бы вы такъ, какъ и мы наслаждаться пріятностію спокойной и благополучной жизни. Вы тогда не имѣете никакихъ предъувѣреній, никакихъ безпокойныхъ мыслей и никакихъ скукъ. Но какъ будто бы въ томъ какая была опасность, чтобъ ваше благополучное состояніе не болѣе продолжалось; то, пока еще собственный вашъ разумъ никакого надъ вами дѣйствія не имѣетъ, употребляется чужой, чтобъ поступать съ вами мучительски Опредѣляется

дѣляется вамъ учитель, который беретъ на себя трудъ выводить вашъ разумъ изъ блаженнаго невѣжества, въ которомъ онъ во время младенчества находится. Онъ васъ обучаетъ, онъ вамъ даетъ знать и то, чего вамъ для продолженія вашего благоденствія знать совсѣмъ бы не надлежало. Безъ сомнѣнія довольно бы съ васъ было и того, чтобъ вы были благополучны; но хотятъ васъ здѣлать и учеными, просвѣщаютъ *ваше понятіе*, по крайнѣй мѣрѣ познаніемъ безобразія прошедшихъ, и ужаса будущихъ произшествій и прочихъ подобныхъ тому вещей, больше къ безпокойству, нежели къ щастію человѣческому служащихъ, о которыхъ мы къ немалому нашему благополучію ни мало не безпокоимся. Такимъ то образомъ потомъ чрезъ уроки, чрезъ малинькіе заботы, страхъ и прочее мало по малу наполняется горестьми тотъ непорочной возрастъ человѣческой, въ которомъ онъ, равно какъ и прочія животныя, живетъ для однихъ только веселостей. Я сіе для

того

того столь живо описываю, что я и теперь еще съ досадою воспоминаю тѣ мученія, какія заставлялъ меня претерпѣвать проклятой мой учитель, которому отъ моего отца поручено было стараніе о моемъ воспитаніи. Въ моемъ младенчествѣ къ моему благополучію ничего больше не требовалось, кромѣ сладкаго спокойствія: но надлежало, чтобъ я имѣлъ и то, что называютъ добрымъ воспитаніемъ, то есть, *надобно было еще*, чтобъ я имѣлъ предчувствованія бѣдствій. И такъ признайся, что человѣкъ есть животное, или весьма глупое, или весьма нещастное: да и мое оное щастіе было весьма недолговременно.

УЛИССЪ.

Развѣ тебѣ могло столь рано приключиться какое нибудь нещастіе?

ЗАЯЦЪ.

Безъ сомнѣнія: а именно, смерть моего отца. Я его лишился, не успѣвъ еще выттти изъ подсмотрѣнія моего учителя, и его смерть примѣчанія достойна была, по произшедшей въ его

фамилїи ссорѣ. Корыстолюбїе во всѣхъ насъ господствовало, и сїе не удивительно; а всего удивленїя достойнѣе было то, что братья мои для обогащенїя меня умножили мое наслѣдство каждый почти всею своею частїю. Но я и отъ того не былъ довольнѣе прежняго. Заботы столько же умножились. Я имѣлъ великое богатство, обладанїе котораго столь сильно меня безпокоило, что я его началъ ненавидѣть. Каждый день имѣлъ я дѣло съ крестьянами, съ откупщиками и съ купцами: а сего можетъ ли что нибудь быть скучнѣе? Сверхъ недовѣрчивости, какую производила во мнѣ ихъ невѣрность, и которая была довольно основательна; сїи люди обременяли меня еще своими жалобами. Одинъ ропщетъ на излишнюю дороговизну откупа, другой жалуется на худое время, которое отнимаетъ у него всю надежду: купецъ на труды, какїе онъ претерпѣваетъ въ продаванїи моихъ товаровъ, на затрудненїя, какїя онъ находитъ въ принужденїи должниковъ къ платѣ дол-

говъ

товъ. Такимъ образомъ разсуждай и о прочихъ безпокойствахъ отъ богатства происходящихъ.

УЛИССЪ.

Чтоже дѣлать другъ мой? Нѣтъ никого, кто бы не имѣлъ ни какой причины къ жалобамъ. Вы и сами, которые называете себя щастливыми, часто жалуетесь, слѣдовательно и вы имѣете какіе нибудь причины къ неудовольствію.

ЗАЯЦЪ.

Это правда; но могутъ ли они сравниться съ тѣми, которые бываютъ у васъ? Одно то, что называется у васъ собственнымъ, есть не исчерпаемымъ оныхъ источникомъ, которой для васъ всегда открытъ и изобиленъ, а для насъ напротивъ запертъ. Ибо ты самъ знаешь, что мы ничего не имѣемъ, что бы у насъ не было всѣмъ общее: а между вами, у всякаго своя часть, свое имѣніе, свои деньги; а оттуду жалобы, ссоры, суды: да и кто можетъ лучше оное знать, какъ я, который имѣлъ нещастіе дознать все

сїе собственнымЪ опытомЪ, ибо я былЪ нарочито богатЪ. Но позволь мнѢ продолжать мою исторїю. Скучившись потомЪ отЪ толь многихЪ хлопотЪ, отвѢдалЪ я все оставить. Я препоручилЪ попеченїе о всемЪ моемЪ имѢнїи одному изЪ моихЪ друзей, дабы могЪ безпрепятственно отдаться моимЪ склонностямЪ. Я избралЪ для сего уединенїе, и присоединилЪ себя кЪ собранїю жрецовЪ. Ты подумаешь, можетЪ быть, что я здѢлался чрезЪ то щастливѢйшимЪ?

УЛИССЪ.

НапротивЪ: ибо я знаю, что не сихЪ людей дѢло есть, чтобЪ споспѢшествовать благополучїю другихЪ.

ЗАЯЦЪ

Это правда. Я думалЪ, подЪ сѢнїю олтаря достигнуть того спокойствїя, которое отЪ меня убѢгало; я ласкалЪ себя надеждою найти вЪ сихЪ людяхЪ, которые хвастаютЪ, что они имѢютЪ обхожденїе сЪ богами, людей совершенныхЪ какЪ и боги; однако я узналЪ, что я обманулся. ВмѢсто

мира

мира и тишины, которыми я надѣялся наслаждаться, попалъ я въ жилище ссоръ и скукъ, въ жилище, въ которомъ гордость, зависть, обманы, лицемѣрство и злоба надъ всѣми сердцами владычествуютъ. Я тамъ никого не видалъ, кромѣ невѣжъ отдавшихся самымъ непристойнѣйшимъ сумазбродствамъ; лѣнивцовъ утучняющихъ себя останками отъ жертвъ; неистовыхъ тиранновъ готовыхъ всегда поднимать мстительный благочестія мечь на головы тѣхъ, въ которыхъ ихъ мнѣнія и ученія не могли никакого для нихъ произвести плода. Ты можешь догадаться, что я не умедлилъ свободить себя отъ толь ужасной пропасти . . . Я началъ опять владѣть моимъ имѣніемъ. Я уѣхалъ въ деревню, въ которой ѣзда на охоту была главнѣйшимъ моимъ упражненіемъ.

УЛИССЪ.

Но еще бы лучше ты здѣлалъ, естьли бы ты кровожаждущія свои склонности насыщалъ кровію непріятелей твоего отечества, нежели невинныхъ животныхъ.

Заяцъ

ЗАЯЦЪ.

О нѣтъ! Это для меня не весело. Военное искуство я никогда не почиталъ для себя забавнымъ. Я никогда не думалъ, чтобъ можно было найти тишину и спокойствіе въ шумѣ оружія; притомъ мнѣ всегда казалось, что то весьма глупое дѣло, чтобъ продавать свою жизнь за деньги, и подвергать себя всегдашней опасности лишиться оной; да и то для чего, для удовольствія требованій иногда и несправедливыхъ честолюбиваго, или для угожденія легкомыслію безчеловѣчнаго начальника. Придворная служба показалась мнѣ самою способнѣйшею къ удовольствованію моихъ желаній: я вступилъ въ оную; но нашелъ, что она гораздо хуже и самой войны. Хотя тамъ нѣтъ ни своевольства ни шума военнаго; но вмѣсто того тамъ господствуетъ подлое ласкательство, и подлѣйшая еще зависть: тамъ обитаютъ тайные ненависти, сокровеннѣйшія ухищренія и несносные клеветы. Весь тамошній народъ подобенъ Хамелеону.

Онъ

Онъ ни о чемъ больше, кромѣ себя не думаетъ, и не имѣетъ другихъ мыслей, ни другихъ разсужденій, какъ только чтобъ жертвовать всемъ своему щастію. Народъ тамъ отдался несправедливости, и обманамъ, и готовой предпріять все то, чрезъ что можетъ возвыситься, и онъ всегда непримиримымъ есть непріятелемъ внутренняго спокойствія. Я тамъ видѣлъ такую землю, въ которой права человѣчества забыты, въ которой родство и дружество ни за что почитаются; а о правахъ естественныхъ и говорить нечего. Государь есть то божество, которое одно только тамъ и обожаютъ. Онъ есть Идолъ, которому кадятъ похвалами, лжею и ласкательствомъ. Одинъ его взглядъ производитъ во всей той землѣ печаль или радость, смотря потому, какъ онъ будетъ веселъ или суровъ. Не имѣя надежды ужиться въ толь несносной службѣ нѣкогда оставилъ я все. Нѣсколько времени препроводилъ я въ скукѣ, и наконецъ принялъ намѣреніе

странствовать. Я сѣлъ на корабль, не думая ни мало, чтобъ сей путь былъ путь къ моему щастїю: но вдругъ благопоспѣшное вѣтра стремленїе выбросило корабль на сей островъ. Онъ разбился, но сколь щастливо сїе кораблекрушенїе? Цирцея насъ увидѣла; и я весьма много обязанъ ея гнѣву, который перемѣнилъ меня такъ, какъ ты теперь видишь. Она чрезъ сїе превращенїе подарила мнѣ то, чего я съ толикимъ старанїемъ но тщетно искалъ. Я теперь наслаждаюсь такимъ щастїемъ, которое мнѣ и самому до сихъ поръ было неизвѣстно.

УЛИССЪ.

Мнѣ бы казалось, что на тебя угодить не столь было трудно: и я незнаю, для чего ты описалъ чрезвычайно гнусными всѣ тѣ состоянїя, которыя ты прошелъ. Но не самъ ли ты виноватъ, что ты недоволенъ всѣми тѣми увеселенїями, которыя ты въ оныхъ находилъ, и которыми ты по крайнѣй мѣрѣ могъ пользоваться.

ЗАЯЦЪ.

Все то, что оныя состоянія мнѣ ни приносили, и что они ни приносятъ, почти ничего не стоитъ: по чему нѣтъ такого состоянія, въ которомъбы человѣкъ, считая всѣ случаи подробно, не испыталъ несравненно больше прискорбностей, нежели увеселеній. Ето не есть удовольствіе, которое иногда вкушаютъ люди; но ето есть печаль одѣтая въ его платье, которымъ она ихъ и обманываетъ.

УЛИССЪ.

А чтобы ето значило?

ЗАЯЦЪ.

То, что люди привыкши разсуждать по одной только наружности, въ снисканіи удовольствія непрестанно обманываются; что часто они тамъ его поставляютъ, гдѣ его совсѣмъ нѣтъ; что часто горькія печали надѣвъ на себя прелестной видъ удовольствія, показываютъ имъ только тѣнь онаго. Сія превосходная истинна прикрыта нѣкоторымъ подо-

біемъ, котораго значеніе тебѣ изъяснить надобно. Говорятъ, что когда Пандорина коробочка принесена была къ людямъ, то изъ нее вышло Удовольствіе съ неисчетнымъ множествомъ Бѣдствій, отъ которыхъ оно тотъ часъ удалилось. Избавившись отъ толь гнусной свиты, начало оно обходить весь свѣтъ: Куда оно ни приходило, вездѣ принимаемо было съ радостію и любовію. Его пріятности, его искреннее обхожденіе, притомъ пріятной и величественной видъ всѣхъ сердца къ нему привлекали. Оно такую заслужило отъ всѣхъ любовь, что боги сами стали въ томъ ему завидовать. Всякъ съ нимъ находясь, почти ничего не думалъ и о самомъ Юпитерѣ; тщетно онъ старался обратить на себя человѣческое вниманіе чрезъ великолѣпныя обѣщанія: настоящее Удовольствіе лучше всѣхъ обѣщаній. Люди его имѣли, и имъ наслаждались; прочее все почитали за ничто. Удовольствіе было предмѣтомъ всѣхъ человѣческихъ

ческихъ желаній. Ничего кромѣ его не искали, и ни о чемъ, кромѣ его, не старались. Но такой прелестной обаятель показался для земли не надобнымъ. Вить люди не для того на ней поселены, чтобъ смѣяться богамъ: и польза небесныхъ жителей на сіе не соглашалась. Начали думать, какъ бы его назадъ отозвать на небо. Для сего посланы были Музы, которые имѣли повелѣніе, чтобъ все испытать, чемъ бы только можно было склонить Удовольствіе оставить землю, и возвратиться на небо, какъ пристойнѣйшее для него жилище. Музы его уговаривали, и желаемое получили. Оно согласилось за ними слѣдовать, и спѣшило снять съ себя то платье, которое надобно было ему надѣвать для сожитія съ людьми. Излишно для него было стараться о томъ украшеніи, въ какомъ бы должно было ему появиться въ жилище боговъ. Оно оставило весь свой уборъ, какъ вещь для его путешествія совсѣмъ безполезную; но Печаль инако

о немъ разсуждала. Будучи она чрезъ долгое время вездѣ худо принимаема, и недовольна людскимъ обхожденїемъ, съ прискорбностїю сносила свою скуку. Нѣкогда она съ изнуреннымъ отъ воздыханїй и жалобъ сердцемъ, пришла на то мѣсто, гдѣ Музы раздѣвали Удовольствїе. Она кидала во всѣ стороны утомленной свой взоръ, и сквозь слезы, которыми наполнены были ея глаза, усмотрѣла оное платье, и поднявъ его узнала, что то было платье Удовольствїя, и тѣмъ не мало была обрадована. Коль благополучна для меня ты, о судбина, сказала она, которая привела меня на сїи мѣста? Ты подала теперь мнѣ способъ отмстить людямъ презрѣнїе, которое меня чрезъ столь долгое время оскорбляло. Сказавъ сїе, тотъ часъ одѣлась въ сїе найденное платье. Нѣкоторая до тѣхъ поръ ей неизвѣстная тишина успокоила ее сердце. Она ободрилась, и будучи надменна новымъ своимъ одѣянїемъ, осмѣлилась она показаться опять тѣмъ самымъ

глазамъ, которые съ толикимъ презрѣнїемъ на нее смотрѣли: а ея очи бывшїе прежде неизсыхаемыми источниками слезъ, имѣли на себѣ хотя притворный, но веселый видъ, какого они прежде имѣть не могли. Она подражала Удовольствїю во всемъ, и принявъ на себя его видъ, старалась уподобиться ему и въ поступкахъ: и въ такомъ приборѣ показалась она людямъ, и ей легко удалось ихъ обмануть. Всѣ они къ ней бросились, и почли ее тою, которая имъ прежде была столь прїятна. Она пользовалась ихъ ошибкою, и употребляла ее на отмщенїе за прежнее ихъ къ себѣ презрѣнїе. Ты довольно ясно видѣть можешь сокрытое отъ стихотворцовъ въ сей баснѣ нравоученїе, такъ что ты не имѣешь нужды, чтобъ я тебѣ яснѣе оное истолковалъ.

УЛИССЪ.

Безъ сомнѣнїя: я разумѣю, что оно означаетъ то, что и въ самомъ прїятнѣйшемъ человѣческомъ увеселенїи есть много смущенїй, которые рано или поздо его терзаютъ. За-

ЗАЯЦЪ.

Для чегожъ столь странно тебѣ кажется то, что я не хочу оставить своего нынѣшняго состоянїя, въ которомъ я наслаждаюсь сладчайшимъ и постояннѣйшимъ удовольствїемъ, и не хочу вступить въ такую жизнь, въ которой развѣ одну только тѣнь удовольствїя видѣть можно? Нѣтъ, нѣтъ, Улиссъ; твои совѣты неоснователъны. Поди, дѣлай, сїи предложенїя и выхваляй мнимое свое щастїе другимъ. Чтожъ до меня, то я ничего такого не желаю: поди, и помни, что мнѣ гораздо прїятнѣе ѣсть обыкновенную мою траву, нежели далѣе слушать твоихъ разговоровъ.

УЛИССЪ.

Но пожалуй, другъ мой, разсмотри внимательнѣе то, что ты отвергаешь. Подумай о томъ, кто ты таковъ. Ты подлое животное, сложенїе твое столь слабо, что и самое ничто можетъ лишить тебя жизни. Боязливость въ тебѣ чрезвычайна, а понятїе твое столь тѣсно и столь

ограни-

ограничено, что едва ты понимаешь, какого ты самъ полу.

ЗАЯЦЪ.

По крайней мѣрѣ я это чувствую. Все твое старание тщетно, твои укоризны не перемѣнятъ моего намѣренія: прекрати, пожалуй, ихъ для того голоду, который меня теперь мучитъ. Пусть я, естьли тебѣ то угодно, буду боязливъ, незнающъ и слабъ; однако совсѣмъ тѣмъ лутче хочу все оное сносить, и быть Зайцемъ, нежели вторично начать мою прешедшую жизнь. Хотя я и слабаго сложенія; однако натура не оставила снабдить меня другими средствами къ моему защищенію тамъ, гдѣ мои силы слабы: а хотя и случится, что мы лишаемся жизни; однако знай, что и самыя крѣпчайшія животныя рано или поздо сей долгъ натурѣ заплатить неотмѣнно должны: да и сами вы сколь многоразличнымъ родамъ такихъ смертей подвержены, изъ которыхъ большая часть намъ неизвѣстна, и которыхъ слѣдовательно мы и не боимся

имся. Въ прочемъ пока мы живемъ, то живемъ спокойно. Боги великїе! естьли вы удостоите выслушать мои прошенїя, то явите надо мною свою милость, и сохраняйте меня чрезъ должайшее время въ семъ благополучномъ состоянїи!

УЛИССЪ.

Оставайся, ты весьма достоинъ, чтобъ боги такимъ образомъ съ тобою поступали.

РАЗГОВОРЪ IV.

УЛИССЪ, ЦИРЦЕЯ, КОЗЕЛЪ.

УЛИССЪ.

Люди не всѣ одинакаго мнѣнїя, и сто есть такая истинна, которой вся обширность до сего часа мнѣ была неизвѣстна. И не прежде какъ уже поговоривши съ симъ Зайцемъ, котораго я теперь оставилъ, или лучше сказать, съ симъ Грекомъ, котораго ты въ Зайца претворила, увѣренъ я сталъ, что нѣтъ ничего на свѣтѣ, что бы

меньше походило на человѣка, какъ человѣкъ самъ.

ЦИРЦЕЯ.

Какъ! не ужели Заяцъ согласился здѣлаться опять человѣкомъ?

УЛИССЪ.

О никакъ! онъ весьма отъ сего удаленъ, онъ не иное что говорилъ, какъ тоже, что и прежнїе: у него на умѣ со всѣмъ иное. Онъ упрямѣе самаго дьявола. При отвращенїи, какое онъ оказалъ отъ моихъ предложенїй, едва еще онъ склонился со мною и поговорить.

ЦИРЦЕЯ

И такъ, любезный Улиссъ, ты видишь наконецъ, сколь тщетно твое объ нихъ сострадание; ты сожалѣешь о сихъ людяхъ, ты жалуешься и на меня: но худо ли я съ ними поступила! Развѣ я ихъ унизила? Но ты видишь, что они весьма бы были недовольны, есть ли бы я такими ихъ не здѣлала.

УЛИССЪ.

Да! мнѣ ихъ состоянїе весьма жалко, я и теперь объ нихъ сожалѣю: между

между всѣми сумазбродствами, какія я слышалъ отъ сего глупца, я не нашелъ ничего такого, что бы могло перемѣнить мои мысли. Я въ немъ ничего больше не усмотрѣлъ какъ боязливую и подлую душу, и весьма слабую для сопротивленія и самому малѣйшему нещастію. Етотъ человѣкъ никогда не былъ собою доволенъ, не большежъ и другими. Онъ весьма достоинъ того подлаго рабства, въ которое вы его ввергли; ибо онъ весьма мало чувствителенъ ко всѣмъ выгодамъ благороднаго человѣческаго состоянія. Возможно ли Цирцея, возможно ли быть столько ослѣпленну, чтобъ не предпочесть ту возможность, какую человѣкъ имѣетъ, быть полновластнымъ надъ собою господиномъ, невольничеству Ибо по моему мнѣнію такъ надобно называть состояніе животныхъ. Они во всемъ подвластны и порабощены слѣпому побужденію.

ЦИРЦЕЯ.

То есть, побужденію данному имъ

отъ натуры, которое вы слѣпымъ называете, и которое несравненно надежнѣе, нежели господствующій надъ вами разумъ, строгимъ понужденіямъ котораго вы не можете не повиноваться? Сіе ихъ побужденіе ограничено. Оно ихъ водитъ по весьма тѣсной окружности желаній, которые ни до чего инаго, какъ только до продолженія ихъ жизни и до размноженія ихъ рода, не простираются. А вашъ разумъ не знаетъ никакихъ предѣловъ: онъ не наблюдаетъ никакой мѣры при вліяніи въ васъ желаній, потому и ваши нещастія суть безпредѣльны.

УЛИССЪ.

И вы Цирцея?

ЦИРЦЕЯ.

А что я, мой другъ?

УЛИССЪ.

И вы противъ меня вооружаетесь: вы защищаете сторону животныхъ: вы думаете, что ихъ состояніе лучше нашего! Я весьма удивляюсь, что вы имѣя такіе мысли, по сіе время не здѣлали надъ собою подобнаго превращенія.

Цирцея

ЦИРЦЕЯ.

Слѣдовательно, я не въ правду такъ худо разсуждаю, когда сего превращенія съ собою не дѣлаю. Я еще и о томъ сомнѣваюсь, найдете ли вы довольное число и изъ земляковъ своихъ, которые бы о сей матеріи такъ же, какъ и я разсуждать стали. Извольте продолжать прежнее свое предпріятіе, и повидайтеся еще съ другими.

УЛИССЪ.

Изрядно! для моей чести ето весьма надобно; ибо стыдно бы было не получить успѣха въ такомъ дѣлѣ, каково сіе.

ЦИРЦЕЯ.

Такъ подитежъ поскоряе на встрѣчу сему Козлу, котораго вы видите ходящаго въ сей долинѣ: есть ли я не обманываюсь, то мнѣ кажется, что онъ Грекъ.

УЛИССЪ.

И такъ, прекрасная Цирцея, вы соглашаетесь, чтобъ я васъ на нѣсколько времени оставилъ. Хорошо, посмотримъ

смотримъ; вонъ онъ остановился. Онъ тамъ кушаетъ очень спокойно. Ей слушай дорогой мой Козелъ, правду ли про тебя говорятъ, что ты Грекъ?

КОЗЕЛЪ.

Конечно правда. Я былъ Грекъ, когда я былъ человѣкомъ. Меня звали Клеоменомъ Коринѳскимъ: но теперь по милости великой Цирцеи я уже не Грекъ, и быть онымъ не хочу.

УЛИССЪ.

Какъ! развѣ тебѣ стыдно, что происходишь изъ такого отечества?

КОЗЕЛЪ.

О! нѣтъ. Мое отечество не такъ подло, чтобъ мнѣ должно было для него стыдиться.

УЛИССЪ.

Такъ чтоже слова твои значатъ?

КОЗЕЛЪ.

Они значатъ то, что я весьма щастливымъ себя почитаю, что я больше уже не человѣкъ; и что я въ семъ состоянїи живу такъ хорошо, что я бы весьма печалился, естьли бы мнѣ надобно было опять стать человѣкомъ.

Улиссъ

УЛИССЪ.

Какъ! а я то самое тебѣ и предложить хотѣлъ. Я намѣренъ былъ съ тобою поговорить о Грецїи и о средствахъ въ нее возвратиться, и я думалъ тебѣ тѣмъ услужить.

КОЗЕЛЪ.

Я покорно благодарствую. Я знаю, что Грецїя тебѣ нравится; но меня она уже больше не прельщаетъ, я ее почитаю за ничто съ самаго того времени, какъ я испыталъ сїю щастливую перемѣну. Я дѣйствительно ничего объ ней не думаю, равно какъ и о томъ, чемъ я былъ прежде.

УЛИССЪ.

Слѣдовательно ты долженъ имѣть основательныя причины, для которыхъ такъ мнѣ отказываешь. Не возможно, чтобъ ты позабылъ, что такое есть быть человѣкомъ: да и знаешь ли полно ты, что говоришь? Вить ты отказываешься пользоваться всѣми правами, какїя натура дала сему прекраснѣйшему изъ своихъ созданїй; и принять на себя видъ самаго благороднѣйшаго изъ всѣхъ существъ.

КОЗЕЛЪ.

Говори, что изволишь.

УЛИССЪ.

Человѣкъ есть созданїе весьма щастливое, весьма. . . . .

КОЗЕЛЪ.

Весьма щастливое! и ты говоришь сїе о человѣкѣ? Но возможно ли, чтобъ ты самъ позабылъ то, что такое есть человѣкъ, что онъ претерпѣваетъ; также и то, что онъ подверженъ непрестаннымъ бѣдствїямъ. Человѣкъ благополученъ? Ахъ! или ты самъ сего не разумѣешь, или меня хочешь обмануть. Совмѣстно ли это, чтобъ имѣть разумъ и быть щастливымъ. Блаженство не для васъ на земли обитаетъ, одни только мы онымъ наслаждаемся. Вы имѣете такой разумъ, которой не удовольствовавшись поражать васъ часто большими, такъ сказать, ударами нещастїй, онъ еще и самые прїятнѣйшїе вашей жизни минуты наполняетъ скучными и почти несносными заботами и размышленїями. Что же касается до

насъ

насЪ; то мы ни одного мгновенія нашей жизни не занимаемЪ никакими подобными вашимЪ попеченіями. Мы наслаждаемся полнымЪ и совершеннымЪ удовольствіемЪ вЪ то самое время, вЪ которое вы снѣдаемы бываете всегдашними печальми и суетами. ПритомЪ сколько разЪ видалЪ я между вами такихЪ, которые сами желали быть хотя какими нибудь животными, только чтобЪ не быть людьми? Столь то плачевенЪ есть жребій быть человѣкомЪ!

УЛИССЪ.

Но гдѣ ты находишь столько суетЪ и печалей?

КОЗЕЛЪ.

Гдѣ я ихЪ нахожу? ВЪ каждомЪ мгновеніи вашей жизни. Єто бы было безконечно, естьли бы я сталЪ изчислять всѣ тѣ случаи, вЪ которые вы ихЪ ощущаете. Ваши безпредѣльныя желанія суть ваши мучители: и когда они бываютЪ удовольствованы, то вступаютЪ на ихЪ мѣста другія безпокойства васЪ оскорбляющія, а

именно

именно; опасности, подозрѣнія, установленія, которыми вы обременены и связаны; и начальники, которыхъ воля, иногда для васъ и пагубная, должна быть вашимъ святѣйшимъ закономъ.

УЛИССЪ.

Ты говоришь весьма о многомъ.

КОЗЕЛЪ.

Однако я еще не все то изчисляю, что вы претерпѣваете: ибо мнѣ бы недостало на то и времени. Я недавно ѣлъ, я чувствую, что сонъ меня отягощаетъ, и я не премину въ скоромъ времени себя въ томъ удовольствовать: и такъ мнѣ много говорить съ тобою нѣкогда. Довольно и того съ тебя, естьли скажу, что большая часть вашихъ нещастій раждается отъ вашихъ имѣній, которыми вы владѣете, или котораго у васъ недостаетъ. Хотя бы сіи слова, МОЕ и ТВОЕ, которыя возъимѣвши свое начало отъ начала человѣческихъ общежительствъ, встревожили все спокойствіе оныхъ, и ничего другаго не производили въ лю-

дяхъ, кромѣ той безчестной и подлой страсти, которая ихъ сребролюбивыми дѣлаетъ; то бы мы и тогда имѣли довольную причину радоваться, что мы не знаемъ той собственности, которая всѣхъ прочихъ отъ владѣнія какой нибудь вещи исключаетъ, и которая дѣлаетъ людей столь ненасытными. Сребролюбивый мнѣ представляется такимъ чудовищемъ, на котораго ваши законы, къ маловажнымъ только вещамъ простирающїися, всю бы свою строгость обратить долженствовали. Такой человѣкъ есть непріятель всему роду человѣческому, ему ничто другое нечувствительно, какъ утрата его денегъ. Онъ не можетъ быть ни другомъ, ни сродникомъ, ни отцемъ ни гражданиномъ. Смерть его сына для него не иное что есть, какъ средство къ уменьшенїю его росходовъ: въ потерянїи родственника онъ ни на что больше не смотритъ, какъ на наслѣдство имѣющее умножить его богатство: лишенїе жены для него есть безпрепятствѣн-

нѣйшая свободность слѣдовать пагубной своей склонности къ собиранїю сокровищъ. Когда люди, будучи тронуты притворною его бѣдностїю, стараются здѣлать ему какое нибудь вспоможенїе, то руки ихъ простертыя для его вспомоществованїя, ему кажутся руками готовящимися его окрасть. Неусыпныя о немъ попеченїя усердныхъ и искреннихъ его друзей и ласковость жены у него суть не иное что, какъ подкопы изобрѣтаемые для похищенїя его сокровищъ. Все то, что не въ его сундукѣ, его мучитъ и терзаетъ. Богатство есть такое для него божество, которому и храмомъ и жертвою есть его сердце. Онъ имѣетъ много, и не имѣетъ ничего; ибо ничемъ не пользуется. Деньги не могутъ быть верьховнымъ добромъ, но они суть только средство приближающее насъ къ оному; а для сребролюбиваго золото, которымъ онъ владѣетъ, есть средство удаляющее отъ онаго. Онъ при неисчетномъ богатствѣ убогъ. Онъ бы желалъ не имѣть ни-

 какихъ

какихъ нуждъ: но будучи не въ состоянiи уничтожить своихъ естественныхъ требованiй вовсе, по крайнѣй мѣрѣ ихъ не исполняетъ, или старается ихъ удерживать столько, сколько можетъ. Онъ никогда не доволенъ, и никогда не сытъ; желанiе умножать свое богатство есть такой червь, которой непрестанно грызетъ его внутренность. Будучи не способнымъ зжалиться надъ состоянiемъ нещастнаго друга, никогда онъ не ощущаетъ въ себѣ благороднаго побужденiя къ его вспомоществованiю, въ случаѣ и самой несноснѣйшей его бѣдности. Нѣтъ! его сердце не дозволяетъ ему быть столь благополучнымъ.

УЛИССЪ.

Хотя и всѣ законы въ покоѣ сребролюбцовъ оставляютъ, и хотя они не подвергаютъ ихъ никакому наказанiю, но мнѣ кажется, что не простилъ бы имъ по крайнѣй мѣрѣ ты. Изъ твоихъ словъ легко догадаться можно, что ты ихъ не очень любилъ, когда ты былъ человѣкомъ.

КОЗЕЛЪ.

Напротивъ, я еще и больше здѣлалъ. Я самъ умножалъ ихъ число. Надобно быть самому подвержену сей жестокой страсти, чтобъ знать всѣ тѣ бѣдствія и печали, какія она чувствовать заставляетъ. Я былъ скупъ до излишества; но столько же былъ и нещастливъ. Говорятъ, что сребролюбивый по крайней мѣрѣ смотря на свое золото ощущаетъ великое удовольствіе: но я тебя увѣряю, что опасность его лишиться, и желаніе его умножить, весьма сильно оному противятся. Его запертой сундукъ есть тожа, что и Пандорина коробка: ибо и изъ него за однимъ удовольствіемъ выходятъ тысяча печалей.

УЛИССЪ.

По етому ты никогда не согласишся, чтобъ сребролюбивой могъ когда нибудь быть хотя нѣсколько благополученъ, сколько бы онъ богатъ ни былъ.

КОЗЕЛЪ.

Конечно нѣтъ! Ибо что пользы такому человѣку быть богатымъ? Что пользы изъ того и другимъ, что онъ богатъ?

УЛИССЪ.

Но можетъ быть не опасность быть опять подвержену сей пагубной жадности къ богатству препятствуетъ тебѣ слѣдовать моему предложенію, *чтобъ принять на себя* прежній свой видъ. Ибо когда уже ты знаешь всѣ тѣ пропасти, въ которые она людей ввергаетъ, то отъ тебя будетъ зависѣть убѣгать отъ оныхъ.

КОЗЕЛЪ.

Отъ меня будетъ зависѣть? не очень! Есть ли я пріиму прежній свой человѣческой видъ, то я опять буду богатъ, и опять буду сребролюбивъ. Я это совершенно знаю, хотя я теперь и ясно вижу, сколь несносно и сколь бѣдственно есть быть сребролюбивымъ: но сіе все будетъ безполезно.

но. Это есть страсть самая слѣпая, и самая безразсуднѣйшая, или лучше сказать, самая невольнѣйшая.

УЛИССЪ.

Однако витъ не очень много сребролюбивыхъ.

КОЗЕЛЪ.

Такихъ, которые и для себя ничего не тратятъ, и которые столь же воздержны какъ и тѣ, о которыхъ я говорилъ; *то правда*, что ихъ мало: но *тѣхъ полускупыхъ*, которые для себя излишно щедры, а весьма скупы для другихъ, то повѣрь мнѣ мой другъ, весьма мало найдется такихъ людей, которые бы не были въ томъ виноваты. Чтожъ касается до насъ, которые всѣ равное участїе имѣемъ въ благодѣянїяхъ натуры, которые не имѣемъ ничего кому нибудь изъ насъ принадлежащаго, что бы не было общее всѣмъ; то наше состоянїе столь щастливо, что наши сердца отнюдъ не заражаются сею безчестною болѣзнїю. Мы не имѣемъ причины упрекать себя, чтобъ мы когда

нибудь отвратили свои очи отъ нищаго, котораго бы самая малѣйшая часть непрестанно нами умножаемаго имѣнія могла избавить отъ необходимости умереть съ голоду: и сего одного довольно бы было къ удержанію меня отъ принятія человѣческаго вида. Но хотя бы я и съ меньшею строгостію разсуждалъ о сребролюбіи, которымъ я человѣческой родъ укоряю, однако я гнушаться человѣческимъ состояніемъ и другія причины имѣю, которыя меня всегда будутъ утверждать въ желаніи быть тѣмъ, что я есмь.

УЛИССЪ.

Другіе причины? ахъ! но какія они?

КОЗЕЛЪ.

Одна изъ нихъ есть та, что я будучи козломъ, могу, какъ мнѣ кажется, больше вкушать удовольствія въ любви. Я не нахожу себя обязаннымъ дѣлать насиліе своимъ склонностямъ, и ничто меня не принуждаетъ устремлять ихъ къ одному только

ко предмѣту. Я люблю до тѣхъ поръ, пока мнѣ хочется: въ семъ случаѣ я не имѣю другаго закона, кромѣ моихъ желанїй и моихъ силъ. Естьли любовь одного предмѣта мнѣ скучна покажется, то я обращаю ее къ иному, и нахожу вездѣ полное для себя удовольствїе, не находя ни гдѣ ни неудачи ни супротивленїя. Но вы женитесь на одной, и жена ваша чрезъ сїе получаетъ надъ вами право, которое отнимаетъ у васъ всю вольность дѣлить свое сердце съ другими. Иную любить, у васъ почитается уже за преступленїе. Ваше сердце продано, ваши склонности не въ вашей уже власти, и вы не-можете дозволить имъ клониться къ другому предмѣту, не здѣлавшись преступниками: и самыя ваши помышленїя становятся чрезъ то беззаконными. Не есть лието дѣлать свое бытїе самому себѣ тягостнымъ? Вы работаете одному предмѣту, и ваше сердце не вкушаетъ той благородной вольности, какою мое наслаждается. Я живу для

всего женскаго пола моего рода: всѣми, сколько ихъ ни есть, я могу пользоваться для моего увеселенiя. Но вы всѣми своими попеченiями, и самою жизнiю должны жертвовать своей женѣ, которую сами себѣ берете. Строгость законовъ, укоризна, и самыхъ законовъ ужаснѣйшая, помрачаютъ вашу славу, какъ скоро вы здѣлаетесь невѣрными: а хотя вы и избѣгнете ихъ жестокости, то неудовольствiя и домашнiя нестроенiя довольно васъ за то накажутъ. Стыдъ васъ удерживающiй, и ревнивость къ непрестанному вашему мученiю надъ вами господствующая сутъ всегдашнимъ источникомъ такихъ безпокойствъ, которые намъ совсѣмъ неизвѣстны; а всего сего одинъ вашъ разумъ есть началомъ и причиною. А что мы ничего такого не знаемъ, тѣмъ мы одолжены нашему щастiю.

УЛИССЪ.

Конечно ты былъ женатъ?

КОЗЕЛЪ.

Увы! ты отгадалъ, другъ мой. *Для*

сего то я больше и не хочу съ тобою возвратиться: ибо можетъ быть я бы нашелъ мою жену, можетъ быть она еще жива; а я весьма радъ былъ, что отъ нее удалился, и благодарю моему превращенїю. Я оставилъ сїю Фурїю, я оставилъ все: я послѣдую единственно натурѣ Она никогда не возбуждаетъ во мнѣ такихъ склонностей, которымъ бы я послѣдовать не могъ: а вамъ почти все запрещено законами. Ничто не ограничиваетъ моей любви: естьли одна изъ моихъ женъ, которую я люблю, не можетъ, или не хочетъ удовольствовать моихъ желанїй, то я тотчасъ ее позабываю въ забавахъ съ другою: и страсть моя, будучи такимъ образомъ удовольствована, не дѣлаетъ мнѣ никакихъ скучныхъ напоминанїй о первой. Всегда и вездѣ для меня тоже удовольствїе, тоже увеселенїе, и таже жена. Ахъ! это было бы весьма несносно, чтобъ......

УЛИССЪ.

Но я не знаю, для чегобы женѣ, которая по нраву выбирается, не быть любви достойною?

КОЗЕЛЪ.

Ахъ, любезный другъ! всегда ли вы имѣете полную власть ихъ выбирать!

УЛИССЪ.

Кто же оную имѣетъ?

КОЗЕЛЪ.

Кто?... случай, интересъ, благопристойность, обстоятельства, нетерпѣливость: но что я говорю? тысяча и другихъ причинъ. И хотя жениху достанется и прекрасная, разумная и любви достойная невѣста, но всегда ли она будетъ такова? На долго ли сіи пріятности? И всегда ли она столько же прелестна? Нѣтъ, нѣтъ, ты и самъ сіе довольно знаешь, естьли ты женатъ. Цвѣтъ красоты, и пріятность сей новой любви скоро исчезаетъ такъ, что естьли день или два съ нею препроводишь, то уже любовныя удовольствія весьма много умалятся, а наконецъ и совсѣмъ пропадаютъ. Любовь улѣтаетъ, а скука и принужденіе вступаютъ на ее мѣсто. Ничего тогда больше не остается, какъ должность, какую мужъ въ

разсуж-

разсужденіи жены наблюдать обязанъ, и которая часто бываетъ скучна. Часто наилюбезнѣйшая персона дѣлается несносною, когда она въ сожитіи съ своимъ мужемъ, окажетъ внутреннее свое безобразіе: но вамъ, плѣнившимся единожды ея пріятностьми, не позволяется ненавидѣть ея пороковъ. Чтожъ до меня касается, то я весьма щастливъ, что неподверженъ симъ неудобствамъ, и что не ношу *на себѣ тѣхъ обязательствъ*, которые вашъ разумъ на васъ налагаетъ. Мои чувства мнѣ во всемъ предводительствуютъ, а натура управляетъ моими чувствами. Она предуготовляетъ для меня самыя совершеннѣйшія увеселенія: я ими наслаждаюсь безъ всякаго безпокойства, безъ всякихъ угрызеній совѣсти, и безъ всякой скуки. Я всегда люблю, но никогда не женюсь: мое сердце не знаетъ тѣхъ скукъ, которыя долговременная и какъ бы обветшавшая любовь съ собою приноситъ. Но человѣкъ не столь щастливъ: онъ избираетъ лю-

бовницу: онъ находитъ въ ней ласковость, пріятность, красоту: онъ надѣется быть щастливымъ, естьли остатокъ своей жизни проведетъ съ нею: онъ на ней женится. Но она, ставши уже́ женою, дѣлается суровою, досадною, недовѣрчивою, ревнивою и хлопотливою.

УЛИССЪ.

Ты повидимому хочешь, чтобъ люди не женились: но откуду бы они дѣтей имѣли?

КОЗЕЛЪ.

О! объ етомъ нѣчего сомнѣваться: они бы ихъ имѣли еще больше, хотя бы и ни одного брачнаго союза между людьми не было.

УЛИССЪ.

Но къ кому бы они принадлежали?

КОЗЕЛЪ,

Каждой своей матери.

УЛИССЪ.

Какимъ же бы образомъ они могли познавать своихъ родителей?

КОЗЕЛЪ.

А кто тебѣ сказалъ, что необходимо надобно каждому знать своего отца? Такому младенцу все общество было бы вмѣсто отца, и его воспитанїе чрезъ то не здѣлалось бы хуждшимъ: но сему у васъ быть совсѣмъ не возможно. Тѣмъ то родъ вашъ и нещастливъ, что онъ не можетъ безъ того избѣжать зла, чтобъ не впасть въ другое. Вы желая предупредить безпорядки, раздоры, ненависти и кровопролитїя, имѣвшїя произойти отъ вашей неограниченной въ случаѣ общеженства жадности, и обезобразить и послѣднюю красоту вашего состоянїя, не могли безъ того обойтись, чтобъ не учредить между собою брачныхъ союзовъ: но сколь печальны для большей части изъ васъ слѣдствїя, и сего вашего учрежденїя! Не упоминая о неудобствахъ въ сожитїи съ женою случающихся, которыя вы, вступая въ супружество, чрезъ всю вашу жизнь сносить должны, когда только представлю себѣ всѣ тѣ попеченїя

печенія, какія должно имѣть о младенцѣ, печали, какія онъ причиняетъ, заботы, которыя надобно сносить для пріисканія ему честнаго пропитанія; то тотчасъ коль вижу, неисчерпаемъ есть для васъ источникъ печалей, имѣть дѣтей! Какой для васъ ударъ, когда сего сына, котораго добрыя склонности и щастливыя дарованія и любовь къ вамъ обѣщали вамъ все то, чего вы отъ него надѣяться могли: когда сего, говорю, столь любви достойнаго сына алчная смерть исхититъ изъ нѣжныхъ вашихъ объятій! Коликою горестью наполняется тогда вся ваша жизнь! Сколько терзается отецъ, оставляющій многочисленную фамилію при своей смерти, которая похитивъ его, всѣ упованія его фамиліи дѣлаетъ тщетными. Сколь страшна и сколь поразительна для него сія минута!

УЛИССЪ.

Ето правда, что то должно быть чувствительно родительскому сердцу, чтобъ оставить дѣтей, которымъ онъ

былъ

былЪ единственною подпорою, которыхЪ его попеченія могли бы здѣлать благополучными, и которыхЪ смерть его имѣетъ привести вЪ самое печальнѣйшее состояніе.

КОЗЕЛЪ.

Но мы не знаемЪ толь прискорбныхЪ заботЪ: мы ничего столь печальнаго не находимЪ вЪ нашей смерти разлучающей насЪ отЪ прочихЪ животныхЪ. И какЪ мы ни о чемЪ не сожалѣемЪ, то мы безЪ печали разрываемЪ тѣ узлы, которые насЪ сЪ прочими животными связываютЪ. Мы безЪ труда оставляемЪ свой образЪ для принятія новаго бытія. Мы возвращаемся вЪ нѣдра натуры, не чувствуя никакого зла, равно какЪ и тогда, когда изЪ оныхЪ выходимЪ. Мы не имѣемЪ того нещастія, чтобЪ, какЪ я уже тебѣ сказалЪ, вЪ часЪ нашей смерти, мучить себя угрызеніями совѣсти, и трепетать отЪ ужасныхЪ мечтаній. Мы не умѣемЪ стращать себя збродными и печальными вообра-

воображеніями. Мы умираемъ такъ, какъ вы спите. Ахъ сколь жестоко сей страхъ смерти меня мучилъ тогда, когда я былъ человѣкомъ! Ето весьма плачевное для меня было представленіе. Хотя она почти всегда сокрыта въ весьма глубокомъ невѣденіи, какъ бы въ нѣкоторомъ густомъ облакѣ, но размышленіемъ и сей облакъ такъ разгоняется, что она васъ тотчасъ устрашаетъ. Симъ страхомъ *наполнена вся ваша жизнь*; и надобно признаться, что вашъ разумъ есть весьма пагубное дарованіе: и мнѣ кажется, что вы онымъ одарены не для инаго чего, какъ для собственнаго вашего мученія.

УЛИССЪ.

Однако мы ему одолжены такими выгодами, какихъ вы не имѣете, напримѣръ дружествомъ, котораго началомъ есть онъ. Такое единодушіе, такое сходство склонностей, разсужденій, желаній, такое пріятное единомысліе обитаетъ ли когда нибудь въ вашихъ сердцахъ. Нѣтъ! между вами нѣтъ друзей.

Козелъ

КОЗЕЛЪ.

Друзей? но много ли и между вами такихъ друзей, которыхъ бы вѣрность могла насъ заставить сожалѣть о томъ, что между нами ихъ нѣтъ: Ты не имѣешь причины столь много хвастать дружествомъ, ни столь благородно объ немъ думать. Одна общая польза и насъ въ одно мѣсто собираетъ, и васъ соединяетъ. Однако я признаюсь, что весьма пріятно имѣть въ другѣ повѣреннаго своихъ печалей и заботъ, утѣшителя принимающаго участіе во всѣхъ нещастіяхъ, надежную подпору въ бѣдности, совѣтника въ сомнительныхъ случаяхъ; однимъ словомъ, такого человѣка, съ которымъ бы ты могъ раздѣлить свою скуку, причиняемую тебѣ отъ самаго твоего въ натурѣ бытія, но не лучше ли бы было не имѣть никогда печалей, не быть подвержену нещастіямъ, не имѣть никогда нужды въ совѣтахъ, и не скучать своею жизнію? Смотри, какъ живу я: смотри, какъ и всѣ мы животные

вотные живемъ; а притомъ развѣ любовь не довольно награждаетъ сей нашъ недостатокъ? Любовь, душа всей природы: сей огонь все оживляющїй развѣ не можетъ столько усладить нашихъ сердецъ, чтобъ мы не сожалѣли, что мы не знаемъ дружества.

УЛИССЪ.

Куда какая прелестная любовь! но гдѣ въ ней нѣжность?

КОЗЕЛЪ

О! нѣжность! Поди, поди и съ нею. Нѣжность состоитъ въ самомъ любовномъ дѣйствїи, прочее все излишно: повѣрь мнѣ, что самое превосходнѣйшее дарованїе натуры есть способность вкушать, и наслаждаться любовїю. Сїе побѣдоносное чувствованїе, источникъ неисчерпаемый сладчайшихъ увеселенїй, всегда въ моемъ сердцѣ обитаетъ. Оно обладаетъ моими чувствами, а прїятныя его дѣйствїя, здѣлавъ удовольствїе моимъ желанїямъ, возжигаютъ оныя паки для новыхъ прїятностей, такъ что все время моего бытїя есть не иное что, какъ

какъ непрерывное теченїе самыхъ прелестнѣйшихъ утѣхъ. Ахъ любезный Улиссъ! ты свидѣтель всего моего благополучїя, ты свидѣтель моей любви, и всѣхъ моихъ забавъ: для чего ты самъ тогоже не желаешь? Ты видишь, какъ природа прїуготовляетъ меня къ увеселенїямъ. Она для услажденїя моего сердца предпринимаетъ разные способы, но всегда оставляетъ его съ удовольствїемъ. Ты видѣлъ съ коликою прїятностїю утолялъ я свой голодъ, теперь вступлю въ любовныя забавы; а послѣ отъ сихъ прелестныхъ прохладъ пойду къ другимъ, а именно, буду наслаждаться самымъ прїятнѣйшимъ сномъ, и въ объятїяхъ сладчайшаго покоя буду ожидать того, какъ слѣдующїй день предложитъ мнѣ новый кругъ, по которому текутъ мои столь прїятныя упражненїя. Прощай!

УЛИССЪ,

Ахъ мой бѣдной землякъ, ты весьма заблуждаешь! Но вотъ онъ уже

далеко

далеко: онъ уже моихъ словъ не разумѣетъ! Но пусть онъ идетъ. Я не совсѣмъ сожалѣю, что я не могъ его склонить на свои мнѣнія. Ибо, естьли бы онъ согласился за мною слѣдовать, то онъ бы наложилъ на *меня* трудъ помирить его съ его женою: а ето вить не легко! Я радъ, что онъ здѣсь остался. Я пойду теперь къ Цирцеѣ: но ето бы было безполезно, естьли бы я сталъ съ нею говорить о Козлѣ: и о его *упорствѣ*, *съ какимъ* онъ захотѣлъ *остаться* въ нынѣшнемъ своемъ состоянїи; потому что мнѣ кажется, что она весьма мало беретъ участїя въ неудачѣ моего *предпрїятїя*, такъ что можно напротивъ того подумать, что она бы была не довольна, естьли бы я желаемое получилъ. Но не ужели и она тогоже мнѣнія, что лучше быть какимъ нибудь животнымъ нежели человѣкомъ. . . . Ахъ! какое животное я здѣсь вижу. Ето слонъ? Да, ето онъ: но Грекъ ли онъ былъ? Я увижу: и естьли онъ изъ числа тѣхъ, которыхъ Цирцея на-

казала

казала симъ превращенїемъ, то онъ будетъ мнѣ отвѣтствовать: я отвѣдаю съ нимъ поговорить.

РАЗГОВОРЪ V.

УЛИССЪ И СЛОНЪ.

УЛИССЪ.

Эй Слонъ! Не изъ числа ли, ты можетъ быть тѣхъ людей, которые Цирцеею превращены въ звѣрей?

СЛОНЪ.

Ты отгадалъ: я былъ человѣкомъ, прежде, нежели я сталъ Слономъ: и я былъ Грекъ.

УЛИССЪ.

Ты былъ Грекъ? ахъ, какъ я етому радъ?

СЛОНЪ.

Я родился въ Аѳинахъ; да и ты, какъ изъ твоего разговора видно, также Грекъ.

УЛИССЪ.

Такъ подлинно. Я Улиссъ. Сїе имя безъ сомнѣнїя тебѣ не совсѣмъ неизвѣстно.

СЛОНЪ.

Весьма извѣстно. Я много слыхалъ объ тебѣ и о твоихъ кровожаждущихъ склонностяхъ, которымъ однако, какъ то и обыкновенно бываетъ, люди не стыдятся приписывать почтеннаго наименованія храбрости; будто бы то и добродѣтель была, чтобъ всю остроту своего разума и все знаніе употреблять на причиненіе нещастій человѣческому роду. Я не однократно съ крайнимъ негодованіемъ слышалъ похвалы приписываемые коварнымъ твоимъ поступкамъ.

УЛИССЪ.

Конечно ты былъ философъ.

СЛОНЪ.

А! ты о семъ догадываешься изъ моего отвращенія отъ несправедливости? Ты очень хорошо угадываешь. Это правда: я былъ Философъ, и меня звали Аглафемомъ.

УЛИССЪ.

Аглафемомъ? О какъ я щастливъ, что тебя увидѣлъ! Небо наконецъ, какъ кажется, услышало мою прозбу,

и Цирцея не будетъ имѣть удовольствія, видѣть всѣ мною предпріемлемыя покушенія тщетными?

СЛОНЪ.

Что ты говоришь о себѣ и о Цирцеѣ, какое я могу имѣть съ ними дѣло, будучи столь въ блаженномъ состояніи, въ какомъ нынѣ нахожусь?

УЛИССЪ.

Больше никакого, какъ только то, что ты можешь свое состояніе перемѣнить. Цирцея, которая тебя въ сей образъ превратила, обѣщала мнѣ здѣлать тебя опять человѣкомъ, естьли только ты согласишься.

СЛОНЪ.

Здѣлать меня опять человѣкомъ? Ахъ пожалуй сего не дѣлай! Ибо всѣ тѣ, которые имѣли щастіе здѣлаться изъ человѣковъ слонами, иначе и не воспоминаютъ о человѣкѣ, какъ развѣ съ омерзѣніемъ къ той жизни, какую онъ препровождать долженъ.

УЛИССЪ.

Какъ! Ето ты такъ говоришь Агалафемъ?

СЛОНЪ.

Но что тебѣ въ томъ удивительно кажется? Философія есть исканіе щастія; а я оное нашелъ, для чего же ты хочешь, чтобъ я его перемѣнилъ? Я теперь наслаждаюсь такимъ удовольствіемъ, которое всегда отъ меня убѣгало, пока я нибылъ человѣкомъ. Нынѣ я свободенъ отъ всѣхъ безпокойствъ, которыя тогда меня обременяли, и я не прежде, какъ уже по моемъ превращеніи, началъ вкушать удовольствіе отъ моего бытія: а ты хочешь, чтобъ я его лишился; ты требуешь, чтобъ я, дабы здѣлать тебѣ угожденіе, и попустить отвести себя въ Грецію, принялъ опять оковы человѣческаго естества? Нѣтъ Улиссъ, не ожидай отъ меня сего. Радость, которую я ощущаю, разорвавъ ихъ, не столь мала, чтобъ ты могъ ласкать себя надеждою въ другой разъ отвести меня въ ей плѣнъ.

УЛИССЪ.

Истинно, я никогда того не ожидалъ, чтобъ ты, которой имѣешь весьма просвѣщенной разумъ, могъ его презирать, даже до того, что не хочешь опять онымъ пользоваться.

СЛОНЪ.

А разумъ! для того то точно я щасливымъ себя и почитаю, лишившись онаго, что онъ и все, что съ нимъ соединено, мнѣ довольно извѣстно. Безъ него человѣкъ жилъ бы такъ, какъ и мы; онъ бы былъ щасливъ, есть ли бы имъ управляло одно только побужденіе, которымъ мы отъ природы снабдѣны.

УЛИССЪ.

Но мнѣ кажется, что человѣкъ ничего чрезъ то не теряетъ, когда онъ имѣетъ благороднѣйшаго предводителя. Ибо владычествуетъ въ немъ существо совсѣмъ инаго рода. Оно есть душа несравненно превосходнѣйшая вашей, которая управляетъ всѣ его дѣйствія; она есть существо, которое никакого вещества въ себѣ не имѣетъ.

СЛОНЪ.

Хотя ты сего доказать еще и неможешь, и хотя между вами же были такіе, которые думали, что нѣсколько нѣжнѣйшихъ орудій, нѣсколько сильнѣйшихъ чувствованій, нѣкоторая отмѣна можетъ быть и во внутреннемъ составѣ, или еще одно частѣйшее употребленіе чувствъ составляютъ все то различіе, которое полагать надобно между столь благородною человѣческою душею и тѣмъ существомъ, которое насъ животворитъ, и которое, по твоему мнѣнію, столь много отъ оныя различествуетъ. Но положимъ, что твоя правда: скажи же пожалуй, какую человѣку пользу приноситъ сіе превосходство его души. Я не сомнѣваюсь, чтобъ ты и самъ чрезъ тысячу печальныхъ опытовъ не дозналъ, до коликихъ золъ доводитъ васъ сіе превосходнѣйшее и невещественное ваше существо такъ, что можно сказать, что естьли и подлинно ваша душа имѣетъ какое нибудь превосходство предъ нашею,

что ему надобно состоять только въ томъ, что она дѣлаетъ васъ въ превосходнѣйшемъ степени нещастными. Весь свѣтъ служитъ сему неоспоримымъ доказательствомъ. Ибо виданы ли когда нибудь между нами столь гнусныя и безобразныя дѣла, какими почти каждаго изъ васъ вся жизнь наполнена? Признайся Улиссъ, что превосходство вашей души есть не иное что, какъ превосходство вашихъ пороковъ и слабостей; а сіе нещастіе между вами столь всеобще и столь неизбѣжно, что вамъ необходимая нужда стала въ безчисленныхъ законахъ, жестокостію присоединенныхъ къ нимъ наказаній ужасъ на васъ наводящихъ. Но ахъ и сіе лѣкарство весьма еще недовольно къ истребленію заразившей все ваше естество язвы! и гласъ законовъ весьма слабъ для удержанія необузданнаго стремительства душевныхъ вашихъ побужденій. И хотя смѣлѣйшіе изъ васъ и пренебрегаютъ всѣ здѣшніе законы, и хотя они и избѣгнутъ всѣхъ здѣсь наказаній, но правосудіе

провидѣнія не оставитъ ихъ безъ того, чтобъ недать имъ чувствовать всей тяжести своего гнѣва. Столько то жизнь человѣческая есть бѣдственна, что ему необходимо надобно или непрестанное дѣлать себѣ принужденіе въ исполненіи не того, чего онъ желаетъ, но того что ему предписываютъ законы; или подвергнуть себя строгости казней!

УЛИССЪ.

Какъ! развѣ то неправда, что есть мѣсто опредѣленное для мученія преступниковъ? Развѣ то баснь, что Миносъ и Радамантъ будутъ судить людей послѣ ихъ смерти? И будто и то выдумка, что вѣчною весною процвѣтающія Елисейскія поля ожидаютъ къ себѣ честныхъ людей для ихъ успокоенія; а тартаръ, Фуріи, Гарпіи и прочіе имъ подобные злобные духи опредѣлены на вѣчное мученіе злочестивымъ? Ахъ! ты сего самъ не понимаешь. И естьли бы сего въ самомъ дѣлѣ не было, то можно бы было людямъ безъ малѣйшаго опасенія вдаваться

ваться во всякїе пороки: и слѣдовательно свободно бы было человѣку быть злымъ.

СЛОНЪ.

Мнѣ до того нужды нѣтъ: выдумка ли то или нѣтъ, довольно съ меня и того, что я въ нынѣшнемъ состоянїи и думать о томъ не имѣю нужды; потому что между нами нѣтъ никакихъ законовъ, слѣдовательно ни беззаконїй. Но что касается до того, что людямъ безъ сихъ страховъ свободно бы было быть злыми, то осмотрись теперь, свѣтъ, бывши уже увѣренъ о своемъ будущемъ испытанїи, здѣлался ли хотя нѣсколько лучшимъ? А хотя бы онъ отъ того и исправился, то велику ли честь принесутъ человѣку добрыя его дѣла, естьли они будутъ происходить не отъ любви къ добродѣтели, не отъ добраго произволенїя, но отъ страха наказанїя? Ты будучи Царемъ, я думаю, не очень будешь жаловать того подданнаго, которой хотя и отправляетъ свою должность но изъ подъ палки.

УЛИССЪ.

Какъ бы то нибыло, только въ томъ была бы явная несправедливость, естьли бы злые оставались безъ наказанія: и какое бы ты средство употребилъ, чтобъ возбудить въ нихъ отвращеніе отъ пороковъ?

СЛОНЪ.

Какъ, какое средство! всякъ изъ нихъ оное имѣетъ. Развѣ раскаяніе и грызеніе совѣсти недовольно за то людей наказываютъ? Развѣ можно быть спокойнымъ, и хотя одно мгновеніе препроводить безъ внутренняго смущенія, или лучше сказать, безъ сердечной болѣзни такому человѣку, котораго сердце замарано преступленіями. Знай, мой другъ, что опасеніе сихъ угрызеній есть довольно сильное средство къ удержанію людей отъ пороковъ. И естьли люди преодолѣютъ и сіе препятствіе, то боги готовятъ для нихъ другія пораженія мстящія имъ за ихъ преступленія, а имянно, нещастія, бѣдности, всеобщая ненависть, худое

имя

имя суть неминуемыя слѣдствія пороковъ; и естьли не одно изъ сихъ, то по крайнѣй мѣрѣ другое его довольно накажетъ. Самолюбіе есть самая начальнѣйшая пружина всѣхъ человѣческихъ дѣйствій, и на людей всегда надобно смотрѣть, какъ на такихъ животныхъ, которые наибольше наблюдаютъ ближайшую свою пользу. Устрашать ихъ будущимъ нещастіемъ въ случаѣ заблужденія ихъ отъ добродѣтельнаго пути, есть худое средство ко внушенію въ нихъ честности и добродѣтели: ихъ грубыя чувства надобно поражать какимъ нибудь ближайшимъ предмѣтомъ: надобно въ нихъ вперять, что спокойствіе и внутренняя тишина и верховное удовольствіе есть награжденіемъ одной только добродѣтели, что злые не могутъ быть благополучными, что истинное щастіе всегда гнушается тѣми сердцами, которыми пороки обладаютъ. Я не знаю, для чего законодатели не испытали употребить сего столь удобнаго и столь надежнаго

средства для предупрежденія того зла, которое опровергаетъ всѣ законы справедливости: но мнѣ кажется, что всенародное отвращеніе, всегдашнее презрѣніе, и мечь правосудія вознесенной на пораженіе преступника способнѣе бы былъ удержать кровожаждущую руку убійцы, преодолѣть насильство разбойника, предварить ухищренія прелюбодѣя и умягчить жестокосердіе скупова и проч, нежели всѣ другіе способы. *Ужасъ безчестной казни*, оковы, ссылки и другія подобныя средства устрашаютъ людей гораздо больше, нежели ярость гремящаго Юпитера, которую они видятъ еще весьма въ великомъ отъ себя отдаленіи. Ты видишь, мой другъ, что философъ, хотя и смѣется всѣмъ симъ изобрѣтеніямъ, какими устрашаютъ людей, и пустымъ обнадеживаніямъ, какими ихъ питаютъ и ободряютъ; не отворяетъ однако же имъ дверей къ порокамъ.

УЛИССЪ.

Правду сказать, такіе Философы

весьма страннаго мнѣнія. Всѣ стараются унизить родъ человѣческой, и всѣ свои силы употребляютъ на то, чтобъ человѣка включить въ число безсловесныхъ.

СЛОНЪ.

Етобы для него не очень худо было, и онъ бы былъ щастливѣе, естьли бы и подлинно въ числѣ ихъ находился. Небольшое превосходство его орудій весьма далеко его отводитъ отъ его благополучія. Чтобъ быть человѣку благополучнымъ, то или не надобно оставлять младенческихъ пеленокъ, или умереть тотчасъ, какъ скоро изъ оныхъ выходить начнетъ. И такимъ образомъ сіе первое его нещастіе было бы для него и послѣднимъ.

УЛИССЪ.

А я думаю со всѣмъ тому противное. Разумъ, которымъ настоящимъ образомъ человѣкъ пользоваться начинаетъ въ совершеннѣйшемъ возрастѣ, есть надежнѣйшій предводитель, который можетъ его довесть до его щастія,

и онъ не для инаго чего ему данъ, какъ для его благополучїя.

СЛОНЪ.

Чтобъ разумъ доводилъ человѣка до его благополучїя? Нѣтъ со всѣмъ не то. Я нѣкогда также разсуждалъ, какъ и ты Улиссъ, и также былъ увѣренъ, что человѣкъ чемъ болѣе просвѣщаетъ свой разумъ, тѣмъ ближе подходитъ къ спокойному состоянїю. Родившись почти въ крайнѣй бѣдности принятъ я былъ вмѣсто сына моимъ дядею, которой былъ довольно богатъ. Смерть его оставила меня наслѣдникомъ половины его имѣнїя, и здѣлала полновластнымъ надъ собою господиномъ. При своей жизни онъ, какъ и всѣ дядья съ своими наслѣдниками поступаютъ, дѣлалъ мнѣ неизчетное множество принужденїй, и содержалъ меня въ крайнѣй строгости. Кончина его, о которой, можетъ быть для помянутой причины, я не весьма печалился, избавила меня отъ сихъ утѣсненїй. Я ужé не далеко тогда находился отъ того возраста, въ которомъ люди

скоро

скоро перенимаютъ всѣ добрыя или худыя поведенія тѣхъ, съ которыми они живутъ. Я бы могъ здѣлаться знаменитымъ человѣкомъ, естьли бы я видѣлъ около себя честныхъ людей: но по нещастію я окруженъ былъ самыми развращеннѣйшими. Я и самъ развратился; я раздѣлялъ, или лучше сказать, терялъ мое время съ безчестными женщинами, и въ пагубнѣйшихъ играхъ. Чрезъ долгое время я былъ жертвою глупой повѣренности, какую я имѣлъ къ моимъ предводителямъ. Я думалъ въ томъ найти истинное удовольствіе, но я ничего не нашелъ, кромѣ увеселеній съ скукою смѣшанныхъ и омерзѣніе возбуждающихъ. Печали и угрызенія, встрѣчались со мною и тамъ, гдѣ я надѣялся насладиться тѣмъ удовольствіемъ, въ которомъ все наше щастіе заключается. Такимъ образомъ я потерялъ мое здоровье, и почти все мое имѣніе Я лишился друзей, или лучше сказать, я тогда въ первой разъ узналъ, что я ихъ совсѣмъ

не имѣлъ; нѣкоторой родъ спокойствїя воспослѣдовавшїй по претерпѣнїи долговременныхъ нещастїй и безпокойной жизни, какую я до тѣхъ поръ препровождалъ, возбудилъ въ моемъ сердцѣ новыя желанїя. Я возъимѣлъ охоту къ ученїю. Я его почиталъ пристанищемъ, въ которое всякъ, чтобъ насладиться истиннымъ удовольствїемъ, кое одно только заслуживаетъ одобренїе отъ разума, вступить долженъ, и въ которомъ обитаетъ истинное удовольствїе, и думалъ что одно только оно достойно того, чтобъ разумъ въ немъ упражнялся, и я долженъ былъ тотчасъ за него приняться. Я сыскалъ всѣхъ славнѣйшихъ онаго почитателей и всѣхъ вашихъ мудрецовъ. Я съ ними познакомился, и началъ къ нимъ ходить; словомъ, я здѣлался такимъ же Философомъ какъ и они.

УЛИССЪ.

И ты скажешь, что ты отъ того не здѣлался щастливѣйшимъ? Но ето не возможно!

Слонъ.

СЛОНЪ.

Нимало. Дни, которыя я въ сихъ упражненiяхъ препровождалъ, были для меня ничемъ невеселѣе прежнихъ. Я могъ только разсуждать о щастiи, а никогда онымъ не наслаждался. Большая часть философовъ приписываютъ ему больше надлежащаго. Они даютъ щастiю вышшее жилище, нежели въ какомъ оно дѣйствительно обитаетъ. Разумъ высокопарящiй и выше земныхъ вещей возлѣтающiй не можетъ его обрѣсти, но найдетъ его тогда, когда больше себя унизитъ, и когда будетъ ползать по землѣ уподобляяся, сколько можно, намъ. Самая большая польза, какую разумъ получить можетъ отъ философiи, была бы та, естьлибъ она научила его думать о себѣ такъ, какъ бы онъ совсѣмъ не имѣлъ разума: и та бы изряднѣйшая философiя была, которая бы довольную имѣла силу склонить человѣка покорить себя, такъ какъ и мы, одному побужденiю, и всѣ свои желанiя ограничить нѣкоторыми

торыми

торыми только попеченїями о настоящемъ своемъ бытїи, и жить только для настоящаго мгновенїя, не обращая любопытныхъ и негодованїемъ наполненныхъ очей на неизвѣстность будущаго и на нещастїя прошедшаго времени. Но никакой философъ не можетъ ласкать себя надеждою достигнуть когда нибудь до сего степени благополучїя, которое никому, кромѣ насъ неизвѣстно. Разумъ, будучи всегда чрезвычайно дерзокъ, и въ нѣдрахъ самой мудрости скрываетъ нѣкоторое чувствованїе причиняющее безпокойство всякому человѣку, которой онымъ одаренъ. Чемъ болѣе онъ изощряетъ свои орудїя чрезъ размышленїя просвѣщающїя его разуъ, тѣмъ способнѣйшими дѣлаетъ сїи чувства къ ощущенїю тѣхъ дѣйствїй, какїя въ немъ производятъ предмѣты его окружающїе. А гораздо чаще случается, что онъ окруженъ бываетъ источниками печалей, нежели прїятностями увеселенїй. Тщетно Философїя возвышаетъ гордую свою голову, напра-

сно

сно хвастаетъ, яко бы она владычествуетъ надъ тѣми сердцами, которыя она просвѣщаетъ: затвердѣлые мысли и своенравіе тѣхъ людей, между которыми ученой принужденъ бываетъ жить, ихъ несправедливость, ихъ худые склонности, ихъ сумазбродства, ихъ пороки и неисчетныя другія вещи весьма великую надъ нимъ имѣютъ силу, и довольно ему причиняютъ мученія. Онъ можетъ имѣть веселой видъ, но часто его сердце согласоваться съ онымъ не будетъ. Сердце разумнаго человѣка подобно глубинѣ морской, которыя гладкая и стеклу подобная поверьхность обѣщаетъ, очамъ мореплавателя тишину скрывающую свирѣпѣйшее волненіе глубочайшей бездны! Ахъ, сколь я часто въ моей жизни показывалъ видъ, что я нахожусь въ благополучномъ состояніи, но въ самомъ дѣлѣ почти никогда онымъ не наслаждался! Но со времени моего превращенія я живу гораздо въ иномъ состояніи. Я наслаждаюсь жизнію весьма пріятною, весьма

весьма вольною, весьма спокойною, и которая мнѣ всякое приноситъ удовольствіе. Каждой день есть для меня новымъ источникомъ пріятностей и увеселеній. Я щастливъ, я доволенъ. Не ласкай себя надеждою, чтобъ я захотѣлъ когда нибудь перемѣниться. Я живу самъ для себя, а вы почти всегда живете для чего нибудь другаго.

УЛИССЪ.

Но я не могу выпти изъ удивленія. Я бы все прозакладывалъ, утверждая, что быть философомъ и щастливымъ есть между собою неразлучно: но, какъ видно, я въ великомъ находился заблужденіи.

СЛОНЪ.

Весьма въ великомъ.

УЛИССЪ.

Какъ! Человѣкъ, который знаетъ всѣ сокровеннѣйшія въ натурѣ таинства, которой измѣряетъ небеса?....

СЛОНЪ.

Ахъ, но какое сообщеніе между знаніями и щастіемъ, и какое сходство

между разумомъ и сердцемъ, кромѣ того, что одинъ другаго въ безпорядокъ приводитъ. Оное драгоцѣнное спокойствїе, которое людей щастливыми дѣлаетъ, чаще соединено бываетъ съ простотою и невѣжествомъ нежели съ мудростїю философа. Философъ есть человѣкъ, и еще больше человѣкъ, нежели кто другой; потому что онъ разумнѣе, слѣдовательно онъ долженъ быть и нещастливѣе. Лѣкарь чрезъ то, что предузнаетъ приближенїе смерти, не меньше подверженъ бываетъ и самъ оной. Можно знать всѣ приключенїя людямъ случающїяся, но нельзя преминуть, чтобъ и самому не быть подвержену онымъ: и человѣкъ хотя и смѣется сумазброднымъ поведенїямъ, которыя у глупаго народа въ употребленїи, однако принужденнымъ себя находитъ имъ повиноваться. Ахъ сколь далеко отъ правды то, чтобъ знанїя приносили щастїе!

УЛИССЪ.

Слѣдовательно ты Алгафемъ нынѣшнее

нѣшнее свое состоянїе предпочитаешь человѣческому, которое принять ни отъ кого больше какъ отъ тебя самаго не зависитъ? И ты будешь упорно стоять въ томъ, чтобъ остаться въ сей низкости?

СЛОНЪ.

Знай Улиссъ, что ничего нѣтъ низкаго во всей природѣ, что всякая вещь возвышена до такого степени, какой ей приличествуетъ, и что вообще говоря, я не хуже тебя.

УЛИССЪ.

Но философъ есть искреннѣйшїй почитатель добродѣтели: и какъ ты былъ Философомъ, то желанїе твое упражняться и нынѣ въ добродѣтели, должно тебя склонить къ принятїю моего предложенїя.

СЛОНЪ.

Большая часть изъ вашихъ добродѣтелей суть пороки. У насъ только то добродѣтелїю почитается, что основано на самой природѣ. Въ кушаньѣ, въ любовныхъ дѣлахъ, во снѣ всѣ наши добрыя дѣла заключаются.

Вашъ

Вашъ разумъ научилъ васъ приписывать сїе высокое наименованїе и другимъ безчисленнымъ дѣйствїямъ, которыя вамъ простительны бы были, естьли бы они были только смѣшныя. Напримѣръ, когда у васъ мать, чтобъ здѣлать свою дочь совершеннѣйшею дѣвицею, обучаетъ ее съ самыхъ молодыхъ лѣтъ искуснѣе уловлять своего любовника, возбуждать въ немъ склонность. Она научаетъ ее дѣлать съ большею прїятностїю угожденїя тому мущинѣ, которой съ нею соединенъ супружествомъ. Сїи же угожденїя послѣ того безъ дальныхъ околичностей могутъ дѣлаемы быть и другому. Что же касается до того, когда вы, чтобъ отмстить тому человѣку, котораго мысли по нещастїю не во всемъ съ вашими согласны, изливаете на него, такъ сказать цѣлой дождь всякаго рода нещастїй, какїя толко изобрѣсть для него можете; когда Герой для прославленїя своего имени, для удоволствованїя своей суетности, и для исполненїя своихъ пышныхъ замы-

словъ проливаетъ безъ сожалѣнія кровь тѣхъ людей, о благоденствіи которыхъ попеченіе ему препоручено: то я не могу удержаться Улиссъ, чтобъ не чувствовать крайняго омерзѣнія къ толь суровому разуму, которой доводитъ васъ до такихъ крайностей. Я съ удовольствіемъ воспоминаю то слово одного изъ вашихъ мудрецовъ, который сказалъ, что естьли бы верьховнѣйшая власть обращала свое вниманіе на ссоры начальниковъ, то она бы всѣ прекращала, наказываніемъ ихъ какъ малыхъ дѣтей.

УЛИССЪ.

Ты очень далеко заходишь, Аглафемъ: ты поставляешь добродѣтель и между животными. Я признаюсь, что до сихъ поръ я никогда не думалъ, чтобъ кто могъ быть одного съ тобою о томъ мнѣнія. Животныя добродѣтельныя! . . . .

СЛОНЪ.

Что же ты разумѣешь чрезъ добродѣтель, когда ты оной намъ приписать не хочешь? Дѣлать себѣ всевоз-

можное добро, не дѣлая нималѣйшаго зла другимъ, не есть ли самая верьховнѣйщая добродѣтель? Не значитъ ли то быть добродѣтельну, чтобъ не вредить ни себѣ ни другимъ подобнымъ себѣ? И естьли такъ, то я увѣренъ, что всякъ изъ насъ сїе дѣлаетъ.

УЛИССЪ.

Но чтобъ быть добродѣтельнымъ, то надобно имѣть къ тому произволенїе свободное: но вы имѣете ли оное другъ мой?

СЛОНЪ.

Ето правда, что человѣкъ весьма свободенъ. И я его въ семъ случаѣ могу сравнить съ гражданиномъ какой нибудь республики, которой гордясь мнимою своею вольностїю, весьма дерзновенно смѣется надъ рабствомъ тѣхъ, которые одному только Монарху подвластны, между тѣмъ какъ самъ онъ, вмѣсто одного начальника, которому оные подчинены, находится подъ игомъ двадцати тиранновъ. Такая то ваша вольность, которою вы

столь

столь много хвастаете! Человѣкъ по совершенству своихъ орудій, по превосходству и изяществу своей души въ разсужденіи нашей, имѣетъ нѣкотораго вольнаго предводителя, но въ самомъ дѣлѣ онъ никогда вольностію не пользуется. Я признаюсь, что онъ дѣйствіемъ своихъ силъ, какими одарена его душа, могъ бы противиться всему тому, что разныя безпорядочныя движенія въ немъ возбуждаетъ; но часто ему въ томъ препятствуетъ *стеченіе* обстоятельствъ весьма сильныхъ, весьма трудныхъ и непреодолимыхъ, которыя всегда ему дѣлаютъ принужденіе, и насильно къ чемунибудь *привлекаютъ*. Естьли человѣкъ ощущаетъ себя быть свободнымъ, то для чего столь часто случается, что онъ со всею своею свободою не можетъ поступать по произвольному выбору, или не имѣетъ, изъ чего и выборъ здѣлать, будучи притѣсненъ къ одной какой нибудь крайности. Спроси Ахиллеса; гнѣвъ его, доводившій его до толикихъ излишествъ, былъ ли изъ числа

такихъ

такихъ страстей и движенiй, которыя бы онъ побѣдить или укротить могъ? Вы столь мало свободны, и столь мало имѣете власти надъ своими страстями, что я объ закладъ бьюсь, что философъ знающiй исправно человѣческое сердце и обыкновенныя слѣдствiя такой и такой страсти, не можетъ съ безошибочною точностiю предсказать, что человѣкъ въ такихъ и такихъ обстоятельствахъ думать, говорить, и дѣлать будетъ: что ему никогда бы здѣлать не удалось, естьли бы человѣческiе мысли и дѣла были свободны, и *не всегда* повиновались его склонностямъ, пристрастiямъ и другимъ побужденiямъ. А хотя бы притомъ сiя вольность была и такова, каковой повидимому ей быть надлежало, то естьли бы на меня положено было попеченiе о спокойствiи человѣческомъ, я бы тогда старался внушать имъ, что они подвержены слѣпому жребiю, и суть игралищемъ судбины всегда неизвѣстной: мнѣ кажется, что я чрезъ сiе удобнѣе бы могъ здѣлать

ихъ добродѣтельными, человѣколюбивыми, великодушными и благополучными столько, сколько имъ быть такими можно. Для чего вы трогаетесь сею обидою, сказалъ бы я человѣку раздраженному какою нибудь несправедливостїю? Для чего вы столь много жалуетесь на скупаго, которой отказываетъ вамъ въ вашихъ требованїяхъ? Онъ не столько виноватъ въ приписываемомъ ему вами порокѣ, сколько вы думаете . . . . . Но онъ, скажутъ мнѣ, долженъ быть нѣсколько щедрѣе. Но можетъ ли онъ такимъ быть? Повѣрьте, что онъ къ тому имѣетъ непреодолимое препятствїе, что жадность его къ собиранїю богатства весьма сильно его отъ того удерживаетъ, и его сердце больше твердо, нежели чтобъ могло чувствовать удовольствїе происходящее отъ благодѣтельствованїя другимъ: онъ больше сожалѣнїя, нежели гнѣва вашего достоинъ. Развѣ вы хочете отучить его отъ его пристрастїй? Но вашъ трудъ былъ бы напрасенъ. Да сверьхъ того, какое право

вы имѣете сего требовать отъ него, не прїучивши прежде себя къ тому, чтобъ не почитать его поступокъ для помянутыхъ причинъ столь странными? Такимъ образомъ я могъ бы и въ самой срединѣ зла найти какїя нибудь причины для моего утѣшенїя. Я бы хотѣлъ тебѣ сообщить свои мнѣнїя о книгѣ сочиненной на сїю матерїю, но я усталъ уже говоривши. Я чувствую безпокойство и почти болѣзнь отъ того, что столь долго съ тобою разговаривалъ. Я оканчиваю мою рѣчь: ибо по безпокойствамъ, какїя отъ сихъ разсужденїй въ моей головѣ раждаться начали, мнѣ кажется, что я опять зделался философомъ. Прощай, Улиссъ, и старайся утѣшить себя отъ неудовольствїя, что ты принужденнымъ себя находишь итти отсюда безъ Алгафема.

РАЗГОВОРЪ VI.

УЛИССЪ, ЦИРЦЕЯ, ЛАНЬ.

ЦИРЦЕЯ.

Ахъ Улиссъ, это вы! какъ нетер-

пѣливо я желала васъ видѣть! Но гдѣ вы были, что я васъ столь долго но тщетно искала? Какое столь отдаленное мѣсто и чрезъ толь долгое время васъ скрывало, что вся моя къ вамъ нѣжность не въ состоянiи была меня до васъ довести? Какая женщина осмѣлилась здѣсь оспорить мнѣ ваше сердце! Ахъ ея къ вамъ горячность никогда не можетъ сравниться съ тою любовiю, которою я къ вамъ пылаю. Повѣрь, любезный Улиссъ, что я непрестанно васъ видѣть желаю, и только тѣ минуты щастливыми почитаю, которые я препровождаю съ вами. Но при всемъ томъ мнѣ кажется, что вы находите въ томъ свое удовольствiе, чтобъ на должайшее время отъ меня отставать О есть ли бы вы могли прочитать то, что написано на моемъ сердцѣ! Но по крайнѣй мѣрѣ вы то понять можете изъ моихъ глазъ! Смотрите, сколь они наполнены тѣмъ пламенемъ, которое вы возжгли въ моемъ сердцѣ. Но какой печальной взоръ! Вы воздыхаете, Улиссъ:

мнѣ

мнѣ кажется, что васъ снѣдаетъ нѣкоторое безпокойство: но какое печальное приключенїе могло потревожить васъ въ моей области? Вы въ ней повелитель, вы царствуете въ моемъ сердцѣ.... Ахъ! вы ничего не отвѣчаете. О боги! не ужè ли я имѣю нещастїе ему не нравиться? и естьли такъ, то для чего меня не умерщвляете?

УЛИССЪ.

Не опасайтесь Цирцея, сердце мое нимало не перемѣнилось.

ЦИРЦЕЯ.

Вы возвращаете мнѣ жизнь, любезный Улиссъ. Но что означаетъ твое столь многими заботами обремененное чело? Не хочешь ли ты мнѣ дѣлать выговоровъ?

УЛИССЪ.

И конечно! надобно чтобъ я вамъ открылся въ моихъ на васъ подозрѣнїяхъ. Вы мною играете, Цирцея, вы надо мною смѣетеся, вы меня совсѣмъ отдаете на жертву своей любви. Вы опасаетесь моего отъѣзда, и въ самомъ

дѣлѣ только тщетною надеждою меня питаете: но чтобъ часъ моего отъѣзда отложить на должайшее время, развѣ вы не могли найти инаго средства, кромѣ того, чтобъ вамъ не содержать своего слова. Вы мнѣ обѣщали, что животные, съ которыми я разговаривать буду, получатъ для разумѣнія моихъ словъ прежній свой разумъ.

ЦИРЦЕЯ.

Конечно. Чегожъ вы еще требуете?

УЛИССЪ.

Вы сего не исполнили.

ЦИРЦЕЯ.

Я сего не исполнила! Какъ, развѣ они вамъ не на всѣ ваши предложенія отвѣтствовали?

УЛИССЪ.

Отвѣтствовали; но одинъ другаго хуже.

ЦИРЦЕЯ.

Въ етомъ ужé не я виновата.

УЛИССЪ.

Но вы возвратили только способность говорить, не возвративъ имъ

ни

ни самаго малѣйшаго разсудка. Они только могли болтать пустошь, а большимъ ничемъ ихъ не снабдили: вы конечно опасались, чтобъ они, согласившись принять на себя свой прежній видъ, не удалились отсюда со мною вмѣстѣ.

ЦИРЦЕЯ.

Ахъ повѣрь, Улиссъ, что ты обманываешься. Я симъ животнымъ, съ которыми ты разговаривалъ, возвратила тотже самый разумъ, которой у нихъ отняла; естьли же вы ихъ разговоромъ недовольны, то я весьма о томъ сожалѣю; но я въ томъ ничего невиновата. Ето, какъ кажется, произошло отъ того, что они довольны своимъ настоящимъ состояніемъ. А когда изъ того, что они не хотѣли удовольствовать вашихъ желаній, вы заключаете, что имъ не достаетъ разума, и что по крайнѣй мѣрѣ я не влïяла въ нихъ столько разсудка, сколько имъ надобно было, чтобъ понять все превосходство того состоянія, которое принять они не заблаго-

разсудили; то вы весьма несправедливо дѣлаете.

УЛИССЪ.

Но могли ли бы они не склониться на толь выгодныя для нихъ предложенія, естьли бы они одарены были совершеннымъ разумомъ?

ЦИРЦЕЯ.

Ето очень вѣроятно: потому что они и въ самомъ дѣлѣ на нихъ несклоняются. Но послушай меня, любезный Улиссъ, и оставь свое желаніе, чтобъ отвести когонибудь изъ твоихъ земляковъ въ твою землю. Перестань принуждать ихъ съ собою ѣхать. Путь, которой они для себя избрали, не подаетъ вамъ, какъ кажется, великой надежды къ полученію въ томъ успѣха.

УЛИССЪ.

И такъ вы думаете, что безполезно для меня будетъ испытывать еще въ томъ своего щастія? Но здѣлай для меня еще одно, любезная Цирцея. Нѣжное дружество, которое вы ко мнѣ оказываете, подаетъ мнѣ смѣлость

лость просить васъ объ ономъ. Возвратите человѣческой видъ нѣкоторымъ изъ превращенныхъ вами Грековъ: я вамъ оставлю всѣхъ тѣхъ, которыхъ бы могъ преклонить на мои предложенія, а вы меня избавите чрезъ то отъ труда разговаривать съ ними.

ЦИРЦЕЯ.

Ахъ нѣтъ, нѣтъ, любезный Улиссъ; любовь не подаетъ мнѣ права преступать свои клятвы. Ты хочешь, чтобъ я держала свое слово, такъ дозволь, чтобъ я и отъ тебя того же требовала. Мы согласилися, какъ вы и сами помните, чтобъ мнѣ при возвращеніи вамъ вашихъ земляковъ, не дѣлать имъ никакого насилія; и надобно, чтобъ они на то согласились, не будучи мною принуждаемы, оставить то состояніе, въ которое я ихъ привела: но на что вамъ сіи животныя? Оставьте ихъ въ покоѣ, пусть они послѣдуютъ своимъ склонностямъ. Оставьте ихъ Улиссъ, еще вамъ повторяю: для чего хочете тратить въ

безполезныхъ съ ними разговорахъ то время, которое бы вы могли препроводить гораздо въ пріятнѣйшихъ упражненіяхъ? Для чего вы не подражаете моему примѣру? Все, на что здѣсь ни посмотрите, призываетъ васъ ко вкушенію отчасу большаго удовольствія: луга неувядающею зеленостію покрытые, рощи непрестанно цвѣтущіе, которые кажутся быть насажденными отъ самаго Амура, птицы повторяющіе свои нѣжныя пѣнія, не уже́ ли не могутъ обратить на себя вашего вниманія? Къ чемуже вы можете быть чувствительны, когда сіе все васъ нимало не трогаетъ?

УЛИССЪ.

Вы всегда говорите о удовольствіи, и ни о чемъ больше не думаете, какъ объ удовольствіи.

ЦИРЦЕЯ.

О какъ бы я была щастлива, естьли бы всегда оное ощущала! Люди не могутъ имѣть много веселыхъ чувствованій: какія бы ни были ихъ веселости; однако они всегда будутъ весьма

ма тѣсно ограничены. Въ нихъ нѣтъ пріятной разности, и они мало чувствительны.... Но куда вы бѣжите?

УЛИССЪ.

Не больше, какъ на одну только минуту, позвольте мнѣ себя оставить, прекрасная Цирцея. Я вижу стадо оленей: надобно думать, что между ими есть кто нибудь изъ Грековъ. Вамъ смѣшно кажется мое предпріятіе; но я не могу удержаться, чтобъ съ ними не поговорить. Вы весьма удивитесь, естьли тотчасъ приведу кого нибудь изъ нихъ въ такомъ видѣ, въ какомъ и я.

ЦИРЦЕЯ.

Какая въ немъ нетерпѣливость! Мнѣ необходимо надобно будетъ самой нѣкоторыхъ изъ Грековъ ему возвратить; ибо онъ одинъ и у сихъ оленей нелучшій успѣхъ получитъ, какъ и у прежнихъ животныхъ.... Вонъ онъ ужé съ ними встрѣтился, но онъ не скоро свое дѣло окончитъ, и я буду довольно имѣть времени, пока онъ

ко мнѣ не возвратится, присудствовать при празднествѣ чрезъ нѣсколько уже дней для меня прїуготовляемомъ. А ты амуръ! подай слабому моему сердцу столько спокойствїя, чтобъ не помрачить онаго торжества тою скукою, которая меня снѣдаетъ.

УЛИССЪ.

Ей слушайте олени! нѣтъ ли кого нибудь между вами изъ Грековъ, которыхъ Цирцея въ сей видъ превратила?

ЛАНЬ.

Какое чудо! какое неожидаемое благополучїе! Я слышу, и понимаю человѣческой голосъ: я еще могу и говорить? Какая другая волшебная сила мнѣ, всего разума лишенной возвращаетъ паки способность разумѣть и говорить?

УЛИССЪ.

Ахъ Лань, такъ ты конечно была женщина? Цирцея мнѣ сего не сказала .... Ето я, который исходатайствовалъ для васъ сїю щастливую перемѣну.

ЛАНЬ.

Слѣдовательно, вамъ я одолжена симъ благодѣяніемъ; но кто вы таковы?

УЛИССЪ.

Я человѣкъ, который можетъ, естьли вы согласитесь вывести васъ изъ сего низкаго состоянія, въ которое Цирцея васъ вринула. Я Улиссъ, Царь Иѳакской.

ЛАНЬ.

Иѳакской? но Иѳака есть отечество моего мужа!

УЛИССЪ.

Тѣмъ лучше! По етому вы весьма обрадуетесь, естьли его увидите.

ЛАНЬ.

Нѣтъ; ахъ нѣтъ! Онъ къ великому моему удовольствію умеръ. Ето былъ самой скучнѣйшій сожитель, онъ былъ философъ: вотъ вамъ все! Женщина весьма должна быть недовольна такими мужьями. Будучи они столь же скучны, какъ и ихъ книги, говорятъ только словами односложными. Никогда отъ нихъ не услышишь

ни малѣйшаго ласковаго слова, а еще меньше шутливаго. О! это никуда не годные мужья!

УЛИССЪ.

Да развѣ нѣтъ и другихъ такихъ же?

ЛАНЪ.

Но сїи всѣхъ хуже. Напримѣръ, сказалъ ли онъ мнѣ когда нибудь хотя единожды: Хлоя, ты мнѣ кажешся прекрасною; любезная Хлоя, я тебя люблю.

УЛИССЪ.

Смерть его слѣдовательно васъ отъ него избавила?

ЛАНЪ.

Но весьма поздо.

УЛИССЪ.

Какъ то ни есть, только вы отъ него свободились. Не будете ли вы радоваться теперь, естьли пойдете за другаго мужа, котораго прїятности истребятъ изъ мыслей вашихъ грубость перваго. Я могу вложить въ васъ склонность и способность къ прїобрѣтенїю сего удовольствїя. Цирцея

цея увѣрила меня, что я могу возвратить вамъ первое ваше состоянїе, естьли только вы сего пожелаете. Смотритежъ теперь, Хлоя, хочете ли вы опять здѣлаться женщиною?

ЛАНЬ.

Нѣтъ, я о томъ и не думаю.

УЛИССЪ.

Вы наградите мой трудъ, которой я тщетно употребилъ надъ многими животными, съ которыми я разговаривалъ, и которые были столь ослѣплены, что не могли принять самаго полезнѣйшаго для нихъ предложенїя, которое я имъ дѣлалъ. И я бы не сталъ сожалѣть о сей моей поступкѣ, естьли бы я могъ возвратить Грецїи молодую красавицу, каковы, какъ и не сомнѣваюсь, были вы.

ЛАНЬ.

Ето правда, я могу безъ тщеславїя сказать, что я была недурна, и очень недурна; и я умѣла заслуживать любовь: но что до молодости, то я ужé была гораздо въ лѣтахъ въ то время, когда меня Цирцея въ Лань превратила.

Улиссъ

УЛИССЪ.

Однако вы будете еще нравиться. Вы найдете новыхъ любовниковъ, и имѣя способность обращать на себя ихъ взоры, вы будете заражать многія сердца.

ЛАНЬ.

Ахъ Улиссъ! Ласкательство твое здѣсь безполезно: береги его для такихъ женщинъ, которые о своей красотѣ больше предувѣрены нежели я. Человѣкъ умѣющій употреблять въ свою пользу наше самолюбіе, есть самый опаснѣйшій для насъ препинатель: Самая строжайшая добродѣтель часто не въ состояніи бываетъ защититься отъ сего яда. Но въ семъ состояніи, въ которомъ я нахожусь, все ваше сладкорѣчіе и нѣжной видъ, съ какимъ вы меня уговорить стараетесь, будутъ безуспѣшны. Можетъ быть и трудъ вашъ, чтобъ склонить меня на ваше мнѣніе, будетъ напрасенъ. Ибо я ничего не вижу, что бы я пріобрѣсть могла, оставивъ теперешнее мое состояніе.

Жизнь человѣческая непрелестнѣе моей, а состоянїе женское во сто разъ еще и того хуже: люди суть невольники законовъ, а женщины суть невольницы и законовъ и людскагó своенравїя. Они насъ не иначе почитаютъ, какъ сотворенными единственно для ихъ увеселенїя.

УЛИССЪ.

Но вы бываете предмѣтомъ ихъ наипрїятнѣйшихъ желанїй. Безъ васъ наша жизнь была бы весьма скучна. Она бы была несносна, естьли бы вы прїятностїю своего обхожденїя не услаждали ея горести. Въ истинну сказать, вы можете назваться хранилищемъ всѣхъ нашихъ самыхъ нѣжнѣйшихъ увеселенїй. Безъ васъ не знали бы мы тѣхъ сладкихъ утѣхъ, которые насъ въ восхищенїе приводятъ, тѣхъ сладкихъ восторговъ, которые насъ внѣ себя восхищаютъ. Безъ сей любви, которую вы въ насъ вливаете, безъ сихъ жаркихъ желанїй, которые вы возжигаете въ нашихъ сердцахъ, увы, не наказанїе ли бы было

то, чтобъ родиться на свѣтъ! Вы украшенїе нашей природы, и самое лучшее ея произведенїе.... Ничто не можетъ быть столь прекрасно, какъ сїи прелестныя глаза.

ЛАНЬ.

Но сколь часто мы весьма дорого платимъ за то преимущество, которое намъ любовь отдаетъ надъ тѣми, кои намъ угождаютъ. Мы живемъ только для любви, и бытїя нашего одинъ конецъ только тотъ, чтобъ любить. Мы отъ природы одарены чувствительнѣйшимъ сердцемъ и нѣжнѣйшею живностїю. Отъ самой нашей горячей юности до холодной старости любовь есть та страсть, которая надъ нами непрестанно владычествуетъ, и вмѣсто того, чтобъ ей составлять благополучїе нашей жизни, она наполняетъ ее мученїями. Мущины по своему легкомыслїю, по своей несправедливости, по своимъ предувѣренїямъ тотъ нѣжной союзъ, которой долженствовалъ быть источникомъ удовольствїй, нашли способъ превра-

щать

щать въ неисчерпаемую пучину заботъ и печалей. Они выдумали какую то пустую честь, для которой, не знаю, по какому праву, всегда требуютъ отъ насъ отчету во всѣхъ нашихъ дѣлахъ; и къ дополненiю своей наглости, непостоянства и несправедливости, они употребляютъ всѣ средства, чтобъ насъ обезчестить. Они намъ дѣлаютъ разныя искушенiя, ласкаютъ нашей страсти; а въ то время, когда она здѣлается уже непреоборимою, они насъ обманываютъ, и намъ же сiе ставятъ въ вину. Они то за славу почитаютъ, когда всѣваютъ въ сердца наши такiя чувствованiя, за которыя послѣ насъ же осуждаютъ. Они упрекаютъ насъ слабостiю, вмѣсто того, чтобъ упрекать себя несправедливостiю. Въ нынѣшнемъ же моемъ состоянiи по крайнѣй мѣрѣ я тѣмъ довольна, что никто мнѣ не поставитъ въ преступленiе, естьли здѣлаю удовольствiе моимъ склонностямъ въ томъ, чего они отъ меня требуютъ.

Улиссъ

УЛИССЪ.

Это правда, что вы женщины всегда больше вольности имѣете въ вашихъ любовныхъ дѣлахъ.

ЛАНЬ.

Какъ больше вольности? Развѣ во сто разъ меньше. Плѣненная женщина откроется ли въ томъ предъ своимъ побѣдителемъ? Никакъ, онабы лучше желала скрыть и отъ себя самой ту страсть, которою она упоена. Но какая тогда для женщины скука, когда она не можетъ ввѣрить своихъ мученій виновнику оныхъ? Коль сильна та болѣзнь, когда мы брачнымъ союзомъ будучи обязаны, принужденными себя находимъ истреблять изъ своего сердца тѣ нѣжныя воздыханія, которые и мученіе и утѣху истинныхъ любовниковъ составляютъ? Ахъ какого труда мнѣ стоило, Улиссъ, скрывать отъ своего мужа то пламя, которое не къ нему пылало. Правда: удовольствіе потоль многотрудномъ принужденіи снискиваемое драгоцѣннѣйшимъ становится; но сколь часто, подозрѣвающая ревни-

ревнивость, и слѣдующіе за нею выговоры причиняютъ несносную горесть! Мущина по крайнѣй мѣрѣ можетъ открыть свою любовь, какъ скоро оныя дѣйствія въ себѣ почувствуетъ: но женщина . . . . Ахъ я теперь несравненно щастливѣе, я не имѣю никакихъ желаній, которыхъ бы я стыдиться была должна, не имѣю и такихъ, которыхъ бы я не могла удовольствовать столько, сколько мнѣ угодно.

УЛИССЪ.

Это правда: но у васъ любовь въ тоже почти самое время оканчивается, въ которое и начинается: какъ скоро удовольствуете свое желаніе, то и все кончилось. Вы не знаете тѣхъ пріятностей раздражающихъ еще болѣе желанія, тѣхъ прелестныхъ пріемовъ, тѣхъ сладкихъ забавъ, тѣхъ нѣжныхъ слезъ и проницательныхъ вздоховъ; однимъ словомъ, вы не знаете тѣхъ пріятностей, которые не суть послѣдніе, но только еще ведутъ, и путь приготовляютъ къ верьховному удовольствію.

ЛАНЬ.

Но мы не знаемъ также и выговоровъ, и несносной невѣрности, ни несправедливыхъ поступокъ, ни тѣхъ скучныхъ отвращенiй, которыя суть слѣдствiями оныхъ. Ето суть мущины, которые наибольше отнимаютъ у меня желанiе здѣлаться опять женщиною. Они принимаются тогда за шутки и насмѣшки, когда уже всю свою злость на насъ истощатъ. Вить сказалъ же нѣкто, что человѣкъ, который имѣлъ одну только жену, достоинъ увѣнчанъ быть отъ рукъ терпѣнiя: но тотъ, которой имѣлъ двѣ, долженъ вѣнца ожидать отъ глупости.

УЛИССЪ.

Что женщины и любви весьма достойныя почти всегда не довольно милы своимъ мужьямъ, ето происходитъ отъ того, что они переговорятъ все, и истощатъ совсѣмъ взаимныя прiятности еще прежде, нежели вступятъ въ союзъ; а по вступленiи въ оной ничего больше для нихъ не остается кромѣ скукъ.

ЛАНЬ.

Ето правда. Они сами виноваты, Надлежало бы имъ прежде себя взаимно запутывать, а потомъ мало помалу и съ бережливостїю раздѣлять всѣ тѣ прїятности, какїе они могутъ найти въ своихъ разговорахъ и въ своемъ сожитїи: такимъ образомъ взаимная любовь долѣе бы между ими пребывала. Имъ бы надобно употреблять нѣкоторой родъ слюзовъ, которые бы производя нестремительное, но плавное въ любовныхъ забавахъ теченїе, удерживали бы любовь на должайшее время. Люди въ обществѣ, по крайнѣй мѣрѣ хотя изъ учтивства ласково между собою обходятся, а въ супружествѣ они и того не дѣлаютъ. Они показываютъ себя такими, каковы они и въ самомъ дѣлѣ: а какъ они почти всегда злы, то они взаимно себя и ненавидятъ, а особливо въ супружествѣ.

УЛИССЪ.

Такъ не ужели и вы, Хлоя, въ вашемъ супружествѣ взаимную имѣли

между

между собою ненависть? Ибо сїе ваше положенїе не можетъ быть столь общее, чтобъ изъ него не можно было здѣлать никакого изключенїя, и чтобъ не было никогда супружествъ и щастливыхъ?

ЛАНЬ.

По крайнѣй мѣрѣ нѣтъ столь нѣжныхъ, какъ то скоропреходящее удовольствїе, которымъ я нынѣ наслаждаюсь. Но для чего и между вами сего не дѣлается? Для чего вы налагаете вѣчныя узы на тѣ чувствованїя, которыя наиболѣшее имѣютъ право пользоваться вольностїю? Я бы тотъ часъ согласилась возвратиться въ Грецїю, естьли бы я могла быть увѣрена, что впредь избѣгну таковыхъ узъ: но сколь мало женщина должна полагаться на свое сердце! Сколь часто оно ей измѣняетъ! Я теперь щастлива. Какую я имѣю нужду жертвовать моимъ блаженствомъ, столь непостоянному и сомнительному жребїю, каковъ есть вашъ? И такъ, Улиссъ, я не прїемлю твоего предложенїя.

Улиссъ.

УЛИССЪ.

Ты не хочешь принять моего предложенія? Такъ готовься на вѣчное молчаніе. Вотъ до чего ты чрезъ сіе дойдешь! Какъ скоро я тебя оставлю, то ты во всю свою жизнь не будешь въ состояніи ни одного слова вымолвить. Способность говорить, которую мой съ тобою разговоръ въ тебя вложилъ, я унесу съ собою: вотъ до чего ты себя доводишь!

ЛАНЬ.

Ни одного слова во всю мою жизнь!... Ето правда, сіе для меня весьма страшно . . . .

УЛИССЪ.

Прощай Хлоя. Я пойду говорить съ другими Греками, которые лучше умѣютъ пользоваться тою щастливою перемѣною, какую я надъ ними здѣлать могу.

ЛАНЬ.

Ни одного слова? . . . . Ахъ! ето для того, что онъ отходитъ. Но послушай Улиссъ!

УЛИССЪ.

Мнѣ недосугъ: избирайте что нибудь одно поскоряе: Цирцея меня ожидаетъ.

ЛАНЬ.

Но естьли я соглашусь принять прежнїй мой видъ, то кто прїиметъ на себя трудъ вывести меня отсюда?

УЛИССЪ.

Я уже вамъ сказалъ, что я.

ЛАНЬ.

Очень хорошо: такъ я готова за тобою слѣдовать. . . . Ахъ боги! . . . но вотъ я какова была!

УЛИССЪ.

Ахъ какъ вы прекрасны! Ахъ, прелестная Хлоя, какъ вы мнѣ нравитесь! какъ вы молоды! какъ бодры! какїя прїятности! какой прелестной видъ на вашемъ лицѣ! Я чувствую, что васъ люблю. Такъ: я васъ люблю больше, нежели Цирцею. Ваша красота затмѣваетъ въ моемъ сердцѣ всѣ ея прелести. Но естьли она прїйдетъ въ сїю минуту, естьли увидитъ васъ, то она неотмѣнно

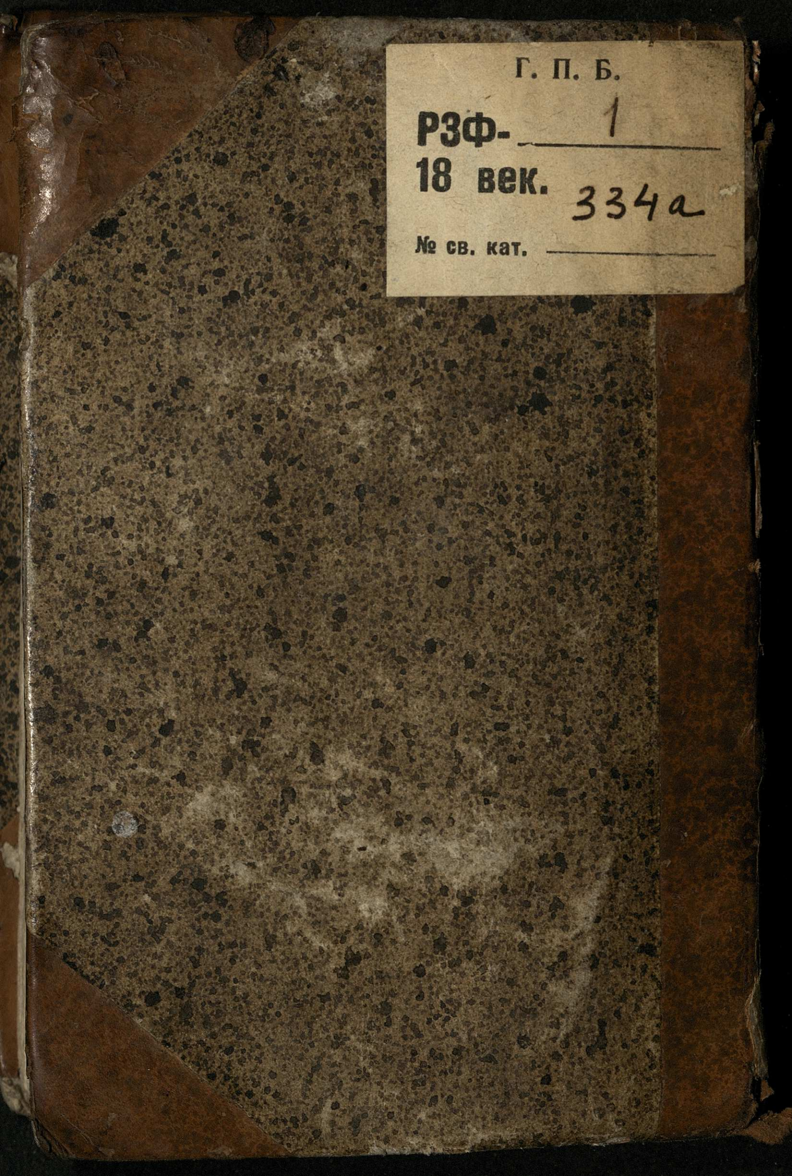
здѣлается

здѣлается ревнивою: она вамъ отмститъ, нашедши васъ столь прекрасною: она вамъ безъ сомнѣнія отмститъ , естьли увидитъ что я отдалъ вамъ мое сердце. Удалимся отсюда: удалимся отъ сего острова. Поди со мною, любезная Хлоя: поди, и будь украшеніемъ моего государства.

КОНЕЦЪ.

in Petropol et Moskau

Г. П. Б.
РЗФ- 1
18 век. 334а
№ св. кат.